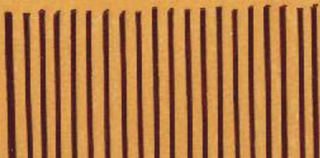

**ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ
ТУРКМЕНИСТАНА**

■

АШХАБАД—1984

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Ответственный редактор
член-корреспондент АН ТССР
В. М. Массон

АШХАБАД · ЫЛЫМ · 1984

ББК 63.4(2)
П 68

Рецензенты

О. Бабаков, И. Масимов

Проблемы археологии Туркменистана/Отв. ред.
П68 В. М. Массон.—А.: Ылым, 1984.—172 с. с ил.

1 р. 70 к.

Исследуются новейшие достижения археологии Туркменистана: характеризуются орудия труда первобытных людей, рассматривается материальная культура древних и средневековых насельников Туркмении. Археологические методы исследования подаются в сочетании с естественно-научными.

Для археологов.

ББК 63.4(2)

П 0507000000—028 11—88
М 561(14)—84

© Издательство «Ылым», 1984 г.

Л. А. Белова

ПЕРВОБЫТНЫЕ СТОЯНКИ «ШАГАЛ» У НЕФТЕЗАВОДСКА

Сборы кремневого инвентаря, произведенные краеведом Н. Котельниковым в долине Амударьи в 4 км от русла, составили значительное количество, около 3 тыс. экз.

Всего здесь зарегистрировано 17 местонахождений. Весь материал подъемный, но настолько однородный, что, несомненно, представляет научный интерес. Кремневая индустрия характеризуется единством сырьевого материала, техники обработки кремня и типологического состава орудий труда. В качестве сырья использовались миниатюрные галечки кремневых пород коричневых тонов. Миниатюрные размеры используемых галек, по-видимому, сыграли определенную роль в развитии микролитической техники у древнего населения интересующего нас района.

Подробное описание находок со всех пунктов «Шагал», геологическая их привязка составят основу следующей работы. Здесь же остановимся на характерных чертах шагальской микролитической индустрии.

Кремневый материал долины Амударьи выразителен и своеобразен (рис. 1). Индустрия комплекса резко отличается от джейтунской, прикаспийской и кельтеминарской выраженной микролитондностью и требует специального изучения. Орудия в общей сумме находок составляют до 30%. Заготовками для них служили микропластины, обломки или сечения средних пластин и мелкие отщепы, близкие по размерам к чешуйкам.

Преобладает мелкая притупливающая ретушь, реже отмечается мелкая приостряющая и единично противоположащая. Набор орудий расклассифицирован следующим образом:

Микропластинки с одним обработанным краем, иногда скошенным концом; обработка их производилась чаще всего мелкой затупливающей ретушью.

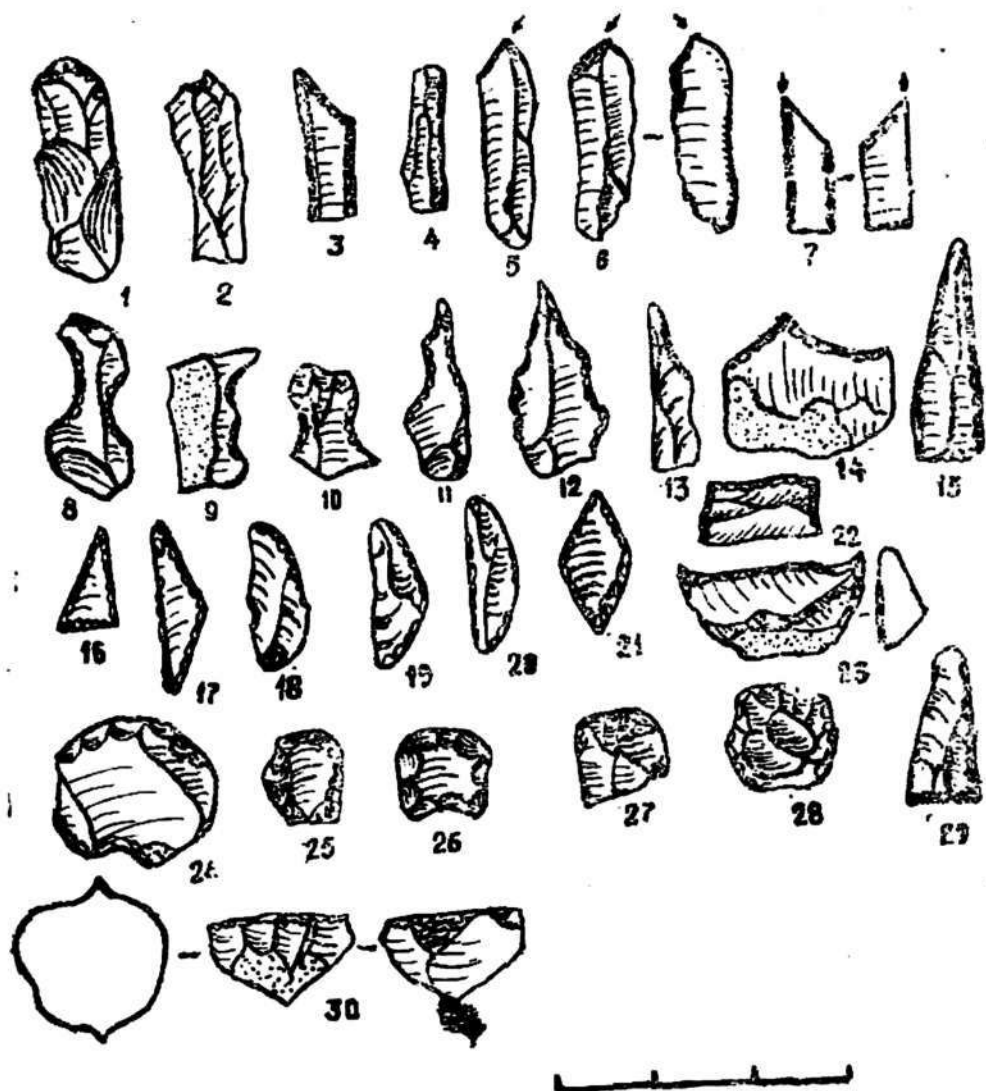

Рис. 1. Кремневые орудия из стоянок Шагальского комплекса.

Скребки, приближающиеся по форме к микроскребкам, в подавляющей массе подоокруглые, но имеются и концевые-боковые на обломках средних пластин, а также миндалевидные, находящие аналогии в Джейтуне. Обработка их производилась мелкой затупливающей ретушью, иногда в сочетании с приостряющей или противолежащей.

Проколки представлены широким ассортиментом: со специально выделенным жальцем-острием, обработанным с обеих сторон; стержневидные и «с плечиками» на отщепе, обработанные затупливающей ретушью.

Орудия с выемками (скобели) изготавливались как на отщепе, так и на микро- и средних пластинках. Выемки обрабатывались приостряющей и мелкой затупливающей ретушью и располагались с одного края или асимметрично с

двух краев. Резцы отмечаются в коллекции как срединные, образованные двумя сколами, так и угловые, лезвия их сформованы сколом и ретушью, значительная часть помещена на выемчатых орудиях. Широко представлены ножевидные пластины, которые часто использовались без вторичной обработки. На многих орудиях чаще один край обработан приотстригающей ретушью.

Наконечников, во всяком случае целых, в коллекции нет. Имеются обломки, судя по обработке которых (плоская ретушь почти по всей поверхности одной стороны) можно предположить, что они принадлежат наконечникам. Нуклеусы, найденные в сборах, представлены сработанными до микроразмеров экземплярами, что говорит в пользу традиции применять микролитические изделия. Это подконусовидные формы, с которых скалывались микропластины и мелкие отщепы.

Важно отметить, что в наборе орудий значительное место занимают геометрические микролиты (9,3% от общего числа находок). Они отличаются миниатюрными размерами и формой от джейтунских, прикаспийских и узбойских микролитов и включают следующий набор: трапеции, сегменты, треугольники, единично — ромбы и прямоугольники. Трапеции мелких и средних размеров, длина основания—1,3—2 см, высота—0,8—1 см, обработаны асимметрично по трем сторонам — боковым и верхней, удлинённых пропорций. По верхнему краю в двух случаях из семи отмечена чуть заметная выемка, подчеркивающая верхние углы, возможно, используемые в качестве острий.

Сегменты из Шагальского комплекса местонахождений также отличаются от всех известных нам типов на территории Туркменистана. Они изготовлялись на микропластинках и имели миниатюрные размеры—1,5—2,2 см в длину и 0,3—0,6 см в высоту. Верхняя дуга сегментов, как правило, утолщенная и обработана мелкой затупливающей ретушью, основание тонкое, со следами использования. Ромб и прямоугольник в коллекции представлены единично, первый изготовлен на относительно массивном мелком отщепе и обработан по периметру затупливающей ретушью, второй—на сечении средней пластинки.

Интересную и значительную группу составляют треугольники, в большинстве асимметричные, низкие, удлинённых пропорций, оформленные по двум боковым краям мелкой притупливающей ретушью. Отмечаются и низкие симметричные изделия, а также высокие треугольники, выполненные на пластинках среднего размера, обработанные в двух случаях

по одной боковой стороне, и в одном — по двум боковым сторонам и основанию мелкой притупливающей ретушью.

Хозяйство древних насельников долины Амударьи, судя по типологическому набору орудий, носило присвояющий характер. Следы заполировки на некоторых ножевидных пластинках указывают на их применение при сборе диких злаков.

Несмотря на имеющиеся намеки типологического сходства с известными нам культурами, аналоги миндалевидных микроскребков находят в Джейтуне, а низких миниатюрных асимметричных треугольников и значительное количество геометрических микролитов с единичными ромбами и прямоугольниками — в Дарьясайских стоянках (северные староречья Зеравшана); Шагальский комплекс представлен своеобразным инвентарем, характеризующимся выраженной микролитондностью и большим разнообразием геометрических микролитов.

Хронологическая оценка Шагальского комплекса стоянок осложняется отсутствием культурного слоя при выраженном своеобразии кремневого инвентаря, что затрудняет сопоставление последнего с материалами синхронных памятников, имеющих хорошую слойную стратиграфию. Но уже при предварительном сопоставлении типов орудий в количественном и качественном отношении с учетом вторичной обработки предполагается, что время бытования стоянок можно отнести к раннему неолиту.

При более тщательной статистической и типологической обработке хронологические рамки будут уточнены.

Е. Е. Кузьмина, А. А. Ляпин

НОВЫЕ НАХОДКИ СТЕПНОЙ КЕРАМИКИ НА МУРГАБЕ

Один из ключевых моментов исторического развития Средней Азии — взаимоотношения между степными скотоводческими и оседлыми земледельческими народами. С продвижением евразийских скотоводов с севера на территорию Туркмении некоторые исследователи связывают разразившийся во II тысячелетии до н. э. кризис культуры земледельцев, гибель ряда поселений и целых оазисов; другие же объясняют эти процессы внутренним политическим и экономическим кризисом земледельческих общин или изменением экологических условий; вместе с тем в северных пришельцах видят носителей индоиранской речи и с их утверждением в

Туркменистане связывают дальнейшее расселение индоиранских народов.

Эти гипотезы, недостаточно подкрепленные конкретным материалом, на протяжении многих лет остаются остро дискуссионными; между тем, без их выяснения невозможно объективное воссоздание истории не только Средней Азии, но и сопредельных областей. Поэтому первостепенное значение приобретает каждый новый факт, позволяющий реконструировать палеоэкологию, установить продвижение степных племен и характер их взаимодействия с земледельцами.

Первые сборы керамики степного типа на Мургабе были сделаны А. А. Марущенко еще в 1941—1942 гг., когда он открыл стоянки у ст. Тахта-Базар [8, с. 146] и Имам-Баба. Принципиальное значение имело обнаружение В. М. Массоном подобной керамики в кроющем слое земледельческих поселений периода Намазга VI Аучин и Тахирбай 3 в древней дельте Мургаба [19, с. 17, табл. 11]. В 1959 г. А. А. Марущенко и О. Бердыев произвели сборы на прежних дельтовых протоках Мургаба в Марыйском районе у колодца Сахат-Эсир и Байрам-Алийском—у колодца Кэладжи; а также на поселениях Аучин и Тахирбай¹. В настоящее время коллекция значительно увеличилась благодаря новым сборам на поселениях Аучин 1, Тахирбай 3, 13, 15 и открытию В. И. Сариниди и И. С. Масимова в низовьях дельты новых базисов — Гонурского, Тоголокского, Келлелинского, Адамбасанского, Аджикуинского с большими укрепленными поселениями Гонур, Тоголок 1 и 21, Таип 1 и десятками мелких тепе, на большинстве из которых найдена степная керамика [24, с. 483—484; 25, с. 529; 26, с. 20—28, рис. 1—5; 27, с. 549; 16, с. 552; 17, с. 550—551; 18, с. 121, рис. 6, 30—36].

Культура земледельцев в дельте Мургаба относится к периодам Намазга V—VI, скотоводческая керамика представлена подъемным материалом и, видимо, принадлежит кроющему слою.

Новые материалы получены и в результате разведок вдоль Мургаба, осуществленных в 1968 г. А. А. Марущенко и А. А. Ляпиным, а в 1976—1977 гг. продолженных А. А. Ляпиным, работавшим на Карабиле с геоморфологами ТуркменНИГРИ, а в дельте Мургаба—с И. С. Масимовым.

В результате зафиксированы степные местонахождения. На правом берегу реки у Тахта-Базара найдена стоянка, содержащая разновременный, в основном неолитический материал, но также и степную керамику эпохи бронзы [12, с. 21]. Стоянка занимает несколько ровных площадок, выметенных

¹ Устное сообщение А. А. Марущенко.

ветром в эоловых песках, перекрывших отложения 4-й террасы. На правобережном мысе 3-й песчаной террасы Кашана, у входа его в долину Мургаба, найдено несколько таких же фрагментов керамики.

На среднем течении Мургаба выявлен ряд новых пунктов. У станции Имам-Баба они располагаются на правобережных останцах высоких террас, обрывающихся отвесными 20—30-метровыми уступами в современную долину. Пункт Имам-Баба 1, открытый А. А. Марушенко в 1942 г., находится в 5—6 км выше по течению от станции. Его поверхность, горизонтальная близ обрыва и поднимающаяся в сторону песчаного коренного берега, занята эоловыми останцами, выработанными в супесчаных отложениях 4-й надпойменной террасы Мургаба. Керамика встречается здесь на стыке террасы с песчаным берегом. Пункт Имам-Баба 2—в 1 км южнее предыдущего и имеет аналогичное строение; береговой обрыв его подмывается рекой. Тут поднято несколько невзрачных фрагментов. Такой же характер имеют находки на Имам-Баба 3 в 3—4 км к северу от станции; в этом месте была обжита эрозионная полка, выработанная рекой в отложениях 4-й террасы и имеющая отметку верха 3-й террасы.

У северных подножий Карабиля степная керамика зарегистрирована на 9 колодцах — Узбек, Караханбай, Черкезли, Яхбиль, № 39, Алчин-кую, Осман-кую, Дорткудук, Дорткуррук. Некоторые из них удалены от долины реки на 70—80 км. Обследованная местность сложена волнистыми и расчлененными равнинами 4-й и 5-й дельт Мургаба, в которые переходят соответствующие надпойменные террасы. Замки дельтовых равнин расположены недалеко один от другого южнее ст. Имам-Баба. В этом районе борта Мургабской долины представляют собой крутые склоны 4-й террасы. Как и поверхность одновозрастной дельты, она имеет типично пустынный вид — рыхлопесчаные пространства с довольно редкой травянистой растительностью и значительными зарослями кустарников. Переход на 5-ю дельту сопровождается заметной ступенью в рельефе и резким изменением покрова — кустарники исчезают, лишь изредка обрамляя развеваемые вершины высоких бугров; появляется сплошной травостой на плотной дернине. Местность приобретает вид степи. Такие перемены связаны, видимо, с супесчано-лессовым составом грунтов.

Все колодцы заложены в глубоких дефляционных котловинах. В их бортах заметно 2—3 эрозионных уступа, отражающих сложный и неравномерный ход формирования впадин. Степные черепки приурочены, как правило, к верхнему или второму сверху горизонту, но не ко дну. На многих ко-

лодках склоны котловин покрыты разбитыми барханными песками, которые погребли вероятные степные памятники.

Карабиль — район богатейших пастбищ на сероземных почвах. Поверхностных источников воды на северном склоне нет. Уровень грунтовых вод лежит на глубине многих десятков и первых сотен метров. Северная часть 5-й дельты совпадает с южной полосой обширной области распространения пресных и слабо минерализованных вод с содержанием солей 1—3 г/л [28, с. 72]. Приуроченность колодцев к впадинам рельефа позволяет уменьшать их глубину на десятки метров, а также иметь укрытие от ветров. На дне котловин обычно заметны бугры отвалов от рытья старых сооружений, сглаженные холмики и светлые пятна от еще более древних; во впадине Дорткудук отмечен свежий провал диаметром около 3 м на месте древнего колодца.

Впадины находятся на различных стадиях развития. Дно и склоны некоторых зарастают травой; на колодце Кучук позднесредневековая керамика извлечена из пробного шурфа с глубины 0,5 м. Здесь дефляция, видимо, давно сменялась золовым накоплением. Наоборот, песчаные останцы у колодца Дорткудук выявляют продолжение дефляции. Последняя нередко носит антропогенный характер, завися от интенсивности использования водоисточника.

Колодцы связаны между собой старыми тропами, которые легко читаются на местности. На 5-й дельте это обычно неширокая (0,5—1 м) и заплывшая борозда, чуть развеянная по бортам и заросшая травой, иногда — небольшим кустарником. Оптимальность древних трасс, нащупанных среди резко пересеченной местности, подчеркнута идущими параллельно тропам колеями современных дорог. На входе в котловины тропы превращаются в широкие—12—15 м (колодец Узбек) и глубокие ложбины с ровным дном. Местами на склонах котловин сильно развеянные полосы с останцами обозначают участки заброшенных в древности путей. При удалении от котловин тропы быстро дробятся, разветвляются, мельчают. Все признаки указывают на скотоводческий характер использования местности и отсутствие магистральных караванных дорог.

Археологические находки на тропах редки и невыразительны. Основная масса их сосредоточена на колодцах, где подъемный материал включает разновременную керамику: степную, ахеменидскую (один пункт у колодца Алчин-кую), сасанидскую (почти везде), много средневековой штампованной и поливной, нередко—позднесредневековую и этнографическую; на колодцах Узбек, Яхбиль и Дорткудук собраны обломки так называемой «кушкинской» керамики; античные

черепки почти полностью отсутствуют. Находки очерчивают этапы и степень освоения района в различные эпохи. Следов пребывания древних земледельцев в Карабиле не найдено. Не отмечено никакой более древней керамики, чем степная. Ее дает каждый второй из обследованных колодцев; на некоторых она решительно преобладает. Следовательно, степняков можно считать пионерами освоения глубинных пастбищ. Судя по плотному обживанию местности, степняки вполне овладели искусством добычи подземных вод методами устройства глубоких колодцев в рыхлых и сыпучих грунтах, что и позволило им впервые освоить пастбища Карабиля.

Скотоводческое население эпохи бронзы занимало и район дельты.

В древнемургабской дельте у колодца Тархан 2 на такырах, разбросанных пятнами среди невысоких песчаных бугров, собрана небольшая коллекция керамики. Подобные небогатые распыленные скопления типичны для массивов дельты, ранее обжитых земледельцами эпохи бронзы. Необычен в этом отношении памятник земледельцев Таип 1 в 3 км восточнее колодца Таип: на его поверхности очень много обломков степной посуды.

Иногда степная керамика представлена мелкораскрошенным щебнем. Такие россыпи отмечены на кромке песков в юго-восточном углу громадного Келлелинского такыра, на Таипе 1 и на поверхности песчаной косы восточнее его.

Особенности собранного материала позволяют сделать предварительные замечания о характере памятников. Разрозненные черепки на такырах скорее всего говорят о кратковременных посещениях, скопления на террасах и колодцах — о возможных стоянках. Большое количество степной посуды на Таипе 1 указывает на относительно длительность пребывания кочевников. Крупные фрагменты степных корчаг с запесчаненного северо-восточного склона котловины Алчинкую свидетельствуют, может быть, о разрушенных погребениях.

Керамика, собранная на колодцах и стоянках по Мургабу и на земледельческих поселениях дельты, аналогичная не отличается от посуды, ранее обнаруженной на поселениях [8, с. 144—145; 19, с. 117, табл. XI; 26, рис. 1, 4, 5]. Типология керамики составлена по 144 фрагментам, дающим форму (в основном венчики), с 14 новых местонахождений. Преобладающий тип 1 составляют сосуды баночной формы вытянутых пропорций с прямыми или слабо изогнутыми, расширяющимися кверху стенками и невыделенным венчиком. Изредка у банок венчик отделен желобком, образующим в верхней части стенки небольшой уступ (тип 2) (рис. 1—2).

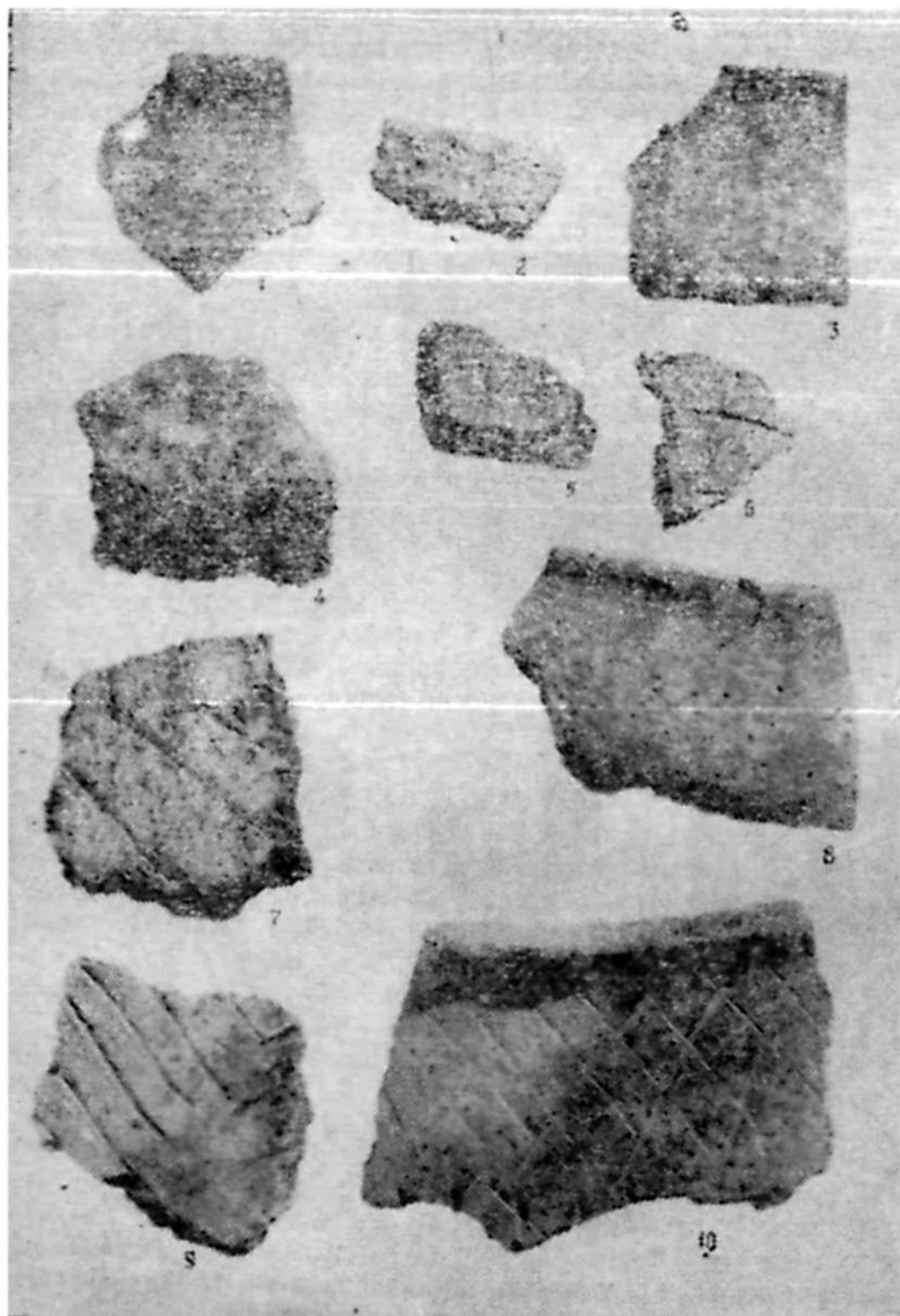

Рис. 1. Керамика степного типа Мургаба: 1, 4, 8—10 — Имам-Баба;
2, 3, 5—7—Тархан 2.

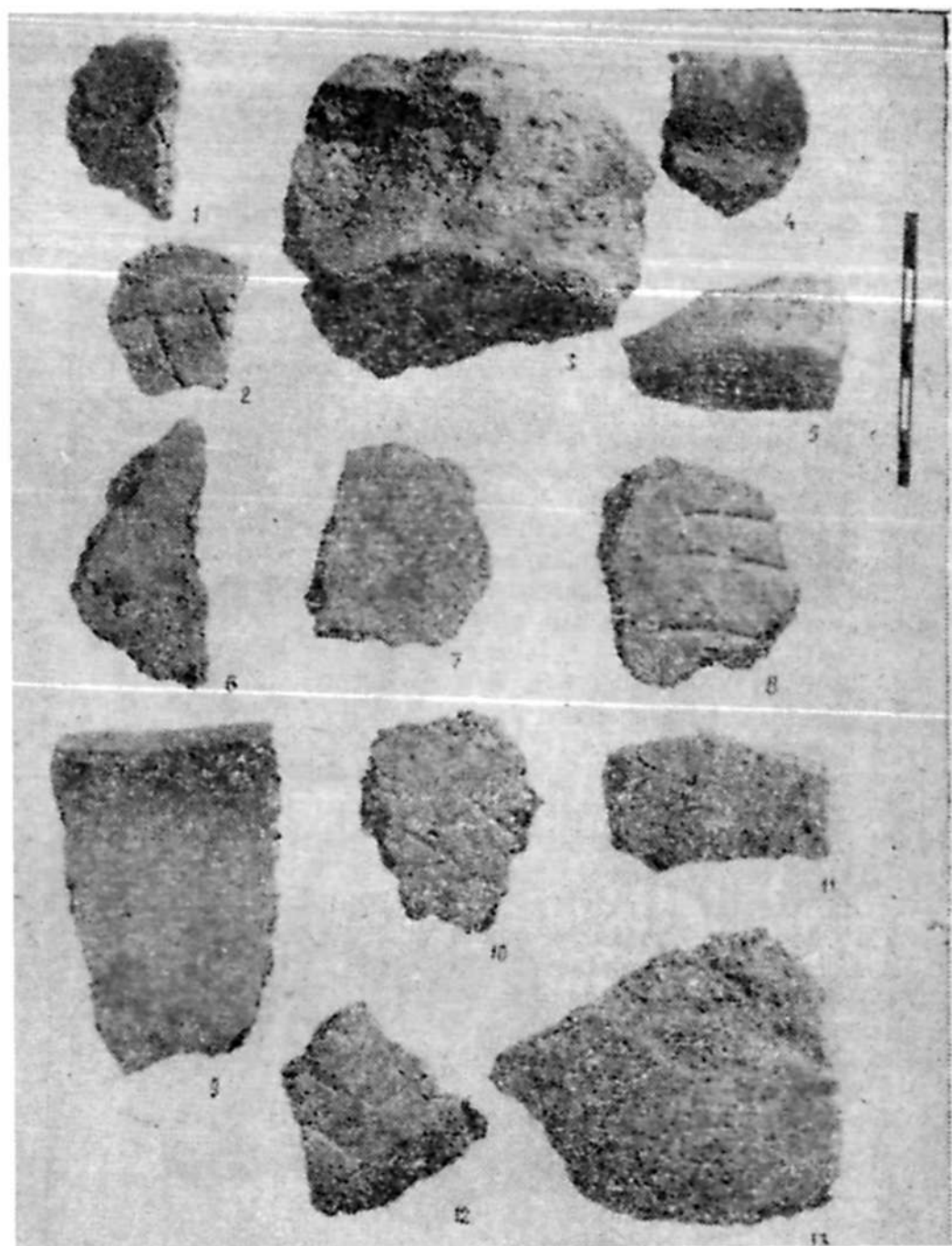

Рис. 2. Керамика степного типа Мургаба: 1, 6, 10—13—Тахтабазар; 2—5—Тархан 2; 7—Кашан; 8—9—Имам-Баба.

Сосуды горшковидной формы встречаются реже. Судя по фрагментам, большинство из них имеет округлое плечо (тип 1) и лишь у незначительной части на плечике прослеживается уступ (тип 2).

Венчики сосудов: 1—прямые, округлые или уплощенные сверху; 2—слегка отогнутые наружу, округлые или уплощенные сверху. Только у нескольких фрагментов венчики треугольного сечения со скосом внутрь сосуда. Донца плоские без поддона.

Сосуды сформованы ленточным способом. Ленты наложены со скосом внутрь, донца вклеены изнутри. Следов лощения на внешней поверхности нет.

С целью изучения состава керамики, технологических качеств и температуры обжига были проведены петрографические исследования¹ черепков с колодцев Тархан 2 и Узбек, а для сравнения — черепка с небольшого местонахождения в 11 микрорайоне Ашхабада². Они выполнялись методом просмотра прозрачных шлифов в проходящем и поляризованном свете. Температура обжига оценивалась по степени разложения кальцита; в массе готового сосуда постепенно происходит вначале гидратация CaO (при хозяйственном использовании и под действием атмосферной влаги), затем поглощение углекислоты из воздуха с превращением извести в аморфный белый карбонат (мел), резко отличный от прозрачного кальцита. В некоторых образцах наблюдается частичное вымывание новообразованного карбоната³.

В приведенных анализах отметим присущие керамике технологические пороки. Прежде всего, это—микротрещиноватость образцов 1 и 2, зависящая, видимо, от неравномерной сушки (и обжига?). Данная особенность придает керамике, помимо непрочности и водопроницаемости, низкую атмосферостойкость и приводит в итоге к распаду черепка на мелкий щебень. О довольно широком распространении недостатка свидетельствует подобный щебень на Таипе 1, перемешанный с «целыми» черепками.

Плохой промешанностью исходного сырья, возможно, объясняется не совсем равномерное распределение обломочного материала в обр. № 1, если считать его намеренно использованным в качестве отошителя. В таком случае применялся не барханный песок (с псаммитовой — песчаной структурой), а пылеватый (алевролитовый) материал из намывов атмосферных вод на такырах и в межбарханных понижениях.

Основной добавкой в глине служит шамот. Неожиданной оказывается его сильная ожелезненность, что в целом нехарактерно для местного сырья [21, с. 139—147]. Судя по обр.

¹ Работа выполнена сотрудницей Управления геологии ТССР Р. А. Крымус.

² Обнаружен археологом-любителем А. Пенжиевым.

³ Результаты анализов смотри в приложении.

№ 3, в Прикопетдаге в глину добавлялся дробленый камень, на что указывает угловатость обломков. Тщательное размалывание и растирание добавки до мелкопесчано-пылеватого состояния говорит в пользу налаженной и отработанной технологии.

Температуру обжига — 800° и несколько выше — можно считать недостаточно высокой для получения качественных изделий. Поэтому степная посуда часто приобретает серовато-землистый цвет. (Для сравнения отметим, что в кирпичном производстве оптимальная температура обжига при данном составе сырья — 920—1100° [21, с. 140—147]). Нередко встречается недожог, как в обр. № 1. Его хорошо обожженные поверхности при общей слабой прокаленности могут указывать на малое время обжига. Отмеченные особенности свидетельствуют о том, что степняки не вполне овладели обжигом — наиболее сложной частью керамической технологии.

Эти выводы в целом согласуются с заключениями других исследователей о степной керамике, которая формовалась из пластичной глины ленточным способом с оправкой на поворотной подставке и использованием в качестве отощителей шамота толченых раковин, кварца, карбонатов, полевого шпата; шлифы под микроскопом позволяют отметить определенную ориентацию зерен кристаллического материала, возникающую вследствие бокового сжатия глины при формовке; температура обжига не превышала 900—920° [1, с. 151—152; 7, с. 109—111; 9, с. 49—50; 11, с. 232—234; 23, с. 16—19].

Традиции подобной технологии до сих пор сохранились в горном Таджикистане и на северо-западе Индостана [22, с. 25—39; 31].

Часть мургабской керамики орнаментирована. Декор выполнен резьбой гладким штампом, зубчатый штамп встречается очень редко. Мотивы узора крайне бедны и однообразны. Господствуют горизонтальная и вертикальная елка, значительно реже — горизонтальные ряды косых вдавлений и сетка, образованная перекрещенными рядами косых насечек; есть также равнобедренные треугольники, в том числе с «бахромой» и «веерообразные», и поперечно заштрихованные полосы.

Очень часто один простейший элемент декора наносится по всей верхней части сосуда без соблюдения зональной орнаментации, обязательной для посуды срубной и особенно андроновской.

Характерная особенность степной керамики дельты Мургаба — полное отсутствие орнаментации налепными валика-

ми или косыми насечками по краю венчика, часто встречающейся на степной керамике Прикопетдага [5, с. 67; 73, 78, 85, рис. 9, 1—4; с. 60—62, табл. V; 8, с. 146, 149—153, рис. 2, 3, 4, 6, 8, 13].

Сосуды с насечками по венчику и наклепными валиками в имеющемся у нас материале представлены только на стоянке Имам-Баба. Поскольку на Мургабе культура степного скотоводческого населения представлена лишь керамикой, а сведения о типах жилищ, погребальном обряде, орудиях труда, украшениях отсутствуют, культурная принадлежность мургабских комплексов не может быть установлена и за ними приходится оставить условный термин «памятники степного типа», позволяющий подчеркнуть их принадлежность к кругу культур скотоводов евразийских степей [8, с. 147; 13, с. 242—243].

Следует отметить, что степная керамика Мургаба характеризуется известным своеобразием: от андроновской, федоровской, зафиксированной вплоть до южных границ Таджикистана [4], она отличается крайней грубостью, отсутствием лощения и бедностью орнамента, от андроновской алакульской — малочисленностью горшков с уступом, несоблюдением зональности; от тазабагьябской Хорезма — отсутствием узкогорлых сосудов с раздутыми боками и орнаментацией косыми треугольниками; от срубной же ее отличает отсутствие горшков с ребром и распространением сосудов с округлым плечом, хотя баночные сосуды Мургаба с простейшими орнаментами или лишенные декора весьма близки срубным, встречающимся в комплексах Поволжья и Приуралья послепокровского времени. В этой связи особенно интересно, что подобные сосуды найдены в Западной Туркмении и в подгорной полосе в погребениях срубной культуры [13, с. 240—242; 14, с. 105—108], несущих заметные следы андроновского воздействия.

Впрочем, представленная в сборах на Мургабе посуда по форме так примитивна, а орнаменты ее настолько бедны, что от культурной атрибуции комплекса приходится отказаться. Учитывая же находки на поселениях в дельте, можно отметить, что наибольшее сходство мургабский комплекс имеет с махандарьинским [6], который мы относим к средне-амударьинскому варианту тазабагьябской культуры¹.

¹ В дельту Мургаба скотоводы могли попасть с Амударьи, от которой их отделяло пустынное пространство в 120—130 км от окрестностей современного Дейнау до к. Янтаклы. Другой возможный маршрут Кабаклы—к. Янтаклы протяженностью до 170 км предпочитался в XIX в. хивинцами как хорошо обеспеченный водой. Указанные пути археологами не обследовались.

Можно высказать предположение, что огрубление керамики на Мургабе вызвано переходом от оседлого комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства с придомным и отгонным скотоводством к форме кочевого скотоводства, на сложение которой указывает топография стоянок на колодцах, исследованных на Мургабе, в Прикаспии и Приаралье [2, с. 102—103; 7, с. 196—203].

Хронология основной части степного комплекса Мургаба устанавливается по аналогии с керамикой подгорной полосы и на основании синхронизации с посудой других областей Средней Азии, прежде всего — Махан-Дарьи.

Судя по имеющейся в нашем распоряжении коллекции и опубликованным материалам, для посуды дельты Мургаба не характерны орнаментация налепными валликами и косыми насечками по краю венчика и сложная профилировка венчиков — черты, специфичные для керамики эпохи поздней бронзы широкой зоны Евразии. Следовательно, распространение валиковой керамики служит *terminus ante quem* мургабского комплекса. Время распространения керамики с налепным валиком и насечками на основании находок от Дуная до Казахстана и от Приуралья до Трои и Гияна устанавливается с некоторыми локальными колебаниями в пределах последней четверти II тыс. до н. э. Эта дата справедлива и для Средней Азии [7, с. 142—146; 8, с. 152—154; 10, с. 214—216], что обосновывается материалами Хорезма.

Следовательно, учитывая типологическое сходство основной части мургабского комплекса с послепокровскими и позднеалакульскими памятниками, его можно предположительно отнести к третьей — началу четвертой четверти II тысячелетия до н. э.¹

Дальнейшее уточнение возраста стоянок скотоводов на Мургабе будет способствовать решению ряда не только чисто археологических и исторических вопросов, но и палеогеографических.

Уже сейчас накопленные материалы и полевые наблюдения позволяют сделать попытку реконструкции природных условий примургабских районов. Основные дельтовые русла с условными названиями Учтепинское и Тажирбайское существовали, видимо, с конца верхнечетвертичной эпохи до начала I тыс. до н. э. Наиболее раннюю археологическую датировку первого из них пока дает энеолитическая керамика геоксурского стиля (первая половина III тысячелетия до н. э.) с Келлелинского такыра [17, с. 550]; не исключено, что она

¹ Более архаичный облик имеют коллекции с колодца Кэладжи. (сборы А. А. Марущенко 1959 г.) и Таип 1 [18, с. 121, рис. 6, 31—36].

относится к полностью погребенному поселению. Массовое обживание мургабской дельты древними земледельцами происходит в эпоху развитой бронзы.

Ключевыми для нас памятниками с обживанием в эпоху Намазга VI в дельте служат Таип I и Адам-Басан 4, находящиеся в 8 км друг от друга на берегах Учтепинского русла. На обоих пунктах найдена керамика времени Намазга VI, типичная для Прикопетдага — серая лощеная и красноангобированная (на Адам-Басан 4 ее содержит крайний восточный холм). В это время разительно сокращается обживание дельты — вместо многих десятков памятников развитой бронзы существуют считанные единицы позднебронзовых поселений, оставивших небольшой по мощности культурный слой.

Местность в бывшей дельте сейчас покрыта невысокими песчаными грядами и буграми, закрепленными растительностью. Между массивами песков разбросаны такыры. Восточнее Таипа I по такырам, бывшим некогда, несомненно, орошаемыми полями, тянется низкая и неширокая песчаная гряда. На ее поверхности, заросшей песчаной осокой, лежит степная керамика; погребенных черепков, по пробным расчисткам, нет. Гряда не носит следов более позднего золотого пересыпания или выдувов. Аналогичное песчаное образование покрывает восточную часть упомянутого холма на Адам-Басан 4.

В схожих условиях — на песчаной перемычке — степная керамика отмечена и в Лявлякане [3, с. 251].

Описанные формы широко распространены в древнемургабской дельте, в том числе и на землях древнего орошения. Для них характерно одинаковое направление с магнитным азимутом 330°. Они не могли возникнуть в то время, когда дельта была обводнена, протоки и болота ее окаймлялись зарослями, а местность, в той или иной мере, занята полями земледельцев.

Начало образования гряд должно падать на момент запустения оазиса. Верхняя дата песчаных заносов фиксируется степной керамикой. Следовательно, возможно археологически датировать данный элемент рельефа второй половиной II тысячелетия до н. э. Для уточнения временных рамок необходимо учесть, с одной стороны, незначительную мощность слоев времени Намазга VI (на Гонуре—Im [24, с. 528]; Таип I, по косвенным признакам, не должен дать существенно иной цифры); с другой—время появления степных племен на юге Туркмении (конец третьей—начало четвертой четверти II тысячелетия до н. э.). Значит, период опустынивания дельты должен относиться к третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Изложенные мотивы позволяют думать, что эта эпоха характеризуется жестокой засухой, резким сокращением стока Мургаба, иссушением дельты и крайней активизацией эоловых процессов. Отсутствие следов более поздних форм сравнимого масштаба дает основание полагать, что за последние 3 тысячелетия подобной климатической обстановки не складывалось.

Массовое обживание мургабской дельты в пору развитой бронзы, как и неожиданное угасание целого оазиса в начале позднебронзового времени, необъяснимы без учета климатического фактора.

Роль человека в происшедшей экологической перестройке была, очевидно, невелика. Едва ли следует приписывать стадам древних земледельцев или скотоводов подобное разрушение ландшафта, так как пустынные пастбища эксплуатировались в древности не интенсивнее, чем теперь. Массивы разбитых песков (Приамударынская барханная полоса, окрестности Репетека и др.) существуют сейчас скорее из-за особенностей атмосферной циркуляции в отдельных районах пустыни, антропогенные же развеваемые пески приурочены лишь к колодцам, окраинам оазисов [29, с. 896—897] и населенных пунктов. Но самым веским доводом в пользу решающей роли естественных причин надо считать образование пустынь на аллювиальных равнинах Средней Азии задолго до появления у человека производящего хозяйства [20, с. 61—62].

Обживание Мургаба новым скотоводческим населением следует скорее всего связывать с некоторым увлажнением климата в четвертой четверти II тысячелетия до н. э. В это время, похоже, возобновился сток по дельтовым руслам (по крайней мере, паводковый), о чем говорит распространение степной керамики во многих прежних оазисах [24, с. 483—484; 25, с. 529; 27, с. 549]. Как и в предыдущий период, действуют два основных потока [16, с. 552] — восточный, Тахирбайский, с ответвлением в сторону Гонура и Тоголока, и западный, Учтепинский. На первом из них, возможно, отпала крайняя восточная ветвь — Сюйджинская¹, на втором — также восточная Эгрибогазская протока.

Оазис последующего, раннежелезного, периода (Яз 1) заметно сдвигается к югу. Причину этого можно видеть в существенном уменьшении речного стока по сравнению с временем развитой бронзы.

Схема условий залегания археологического материала и эоловых отложений (перекрывание памятников времени Намазга VI определено ориентированными грядами, поверх кото-

¹ Обнаружена А. А. Марущенко и А. А. Ляпным в январе 1968 г.

рых лежат кочевнические черепки) наводит на мысль о хронологическом разрыве между земледельческим и «степным» обживанием дельты. Но укрепления Аучина, Гонура, Тоголока [24, с. 483—484; 25, с. 529; 27, с. 549], Таипа 1 показывают, что жизнь в оазисе была тревожной. Цитадель Таипа 1 размерами в плане 50×40 м усилена башнями, выступающими за грани стен. По раскопкам И. С. Масимова, рядом лежащее поселение имело внешнюю стену и круглые башни¹.

В Прикопетдаге положение также меняется в конце Намазга VI; раскопками на Теккем-депе обнаружены следы пожарищ в сочетании со степной керамикой в слое поселения [5, с. 73, 78, 84].

Сопоставление двух культурных областей показывает, что на Мургабе земледельцы раньше, чем в предгорьях, вступили в контакт с пришельцами. На роль последних не видно других претендентов, кроме степных племен. Видимо, серьезность угрозы с их стороны и вызвала появление укреплений.

Таким образом, создается впечатление, что упадок земледельческих общин во второй половине II тысячелетия до н. э. обусловлен комплексом причин. Изменение экологических условий, приведшее к кризису экономики земледельцев, способствовало продвижению в оазисы северных скотоводческих племен из освоенных ими ранее степных и полупустынных областей.

Двигаясь далее на юг несколькими волнами, степные племена выходят в Северный Афганистан, где керамика, совершенно аналогичная мургабской, открыта А. В. Виноградовым на такырах к северу от г. Акчи и на тепе № 71а, культурный слой которого относится к бактрийскому варианту культуры Намазга VI². Степная керамика, орнаментированная зигзагами, елочкой и равнобедренными треугольниками, найдена в Бактрии в тех же стратиграфических условиях, что и в Маргиане — она перекрывает земледельческую.

В Южной Бактрии степные племена могли бы прийти в непосредственное соприкосновение с носителями хараппской цивилизации, основавшими здесь форпост — поселение Шортугай, если только эти два потока происходили одновременно. Против этого, однако, свидетельствует более поздняя дата имеющихся на сегодня степных материалов и стратиграфические данные, согласно которым хараппский слой перекрыт постхараппским, а тот бишкентским. Но следует учитывать, что бишкентская культура в Северной Бактрии синхронна периоду Намазга VI, а носители бактрийского варианта

¹ Сведения сообщены И. С. Масимовым.

² Приносим благодарность А. В. Виноградову за разрешение ознакомиться с находками и сослаться на них.

культуры Намазга VI непосредственно контактировали с андроновцами, что доказывается совместными находками андроновской и намазгинской керамики в закрытом комплексе жилища на поселении Кангурт-Тут [4], а также находкой в могильнике бишкентской (вахшской) культуры Тандыр-Йул в комплексе с бактрийской керамикой намазгинского типа (характерная андроновская серьга с раструбом).

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТЕПНОЙ КЕРАМИКИ

Образец № 1—из окрестностей колодца Тархан 2. Черепок толщиной 1,1 см снаружи — коричневого, внутри — темного цвета. Глина алевролитистая с шамотными обломками. Структура алевропелитовая. С соляной кислотой реагирует. Под микроскопом отмечено органическое вещество и карбонат. Глинистая масса сложена тонкочешуйчатыми глинисто-слюдистыми минералами со слабым оптически ориентированным строением. Масса разбита сетью мелких и крупных (0,01—0,2 мм) разнонаправленных трещин, не заполненных вторичным материалом. В результате порода разобрана на отдельные участки. Примесь терригенного (обломочного) материала распределена не совсем равномерно, имеет алевроитовую размерность (0,02—0,08 мм), представлена кварцем, полевыми шпатами (в основном калишпаты), чешуйками мусковита, биотита, обломками кремней, зернами кальцита. Шамотные обломки (1—2 мм) — сильно ожеженная глина. Черепок мало изменен обжигом при температуре 500—600°.

Образец № 2—с колодца Узбек. Серовато-землистый обломок толщиной 1 см, в тесте заметен шамот, обжиг равномерный. В шлифе порода представляет собой глину неравномерной буровато-серой окраски. Сложена тонкоперетертым пелитовым (менее 0,01 мм) материалом, имеется примесь терригенных (0,01—0,09 мм), составляющих 25—30%; встречаются обломки песчаной размерности (0,3—0,6 мм). Минеральный состав: кварц, полевые шпаты, слюды (мусковит), глинисто-слюдистые минералы, кремнистые крупинки, тонкодисперсный карбонат, обломки известняка, возможен эпидот. Основная часть карбонатов слабо изменена обжигом. Породы разбита трещинами шириной 0,2—1 мм, полостями и кавернами, стенки отдельных нарушений инкрустированы вторичным карбонатом. В породе содержится шамот (7—10%) 0,5—1,5 мм в виде буровато-серых, бурых изотропных обломков сильно ожеженной глины. Вероятная температура обжига — несколько выше 800°.

Образец № 3—из 11 микрорайона Ашхабада. Серый черепок толщиной 0,4—0,5 см со светлыми крупинками, вскипает с соляной кислотой. Под микроскопом порода — глина алевролитистая, ожеженная, с многочисленными обломками карбоната (кальцит, известняк). Отдельные агрегаты глинисто-слюдистых минералов имеют оптически ориентированное строение. Содержатся обрывки органического вещества. Примесь терригенного материала составляет 15—20% и является, вероятно, природной; состоит из зерен кварца, полевого шпата, чешуек слюды, единичных зерен эпидота. Около 10% — угловатые карбонатные обломки размером до 0,7 мм с преобладанием 0,02—0,05 мм, состоят из известняка, кальцита, изредка кварцита. Значительная часть карбонатных обломков оплавлена и имеет следы разложения. Возможная температура обжига — более 800°.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Августиник А. И.* К вопросу о методике исследования древней керамики. — КСИИМК, 1956, вып. 64.
2. *Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М.* Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
3. *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
4. *Виноградова Н. М. и др.* Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана.—АО, 1978, 1979.
5. *Ганялин А. Ф.* Теккем-тепе.—ТИИАЭ АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956.
6. *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.
7. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
8. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
9. *Кузьмина Е. Е.* Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона. — СА, 1965, № 4.
10. *Кузьмина Е. Е.* Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967.
11. *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-кумов. Душанбе, 1962.
12. *Ляпин А. А.* Тахтабазарская стоянка. — Памятники Туркменистана, 1977, № 2(24).
13. *Мандельштам А. М.* Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
14. *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИА, 1966, вып. 108.
15. *Марущенко А. А.* Елькен-тепе. — ТИИАЭ АН ТССР, т. 5. Ашхабад, 1959.
16. *Масимов И. С., Ляпин А. А.* Археолого-топографические работы в низовьях древнего Мургаба. — АО, 1976, 1977.
17. *Масимов И. С.* Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб.—АО, 1975, 1976.
18. *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы в низовьях Мургаба. — СА, 1979, № 1.
19. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.—МИА, 1959, № 73.
20. *Минашина Н. Г.* Орошаемые почвы пустынь и их мелиорация. М., 1974.
21. *Минерально-сырьевая база местных строительных материалов Туркменской ССР, т. 1.* Ашхабад, 1961.
22. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.—ТИЭ АН СССР, т. 13. М.—Л., 1959.
23. *Сайко Э. В.* К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.
24. *Сарианиди В. И.* Древности низовий Мургаба.—АО, 1972, 1973.
25. *Сарианиди В. И.* Новые открытия в низовьях Мургаба.— АО, 1974, 1975.

26. Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргiane.— СА, 1975, № 2.

27. Сарияниди В. И. Работы в Тоголокском оазисе низовий Мургаба.— АО, 1977. М., 1978.

28. Тарасов В. М. Линзы пресных вод в Юго-Восточной Туркмении и их формирование. — Советская геология, 1967, № 4.

29. Федорович Б. А. Некоторые основные положения о генезисе и развитии рельефа песков. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз., 1940, № 6.

Г. Гутлыев

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ ШУРФ НА ГАРАОЙ-ДЕПЕ

Поселение Гараой-депе расположено в 1,5 км к северо-западу от ст. Душак Среднеазиатской железной дороги на территории колхоза «Москва» Каахкинского района.

Оно было обнаружено и предварительно обследовано в 1970 г. Геоэкскурсионным отрядом Института археологии АН СССР, возглавляемым В. И. Сарияниди. В том же году был снят глазомерный план и проведена нивелировка в направлении с востока на запад. На основании подъемного керамического материала поселение было датировано временем «культур» Яз I, II, III.

Уплотненный, понижающийся к северу холм почти лишен дернового покрова и усеян фрагментами керамики. Вокруг поселения разбросаны многочисленная керамика и поделки из камня.

Для выяснения мощности культурных напластований в северной части поселения на месте скопления керамики был заложен стратиграфический шурф размерами 4×3 м. Выемка земли производилась ярусами мощностью в 50 см, по этим же ярусам производился отбор материалов.

Переходя к описанию ярусов, следует отметить, что по верху первого идет слой пушонки толщиной 30 см, в котором встречается керамика, изготовленная на гончарном круге. Между первым и вторым ярусами залегает слой красной земли со строительным мусором. Здесь керамики мало. Среди строительного мусора встречены фрагменты сырцовых кирпичей с примесью соломы, куски штукатурки. Было встречено несколько разрушенных костей животных.

В западном углу шурфа обнаружен слой золы толщиной около 35—40 см, который примерно к середине шурфа сходит

на нет. Красный слой земли со строительным мусором продолжается почти до конца третьего яруса. Правда, он становится рыхлее, состоит из остатков обожженной земли, где встречаются остатки органических веществ.

Верхний слой четвертого яруса состоит из уплотненной черно-бурой земли, с остатками органического вещества, а нижний — из красноватой рыхлой земли с костями животных. Здесь же встречается керамика, изготовленная на гончарном круге. Этот слой лежит на полу, обмазанном глиной с соломой. Пол частично захватывает и пятый ярус. Толщина обмазки пола 5—8 см, поверхность его почти ровная. На полу обнаружен небольшой рыхлый слой, в котором встречены фрагменты керамики как гончарного, так и ручного производства.

Переходя к описанию пятого яруса, лежащего под полом, следует отметить, что он очень твердый. Видимо, прежде чем обмазать, пол плотно утрамбовывали. Этот слой также со строительным мусором имеет зеленоватый цвет. В нем встречены остатки сырцового кирпича с примесью растительности и мелкого известняка. Размеры кирпича, судя по обломкам, прямоугольные, толщиной 10—12, шириной 30—32 см. Длину кирпичей установить не удалось. Судя по материалам других аналогичных памятников, размеры этих кирпичей— $30 \times 45 \times 10$; $32 \times 50 \times 12$ см. Зеленоватый цвет слоя, видимо, образовался вследствие разложения каких-то органических веществ. В центре шурфа слой со строительным мусором становится тоньше. Под ним лежит толстый слой золы, в котором встречены мелкие угольки, керамика и фрагменты костей животных. Керамика сильно разложилась, формы невыразительны. К восточной стене шурфа уровень зольного слоя понижается и сходит на нет. У западной и восточной стен шурфа граница слоя со строительным мусором переходит в нижележащий шестой ярус.

Шестой ярус состоит из красновато-бурой земли. В центре шурфа продолжение зольного слоя, упомянутого при описании пятого яруса. Этот слой непосредственно лежит на полу, расположенном между шестым и седьмым ярусами. Упомянутый слой по сравнению с другими более рыхлый и содержит остатки золы, куски угольков, фрагменты не очень выразительной керамики и костей животных.

Для него характерно полное отсутствие остатков строительных материалов. Судя по прослойкам красновато-бурой земли, помещение погибло в результате пожара. Об этом свидетельствуют также остатки золы и куски угля, образовавшиеся в результате горения потолка. Прослойки, видимо, образовались в результате перерыва жизни на этом поселе-

нии. Это предположение можно будет проверить в результате вскрытия больших площадей на территории поселения. Непосредственно над полом лежит очень мягкий культурный слой, где встречаются фрагменты керамики, угольки, поделки из кости, фрагменты зернотерок, каменные поделки и др.

Слой золы в центре яруса, видимо, образовался в результате ее вытряса из соседнего помещения, когда на этом пространстве не было никаких построек. Обмазка пола толщиной около 6—8 см состоит из очень плотной глины с примесью соломы и захватывает начало седьмого яруса. Поверхность пола тщательно заглажена. Ближе к западной стенке шурфа сохранились следы большого кострища, вокруг которого почва на глубину около 10 см прокалена докрасна. При расчистке здесь были обнаружены куски обожженной глины различной величины. Найдены также фрагменты обожженной керамики, кости животных, приобретшие черный цвет, угольки и немного золы. Ниже пола идет сильно уплотненный слой зеленого цвета, видимо, нивелировочная площадка, на которой лежала обмазка. Эта плотная земля лежит на слое песка толщиной около 10—12 см. Здесь находок мало; встречаются строительные остатки, немного керамики и несколько костей животных. Слой песка к восточной стене шурфа становится тоньше и, видимо, за пределами шурфа сходит на нет. Между седьмым и восьмым ярусами идет плотный слой тоюна, образованный в результате затопления поселения. Если учесть, что памятник лежит на подгорной полосе, такое предположение нам кажется вполне вероятным. Затем опять идет слой чистого песка, в котором отсутствуют какие-либо находки.

У западной стены шурф углублен еще на 80 см в материковый песок.

К е р а м и к а и з ш у р ф а. Сбор материала производился по ярусам. Основную массу находок первого яруса составляет керамика, состоящая из крупных сосудов-хумов и хумчей. Обнаруженный нами обломок венчика крупного сосуда с петлеобразной ручкой с налечами наиболее оригинален — он слегка расширяется наружу. Черепок имеет светлый фон. В тесте примесь мелкотолченой керамики (рис. 1, 1). Другой обломок принадлежит чашеобразному сосуду. Венчик его изгибается вовнутрь. Черепок красноватого цвета. В тесте примешана мелкорубленая известь (рис. 1, 3).

Есть также черепок из светлой глины с примесью мелко-го шамота (рис. 1, 5), два обломка венчиков хумчи. В первом ярусе больше не встречалось фрагментов сосудов ручной лепки. Имеются черепки светловатой глины, изготовленные на гончарном круге. Обжиг отличный (рис. 1, 11, 12, 15).

Рис. 1. Керамика из шурфа (I—II ярусы).

Найдены обломки плоскодонных сосудов красноватого фона. Снаружи сохранились следы отшлифовки (рис. 1, 2, 4).

Обнаруженный в первом ярусе керамический материал более чем на 95% изготовлен на гончарном круге. Единичные экземпляры, изготовленные ручным способом, видимо, попа-

ли сюда еще в древности из более ранних слоев. Кроме керамики других находок не было.

Керамика второго яруса представлена обломками стенок различных сосудов, на 90% изготовленных на гончарном круге. Это—фрагменты венчиков крупных сосудов, имеющих в изломе красный цвет (рис. 1, 15, 17; 2, 1, 3); обломки горшкообразных сосудов из светлой глины с росписью коричневого цвета (рис. 1, 16, 22, 28). Были также фрагменты венчиков высокогорлых сосудов, изготовленных от руки (рис. 1, 19, 20, 23). Во втором ярусе обнаружено каменное изделие, возможно, грузило с отверстием. Оно хорошо отшлифовано (рис. 1, 21).

Керамика третьего яруса разнообразна. Всего обнаружено 240 обломков, из них 24 изготовлено от руки. Основная форма сосудов ручной работы—большие горшки (рис. 2, 4—5, 8—9). Венчики их прямые, черепок имеет светлый фон, в качестве примеси в тесто добавлена толченая керамика (шамот). Обнаружен венчик с двумя петлеобразными ручками, расположенными горизонтально (рис. 2, 71).

Керамика, изготовленная на гончарном круге. Основные формы ее — хумчи (рис. 2, 2, 4, 9, 10), глубокие миски (рис. 2, 22), чаши (рис. 2, 3, 25). Кроме керамики в этом ярусе обнаружена круглой формы плоская, хорошо отшлифованная каменная поделка (рис. 2, 18). Встречено много костей животных.

Керамика четвертого яруса состоит в основном из фрагментов стенок сосудов, изготовленных на гончарном круге. Из 180 черепков только 32 изготовлено ручным способом. Основные формы их — хумы и хумчи с крючкообразными венчиками (рис. 3, 18, 21, 24), а также миски (рис. 3, 4, 9, 14, 27). Венчики горшкообразного сосуда с краю и сверху имеют глубокие линии, нанесенные острым инструментом. Есть также фрагменты горшкообразных сосудов с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 3, 7, 31). Вся эта керамика изготовлена на гончарном круге. По форме венчика и фактуре она может быть отнесена к комплексу Яз II.

В нижних слоях четвертого яруса шурфа встречена керамика, изготовленная ручным способом. Основные ее формы—горшки, высокогорлые кувшинообразные сосуды и чаши, прямые венчики которых чуть выгнуты наружу. Кроме керамики в этом ярусе обнаружены и другие находки, такие как каменные поделки, кости животных и др.

Керамика пятого и начала шестого ярусов одинакова как по форме, так и по фактуре. Основная масса керамики из этих двух ярусов изготовлена ручным способом, но встречаются также несколько стенок и два венчика крупных чаш, из-

Рис. 2. Керамика из шурфа (III ярус).

готовленных на гончарном круге. Один из венчиков прямой, другие крючкообразные (рис. 3, 1, 17, 18). Всего в пятом—шестом ярусах шурфа найдено 325 черепков, из которых 42 изготовлено на гончарном круге. Основная форма—горшкообразные сосуды с выкружкой по плоскости венчика. Чаши с вог-

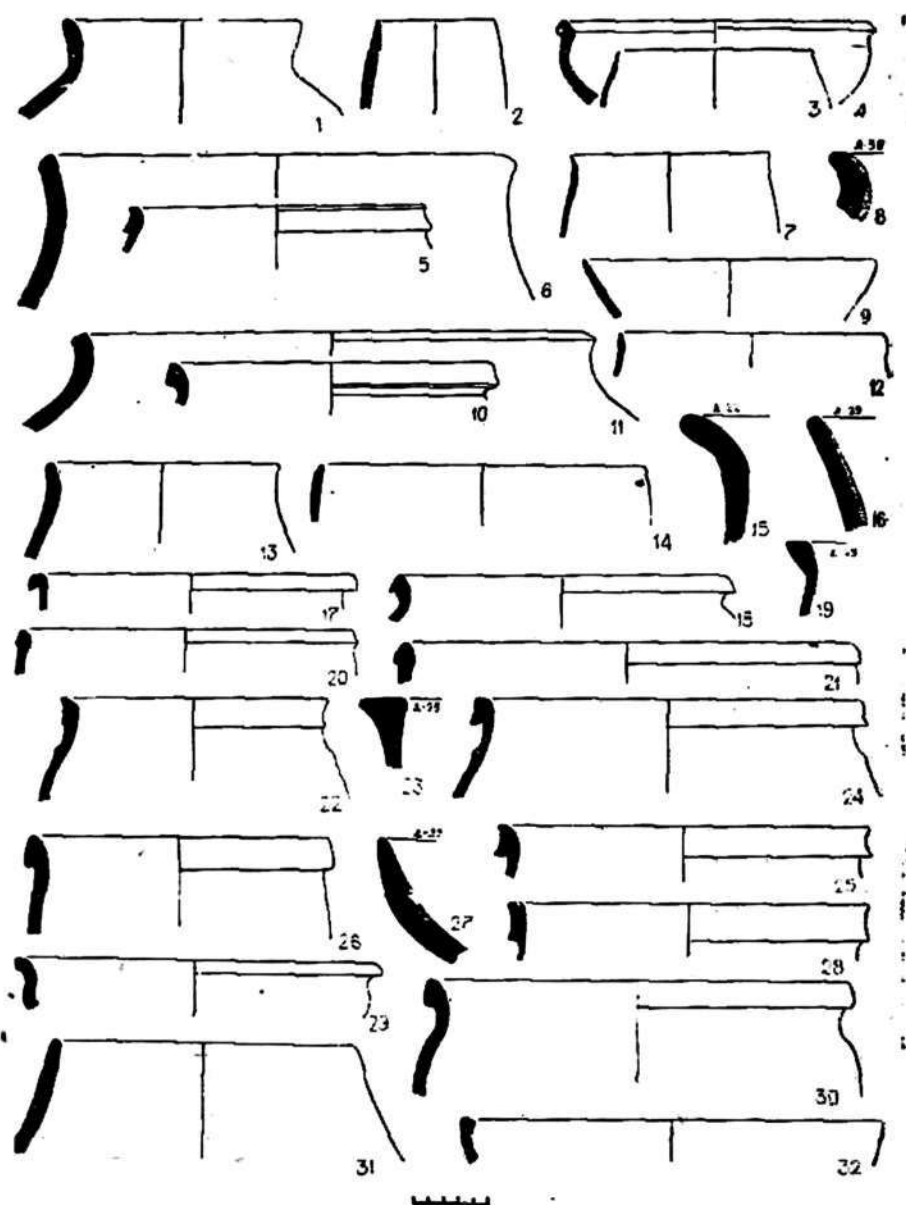

Рис. 3. Керамика из шурфа (IV—V ярусы).

нутым вовнутрь венчиком. В качестве примеси в тесто добавлялся шамот. Роспись наносилась светло-коричневой краской на светлый фон.

Встречаются следующие виды росписи с такими орнаментальными мотивами, как треугольники, заштрихованные косыми линиями (рис. 4, 10) и перекрещивающимися косыми линиями, образующими мелкую сетку (рис. 4, 3, 33), а также треугольники, заполненные ромбами, косой штриховкой в шахматном порядке (рис. 4, 16). Иногда в незакрашенных ромбах помещаются точки-бусинки (рис. 4, 29), а просветы

между этими параллельными линиями с поперечными черточками разделены на мелкие ромбы (рис. 4, 32).

Аналогии по форме и росписи керамики Гараой-депе можно найти в керамическом материале других памятников

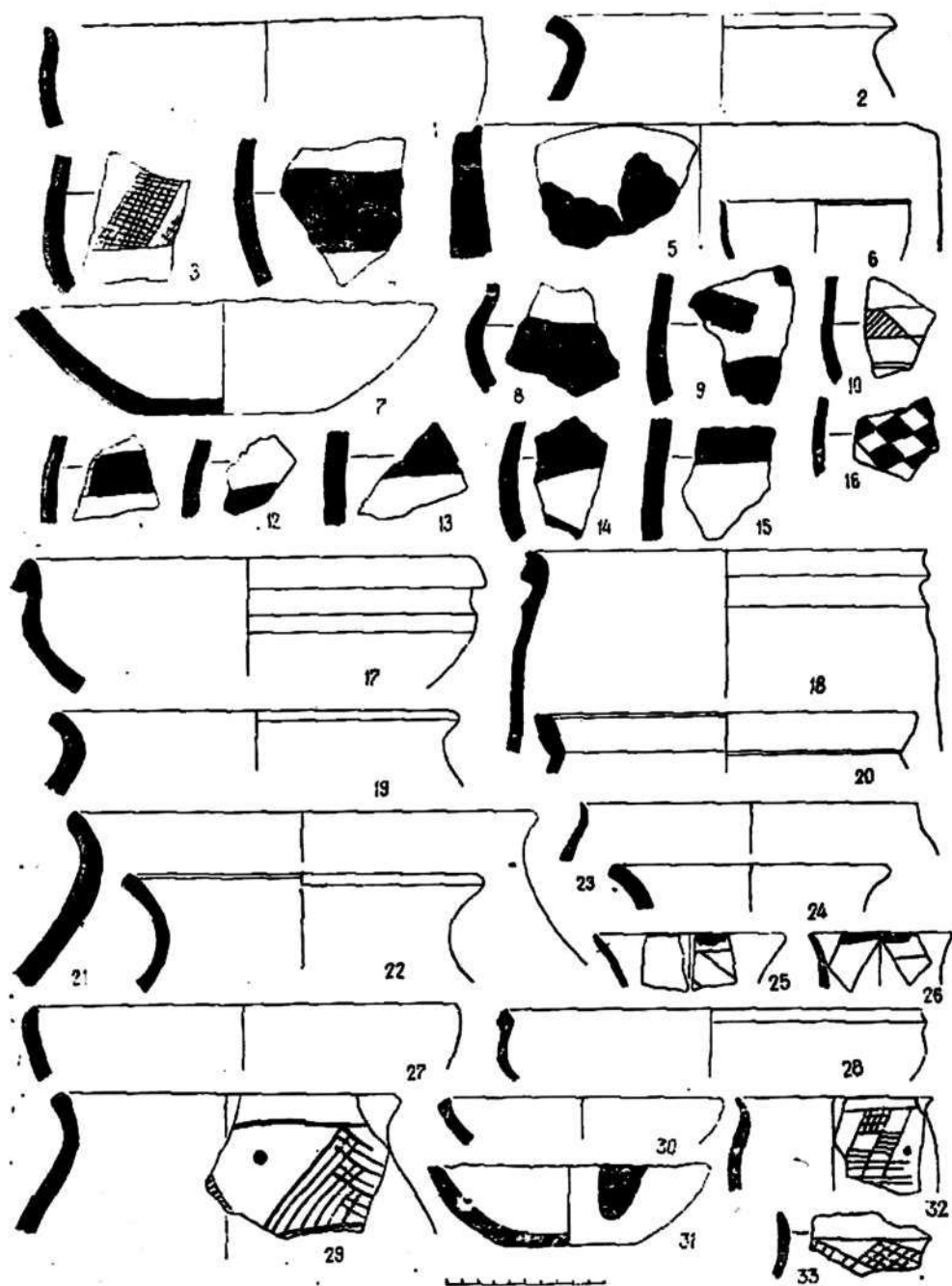

Рис. 4. Керамика из шурфа (VI—VII ярусы).

подгорной полосы Копетдага: Елькен-депе [5], Яссы-депе у Баба-Дурмаза [2], Яшыллы-депе [3]; в древней Маргиане на Яз-депе [6], в Северном Туркменистане—поселение Кую-

сай [1], в Фергане — поселение Чуст и в Северном Афганистане—Тилля-депе [7]. Эти параллели дают возможность предварительно датировать Гараой-депе концом II тыс. до н. э. Таким образом, стратиграфический шурф, заложенный на Гараой-депе глубиной более четырех метров, дал последовательную картину смены культурных напластований, начиная от периода Яз I до Яз III (рис. 5).

Второй пол был обнаружен в верхней части пятого яруса. На этом полу и выше до конца третьего яруса идет слой с керамикой периода Яз II. В нижней части третьего яруса расположен верхний, самый поздний пол, обмазанный глиной с примесью самана. Выше этого пола в основном была найдена керамика периода Яз III.

Судя по мощности культурного слоя, наиболее продолжительной жизнь была в период Яз III, когда территория поселения резко увеличилась. По некоторым неясным причинам поселение Гараой-депе в конце периода Яз III было заброшено, может быть, в результате изменения водного режима.

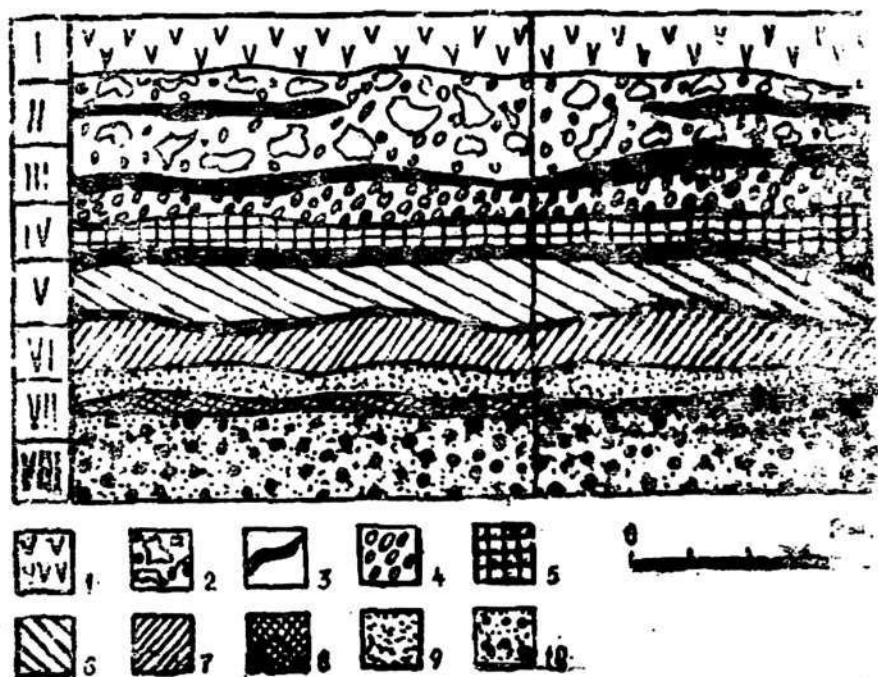

Рис. 5. Профиль стратиграфического шурфа:

1—дерновый слой; 2—материал разрушения; 3—золевый слой; 4—золевый слой пола; 5—рыхлый культурный слой с мелкими комками; 6—сильно уплотненные слои красноватого цвета; 7—забутовка; 8—песчаный слой; 9—утрамбованная глина; 10—материковый аллювиальный песок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнберг Б. И. Памятники раннего железного века в Северной Туркмении. — КД, 1977, вып. 5.

2. Гутлыев Г. Работы на поселении раннежелезного века Яссы-депе у Баба-Дурмаза. — КД, 1970, вып. 3.
3. Еришов С. А. Археологические памятники Туркменистана. (Рукопись хранится в Отделе археологии Института истории АН ТССР).
4. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА СССР, 1962, № 118.
5. Марущенко А. А. Елькен-депе. — ТИИАЭ, т. 5. Анхабад, 1959.
6. Массон В. М. Поселение поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. — КСИИМК, 1956, № 64.
7. Сарияниди В. И. Раскопки Тилля-депе в Северном Афганистане. М., 1972.

Дж. Дурдыев

КАНГА 2— ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

На территории левобережного Хорезма велись поиски памятников эпохи бронзы, в то время как на его правобережье их было обнаружено огромное количество [1]. Отсутствие памятников бронзового века на территории Присарыкамышской дельты Амударьи объяснялось тем, что функционирующие русла Дарьялыка и Даудана перекрыли аллювием памятники более раннего периода, в том числе и эпохи бронзы. Заселение этих районов в античности и средние века привело к уничтожению многих памятников [2, с. 179]. Тем не менее керамика и отдельные предметы эпохи бронзы были найдены к югу и юго-востоку от колодца Хатыб-кую [2, с. 179] и на западном склоне кыра, где расположена античная крепость Калалы-кыр [2, с. 179]. В 1951—1954 гг. во время Узбойского маршрута и при обследовании южных заливов Сарыкамышского озера наряду с многочисленными неолитическими материалами найдены единичные фрагменты керамики эпохи бронзы [3, с. 275]. Находки свидетельствовали о том, что на этой территории должны быть памятники эпохи бронзы, но место расположения их осталось неизвестным.

В 1970 г. археологическим отрядом Института истории им. Ш. Батырова под руководством Дж. Дурдыева при участии археолога Х. Юсупова и сотрудника Хорезмской экспедиции Б. И. Вайнберга в 2,5 км южнее античного городища Канга-кала было открыто поселение-убежище кочевников-скотоводов, датированное по так называемой «варварской» керамике первой половиной I тыс. до н. э. [4, с. 434—436]. Оно получило название от близлежащей крепости Канга 2.

В 1979 г. шурф и раскоп, заложенные в восточной части

поселения, в нижнем горизонте вскрыли культурный слой, относящийся к эпохе поздней бронзы. Эта культура на территории правобережного Хорезма известна как Амирабадская.

Поселение эпохи поздней бронзы Канга 2 расположено на восточном склоне Канга-кыра на поверхности 20-метровой апшеронской гряды, сложенной из слоистого конгломерата и песчаника толщиной 3—4 м. Эта гряда тянется с севера на юго-запад почти на 1 км. Она была образована волноприбойной деятельностью Сарыкамышского озера как береговая коса в апшеронский период [2, с. 189]. Канга 2 в связи с очертаниями северной части возвышенности имеет подтреугольную планировку. Поселения эпохи поздней бронзы, как правило, располагаются на мысу. Так, Якке Парсан 2 на Акчадарьинской дельте Амударьи на территории правобережного Хорезма [1, с. 148], Новоникольское на левом берегу реки Ишим (Северный Казахстан) и другие расположены на мысу возвышенности [6, с. 392].

Длина восточной стороны поселения Канга 2 около 125 м, северной—95 и северо-западной—82 м. Восточная сторона поселения расположена над 20-метровым обрывом. Наиболее возвышенный участок находится в южной части, где установлена трангуляционная вышка. Часть территории Канга 2 отделена от гряды широким, но невысоким валом и оплывшим в настоящее время рвом. Ширина вала—9 м при высоте около 1—1,5 м, ширина рва—более 10 м. Поверхность вала, судя по сохранившимся в некоторых местах известняковым плитам, была облицована ими. На краях северной и северо-западной части поселения образовались неглубокие впадины.

Пологий подъем на поселение защищен двумя башнеобразными сооружениями. Видимо, последние — прототипы будущих привратных башен. К сожалению, из-за сильной размытости определить конструкцию этих сооружений не удалось. У восточного подножья гряды, на котором расположено Канга 2, проходит одно из сухих русел Южного Даудана (Кангадарьи), впадавших в Сарыкамышское севернее Канга-кыра. К северо-западу от поселения находится ныне сухая котловина небольшого озера. Примерно в 2—2,5 км севернее Канга 2 расположена раннеантичная крепость Канга-кала, открытая и обследованная Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1953—1955 гг. [7, с. 124—125; 8, с. 70—72, 94]. На северо-востоке от поселения расположена южная оконечность возвышенности Тарымкая; южнее—возвышается бугор Койкрылан, а к юго-востоку виднеются обрывы Зенги-баба.

На равнине между возвышенностями Канга-кыр, Зенги-баба и Тарым-кая сохранилось множество русел Южного Даудана, впадавшего в Сарыкамышское озеро. Разведочные шурфы, заложенные в различных участках поселения, дали следующую картину. Верхний кроющий культурный слой памятника толщиной около 20—30 см относится к эпохе раннего железа. Культурный слой и керамика этого времени встречаются на всей территории Канга 2. В нем много обугленных остатков дерева, отпечатки камыша в обожженной глине и остатки горелого камыша, видимо, остатки каркаса легких жилищ, планировку которых трудно восстановить. Создается впечатление, что поселение погибло в результате какой-то катастрофы, хотя в это время оно было укреплено: с юго-запада от остальной части гряды его отделили валом и рвом. Другие стороны гряды, на которых расположено поселение, — крутосклонные, поэтому, может быть, на этих участках не было защитных сооружений, а их роль выполняли плотно пристроенные друг к другу дома легкого типа.

Судя по незначительному культурному слою, поселение как удобное естественное убежище обживалось периодически. Керамика с верхнего слоя памятника грубая, ручной лепки с обильной примесью дресвы и плохого обжига. В изломе черепок имеет темный цвет, с темно-серой или черной поверхностью стенок, без орнамента. Сосуды — с плоским дном и отогнутыми наружу низкими венчиками.

Поселения этого времени расположены на берегах Присарыкамышской дельты Амударьи. Как правило, они находятся на возвышенных участках. Одно из таких поселений — Адсыз-депе, открытое совместно с сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1970 г. в 10 км к северо-западу от юго-западного мыса Тарым-кая и датированное эпохой раннего железа, показало, что территория в то время была сильно обводнена и заболочена. Шурф, заложенный на этом поселении, в нижних слоях дал погребенные болотные и тугайные почвы с остатками корней болотных растений в виде ржавых пятен [5].

Такие же поселения кочевников-скотоводов обнаружены и в других местах на берегах боковых протоков Южного Даудана, а также на берегах Кангадарьи, опивающей Канга-кыр с юга и впадающей в Сарыкамышское озеро у Едихауза. Из-за сильной заболоченности вышеупомянутой равнины, кочевники-скотоводы на ранней стадии раннежелезного века облюбовали как убежище в случае опасности заброшенное поселение Канга 2. Нижний слой памятника, относящийся к

эпохе поздней бронзы, уже был перекрыт гравием и песком, занесенными волнами Сарыкамышского озера.

Лепная керамика «варварского» типа, трехлопастные бронзовые наконечники стрел и громадное количество костей крупного и мелкого рогатого скота свидетельствуют о скотоводческом направлении хозяйства жителей данного района. Датируются поселения кочевников-скотоводов VII—V вв. до н. э. Нижний культурный слой памятника, отделенный от верхнего слоем гравия и песка, вскрыт нами вдоль восточного края Канга 2 над 20-метровым обрывом. Остатки ям от столбов и обугленные деревянные конструкции свидетельствуют о том, что дома были легкого типа. Видимо, перекрытие в основе также было деревянным. Покрасневшие от огня куски обмазки с отпечатками камыша и прутьев — подтверждение тому, что каркасные стены жилищ были обмазаны глиной.

В жилых помещениях недалеко от очагов расположены хозяйственные ямы глубиной 20—50 см и шириной 30 см—1 м. Стенки некоторых ям обмазаны глиной. При расчистке в них наряду с золой и обугленными остатками каркаса и перекрытий жилищ найдены керамика, кости животных и рыб.

Жилые и хозяйственные помещения на краю обрыва частично разрушены. Здесь в некоторых участках культурный слой четко прослеживается в разрезе обрыва, где процесс разрушения гряды продолжается и по сей день. Кроме того, жилые и хозяйственные постройки разрушены волноприбойной деятельностью Сарыкамышского озера и постройками верхнего горизонта.

Стратиграфические шурфы, заложенные в центре поселения, не обнаружили нижнего культурного слоя. Видимо, здесь был открытый двор. Поселение Якке Парсан 2 (правобережный Хорезм) имело аналогичную планировку [1, с. 149]. Поселение Новоникольское (Северный Казахстан), существовавшее в эпоху поздней бронзы, также имело подобную планировку. В центре поселения, расположенного на мысу, образована «площадка, на которую торцами выходили дома» [6, с. 392]. На территории двора в обоих случаях отсутствовали следы культурного слоя.

Жилища такой каркасной конструкции эпохи поздней бронзы были раскопаны М. А. Итиной на территории правобережного Хорезма на Акчадарьинской дельте Амударьи. Эти жилища, как правило, полуземлянки и наземные, имеют в основном прямоугольную планировку со скругленными углами и входами, ориентированными на юг. Ямы для постройки жилищ были вырыты в «серой пылеватой супеси», насыщенной золой. Глубина их составляет 0,85—1,1 м от сов-

ременной поверхности. Площадь одинарных полуземлянок—75—110 м², двойных жилищ—100, хозяйственных—65—68 м². Размеры подсобных помещений зависели от их назначения—28—35 м² [1, с. 195].

Керамика нижнего слоя поселения Канга 2 разделяется на кухонную и столовую. Кухонные сосуды в качестве примеси имеют шамот, а дресва встречается редко. Тесто грубое, наружу стенок выступают крупные комки. Поверхность стенок неровная. Обжиг, судя по черному и серому цветам в изломе черепка, — костровый. Среди фрагментов керамики имеются черепки розового и красноватого цветов. Стенки некоторых черепков имеют лиловую окраску. Кухонные горшки украшались орнаментом обычно в виде нарезных линий, образующих угольники, обращенные острием вверх, косых линий, угольников, обращенных влево и т. д. Некоторые сосуды с несколько утолщающимся венчиком имеют валик в нижней части горла, украшенный косым нарезным орнаментом. Другие сосуды ниже венчика имеют отверстия для подвешивания. Диаметр венчика кухонных горшков—10—15 см. Плоское дно некоторых сосудов по краям украшено частыми вмятинами. Среди кухонных сосудов имеются открытые с венчиком, утолщенным по краю, как правило, тулово таких сосудов раздуто, диаметр горлышка — 15—28 см. Из-за фрагментарности восстановить нижнюю часть некоторых сосудов трудно. Столовая посуда однообразна. Она изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью шамота. Обжиг хороший и на поверхности стенок некоторых сосудов наблюдаются темные пятна. Сосуды снаружи красноватые, светло-коричневые, темно-коричневые, иногда — серые. Поверхность стенок заглажена и залощена. По-видимому, некоторые сосуды были окрашены. Под горлом и на плечиках нанесен орнамент в виде косых линий, насечек, парных колотых насечек и др. Среди керамического материала имеются отдельные черепки открытых сосудов с изогнутым наружу горлом, округлым туловом и плоским дном; открытые миски или чашки с изогнутым или прямым горлом, раздутым туловом и плоским дном, диаметр которых составляет 7—9 см.

При датировке поселения Канга 2 мы в основном опирались на археологические материалы, добытые М. И. Итиной при раскопках Якке-Парсановских комплексов на Южной Акчадарьинской дельте Амударьи правобережного Хорезма. Здесь, при раскопках поселений эпохи поздней бронзы, как Якке-Парсан 2, Якке-Парсан 12 и др. добыто большое количество керамического материала, который по форме, фактуре, отделке, орнаментации близок нашим находкам, хотя и несколько отличается. Видимо, это территориальные явления.

Поселение Канга 2 так же, как и Якке-Парсановские комплексы правобережного Хорезма, относится к Амирабадской культуре (позднебронзовый век), выросшей на основе Тазабагябской культуры. Как справедливо отметили исследователи, в амирабадской культуре, особенно на кухонной посуде, прослеживаются отдельные элементы Тазабагябской культуры, а в формах амирабадской столовой посуды ярко выражен местный суярганский компонент.

В орнаментах кухонных сосудов отразилось больше северное влияние, а с другой стороны — столовая посуда имеет близкие аналогии на юге. Видимо, низовья Амударьи в это время являлись как бы узловым пунктом скрещивания как северных, так и южных культурных влияний. В результате здесь сформировалась своеобразная культура оседлых земледельцев (Якке-Парсановский комплекс) и скотоводов (Канга 2). Основное направление хозяйства жителей поселения Канга 2 — скотоводство. Поселение располагалось на склоне Канга-кыра с обширной территорией для выпаса скота. Судя по остеологическим материалам, жители поселения в основном разводили мелкий рогатый скот, более приспособленный к условиям пустынных пастбищ, и, кроме того, занимались рыболовством. Кости рыб обнаружены почти во всех раскопах и шурфах, заложенных на территории памятника.

Итак, на территории левобережного Хорезма так же как и на территории правобережного происходил непрерывный процесс развития общества. После открытия неолитического могильника Туммекичиджик (Дашлы-бурун) и поселения раннежелезного века близ возвышенности Куюсай, впоследствии получившего название Куюсайская культура, в этой цепи не хватало только памятников эпохи бронзы. В 1979 г. в связи с открытием поселения эпохи бронзы Канга 2 и этот пробел был ликвидирован. Теперь археологам предстоит найти на территории левобережья памятник более раннего периода эпохи бронзы. Жители поселения Канга 2, судя по керамическому материалу, поддерживали связь с правым берегом, особенно это заметно на керамических материалах Якке-Парсан 2 и на поселении Якке-Парсан 15 со скотоводческим направлением хозяйства. Возможно также, что часть населения Акчадарьинской дельты Амударьи вследствие перенаселенности эмигрировала на обширные просторы левобережья. Выяснение этого вопроса — дело будущего.

Жители Канга 2, знакомые с опытом южных земледельцев, научились изготавливать превосходного качества керамику, хотя она не отличается разнообразием. По функциональному назначению керамика четко делится на кухонную и столовую.

Во время существования Канга 2 уровень Сарыкамышского озера был довольно высок. Самый высокий участок поселения расположен на Южном углу, где установлена триангуляционная вышка. Его отметка — 67,9 м над уровнем океана. Впоследствии территория его постепенно начала покрываться слоем гравия и песка, выносимыми из озера волноприбойной деятельностью Сарыкамышского озера. Одна из причин запустения поселения в эпоху поздней бронзы — подъем уровня Сарыкамышского озера. Если наша датировка поселения эпохи бронзы (X—VIII вв. до н. э.) правильна, то уровень Сарыкамышского озера в это время был довольно высок и Узбой был полноводным, если учесть, что сток по Узбою из Сарыкамышского озера происходит на отметке 52—53 м над уровнем океана [2, с. 342]. После резкого понижения уровня Сарыкамышского озера, с прорывом Амударьинских вод в сторону Аральского моря, вся Присарыкамышская равнина покрылась густой сетью русел боковых протоков Южного Давдана. На возвышенных участках вблизи берегов этих русел появились первые поселения кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев, где мы находим в изобилии так называемую «варварскую» керамику. Такие поселения обнаружены в различных районах Присарыкамышской равнины.

На территории левобережного Хорезма потомки кочевников-скотоводов, освоивших и затем перешедших к земледелию в начале VI в. до н. э., начали строить на возвышенностях первые укрепленные городища типа Кюзели-гыр. Нижние слои городища Канга-кала, расположенного в 2—2,5 км севернее от поселения Канга 2, также относятся к этому периоду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья.—ТХЭ, т. 10. М.: Наука, 1977.
2. Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. — Материалы Хорезмской экспедиции, 1960, вып. 3. М.: Изд-во АН СССР.
3. Итина М. А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Вайнберг Б. И., Дурдыев Д., Юсупов Х. Разведочные работы в Северной Туркмении.—АО, 1970, 1971.
5. Дурдыев А. Археологические обследования на территории Ташаузской области ТССР в 1970—1972 гг. — КД, 1972, вып. 4.
6. Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Археологические исследования в Северном Казахстане. — АО, 1969, 1970.
7. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.—СА, 1958, № 1.
8. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—ТХЭ, т. 2. М., 1958.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА БЕНГУВАНЕ¹

Широкие комплексные археологические и палеогеографические исследования, проведенные на территории Мисрианской равнины и Чатском земельном массиве в 1969 г., способствовали открытию ряда новых памятников, таких как Тильки-депе [6] и поселения Бенгуванского оазиса [2,5].

Маршрутное обследование Мисрианской равнины в августе 1981 г. позволило сосредоточить внимание на группе памятников Бенгуванского оазиса, расположенных в 35 км северо-восточнее районного центра Кизыл-Атрек.

В нескольких километрах от южного подножия возвышенности Бенгуван с запада на восток тянется цепочка всхолмлений — свидетельство жизни в арханческий период. Эта группа примыкающих друг к другу усадеб отмечена в каталоге памятников Мешед-Мисрианской равнины под единым цифровым кодом — Д-48 (Бенгуванский оазис поселений арханческого Дахистана) [5]. Площадь и сохранившаяся высота их различны (рис. 1).

Объектом раскопок выбран западный холм, отстоящий от основной группы всхолмлений на 100 м, площадь его — 730 м², а высота — 1,96 м. Он невысокий, правильных очертаний. Подъемный материал крайне скуден и представлен маловыразительными серыми, красными и светлыми черепками.

По всей линии склона холма заметна рельефная полоса, разграничивающая возвышенную в плане квадратную часть от остальной более пониженной и пологой.

В центральной части холма заложен раскоп площадью 420 м² (рис. 2).

Зачистка площади раскопа оконтурировала возвышенную центральную часть, а также выявила в северной и восточной частях раскопа стены помещений 1 и 2².

Для обнажения наружных краев возвышенности до подошвы, вдоль оконтуренной линии на северном и западном склонах холма заложены разведочные траншеи, позволившие зафиксировать остатки платформы сохранностью в два ряда кладки положенных плашмя друг на друга сырцовых кирпичей размером 80×50×7 см. Крупный формат сырцовых

¹ Бенгуванский археологический отряд работал в следующем составе: Э. А. Мурадова — начальник отряда; И. С. Масимов — канд. истор. наук, ст. науч. сотр.; Б. Удеумурадов — ст. лаб. и 6 рабочих.

² Нумерация помещений условная.

Рис. 1. Схема расположения поселений Бенгуванского оазиса.

кирпичей отмечен на памятниках культуры архаического Дахистана. Зафиксированы следующие размеры кирпичей: на Мадау-депе— $70 \times 42 \times 9$ и $64 \times 45 \times 8$ см [9, с. 406]; Изат-кули— $74 \times 49 \times 9$ см [9, с. 390]; Чыглык-депе— $70 \times 48 \times 10$ и $74 \times 49 \times 11$ см [4, с. 47]; на Геокчик-депе— $50 \times 70 \times 7$ см [3, с. 93].

Таким образом, как и предполагалось, установленные границы возвышения обособили центральную часть холма от остальной и выявили монолитное квадратное в плане сооружение, стороны которого равны $12,5 \times 12,5$ м и ориентированы по странам света.

Следует отметить, что за линией платформы по всей площади раскопа прослежены культурные наслоения, состоящие из материалов разрушений, глиняных прослоек с белесыми вкраплениями, мощных зольных слоев, фрагментов керамики.

Отпрепарированы остатки стен двух помещений. Помещение 1 расположено севернее платформы. Наибольшая высота его стен—47 см, наименьшая—22 см. Колебание высотных уровней обусловлено разной сохранностью стен. Поме-

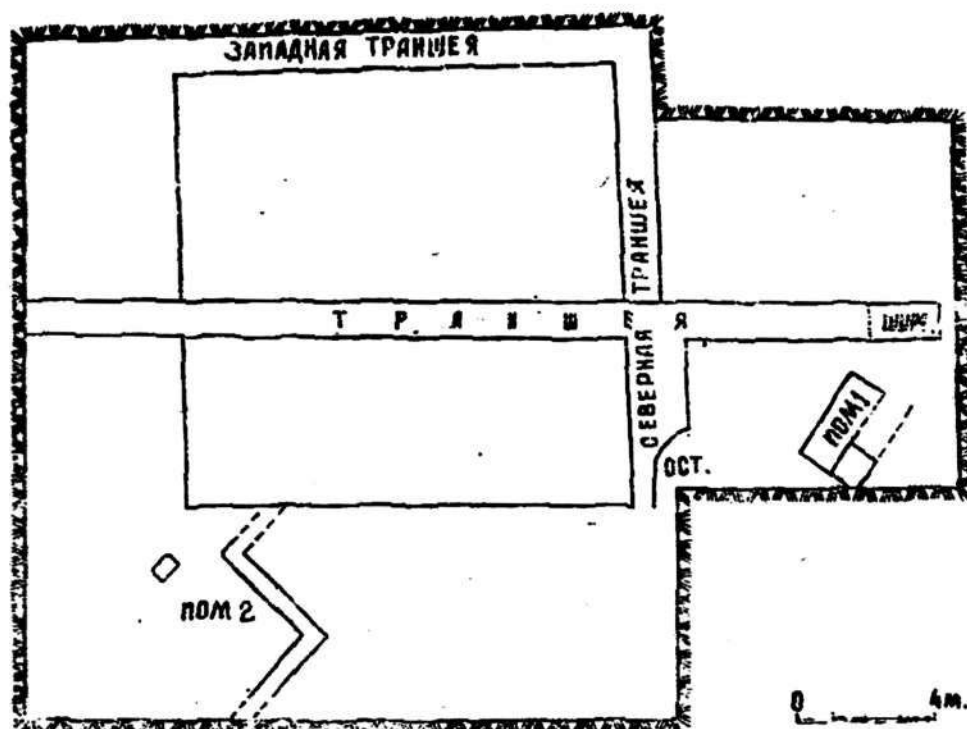

Рис. 2. План раскопа.

щение 2 находилось восточнее платформы. Сохранность стен в высоту—40 см. Заполнение помещений составили материалы разрушений, зольники, кости животных, многочисленные фрагменты столовых, хозяйственных и кухонных сосудов. В юго-западной части помещения 2 обнаружены стенки очага. В северо-восточном углу—верхняя часть двуручного сосуда с туловом сферической формы.

Результатом зачистки верхней площадки платформы явилась фиксация чередующихся параллельных полос. Западнее репера их насчитывалось пять. За исключением северной части возвышения, эти параллельные полосы наблюдались за линией возвышения в западной, восточной, южной частях. Выяснилось, что эти соприкасающиеся полосы—результат сплошного массива сырцовый кладки. Следует обратить внимание на то, что при строительстве наружных краев платформы, а также ее верхней площадки использовалась регулярная кладка. Размеры сырцового кирпича—80×50×70 см.

На платформе после снятия дернового слоя раскопано детское погребение, находящееся в 1,5 м северо-западнее репера. Ориентировка головы на запад. Сохранность плохая. В 3 м южнее детского погребения найдены останки взрослого покойника. Сохранность хорошая. Покойник лежит на спине. Руки прямые и вытянуты вдоль тела. Лицо обращено на

юго-запад. Обе ноги перерублены, очевидно, поздними работами, так как на этом месте сохранились следы очага. Череп взят на определение. Оба погребения — впускные. Временная принадлежность их не установлена.

С целью решения вопроса о структуре холма и выявления стратиграфии платформы, заложена траншея¹ по линии север—юг: длина—24 м, ширина—1 м, глубина—1,5 м (рис. 3). Стратиграфический разрез траншеи позволил выявить внутри монолитного сооружения материалы разрушений, натечные слои, сочетание вертикальных и горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, косо на ребро поставленные сырцовые кирпичи, мусорно-зольные слои, известковые вкрапления, редкие включения керамики, часть зернотерки. Все это свидетельствует о разнородности и разнохарактерности заполнения платформы.

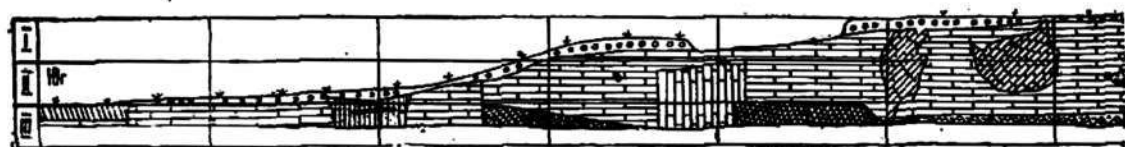
От северной границы траншеи, выходящей на современный уровень поверхности, заложен шурф размером 2×1 м (рис. 4). Шурф доведен до материка. Мощность культурных слоев шурфа—4,5 м. Материковые слои, представляющие собой речной аллювий, начинаются с середины XII яруса. Их перекрывают нижние культурные слои (XII—VIII ярусы), состоящие из песчано-глинистой супеси с вкраплениями извести и пепла, зольных слоев, прожженных прослоек красной земли с редкими включениями керамики, угольков. Начиная с VIII яруса и выше прослеживаются строительные остатки, включающие обломки сырцового кирпича, натечи, материалы разрушений. В верхнем горизонте IV яруса выявлена часть южной стены, зафиксированной и в конце III яруса, направление которой совпадает с направлением стены вышележащего помещения I.

Единственный вид находок культурных слоев шурфа—керамика, малочисленность и фрагментарность которой не позволили проследить распределение сосудов по вертикали.

Учитывая технические признаки и цвет черепков, керамику из шурфа разделили на 4 группы: 1—серая (29%); 2—светлая (27%); 3—красная (35,4%); 4—с примесью в тесте (8,6%).

Серый цвет черепка имеют фрагменты чаши из XII яруса; бокалообразного сосуда (диаметр венчика—10 см) из XI яруса; трипода из X яруса; миниатюрного сосуда с налетом на плечике из IX яруса; тонкостенной чаши из IX яруса (диаметр венчика—17 см); плоского дна из VIII яруса и несколько черепков, по всей вероятности, чашеобразных сосудов. Как правило, серая керамика заложена, иногда и зачернена.

¹ Репером служила наивысшая точка холма, к которой были привязаны ярусы траншеи и шурфа: I—III—ярусы траншеи, с IV яруса—шурф.

0 1 м.

Рис. 3. Разрез западной

1—дерн; 2—кладка пахсовых кирпичей; 3—материалы разрушений; 4—слои; 8—материалы разрушений с включениями керамики, угольков, наполнение с натеками и минералами гипса; 11—обожженная земля (с на- 14—зола; 15—толстые натечные слои; 16—плотные опесчаненные натеч- с вкраплениями извести и пепла; 18—материк; 19—плотные прожженные керамики; 21—прослойки слабо обожженной земли с тонкими линзами 22—прослойки слабо обожженной земли с тонкими линзами угольков и цового кирпича с натеками; 24—фрагмент керамики; 25—кирпич.

Светлофонная керамика представлена фрагментом рас- трубообразного горлышка из XII яруса, археологически це- лой плоской круглой крышкой с плоским защипом-ручкой в центре (диаметр—11 см)¹, и множеством невыразительных черепков.

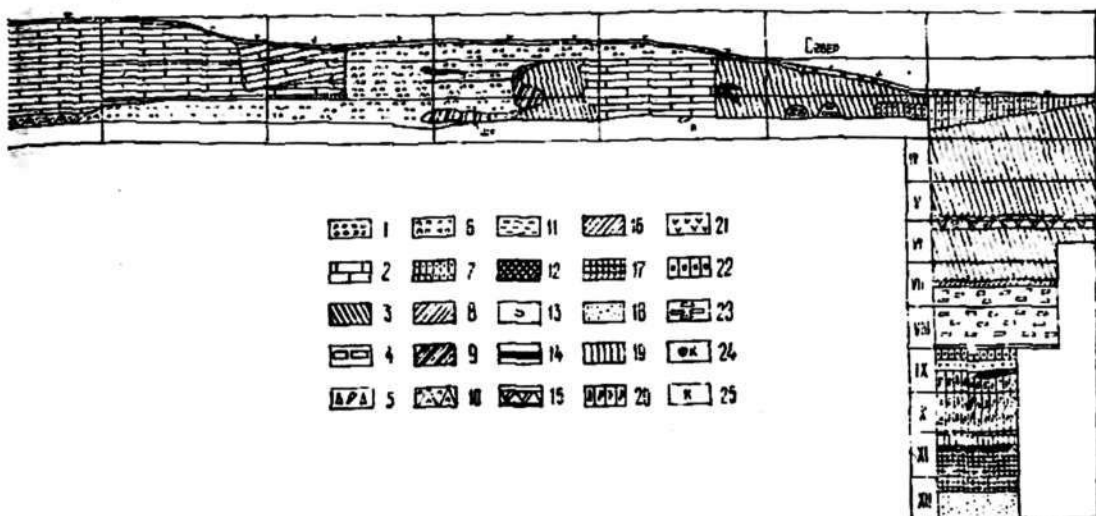
Красный цвет черепка принадлежал фрагментам дна крупного толстостенного сосуда из XII яруса; горло кувшина с отогнутым венчиком из XI яруса; овальной в сечении ручки из IX яруса; венчика чашеобразного сосуда из IX яруса и фрагментам стенок сосудов, чьи формы не восстанавливаются.

В IX ярусе найдены фрагменты стенок кухонных котлов.

На всей площади раскопа обнаружен и собран керамический материал², по цвету и фактуре черепка также разделенный на 4 группы: 1—серая (32,2%); 2—светлая (29,2%); 3—красная (17,2%); 4—с примесью (21,4%). Первым трем группам присуще высокое качество черепка (глина хорошей

¹ Необходимо отметить, что несмотря на светлый цвет черепка тесто с большой примесью шамота. Крышка изготовлена вручную.

² Поскольку найденная керамика относится к единому комплексу, характеристика ей дана общая.

стены траншеи.

кирпич; 5—фрагменты керамики; 6—рыхлое заполнение; 7—натежные теков и рыхлых слоев земли; 9—зольно-мусорный слой; 10—рыхлое за- теками); 12—материалы разрушений с натеками; 13—горелая земля; ные слои с прослойками обожженной земли; 17—песчано-глинистая супесь прослойки красной земли; 20—глинистая супесь с редкими включениями угольков и пепла, а также включениями мелких вкраплений извести; пепла (без извести); 23—глинистый слой с включениями обломков сыр-

отмучки без видимых примесей, высокотехнический обжиг, наличие лощения или ангоба). По функциональному назна- чению в эти три группы входят столовые и хозяйственные сосуды. К четвертой группе относится кухонная керамика, изготовленная вручную и отличающаяся от остальной при- мясями в тесте и закопченностью.

Анализируемая керамика представлена следующими ос- новными формами.

Ч а ш и — плоскодонные сосуды полусферической фор- мы. В основном сохранились их стенки. Вариационный раз- мах диаметров венчиков—15—20 см. Цвет черепка в изломе— красноватый, серый, светло-желтый. Серые чаши залощены. Светло-желтые и красные имеют ангобирование. Найдена археологически целая чаша (рис. 5). Диаметр венчика— 20 см, дна—6,8 см. Высота чаши—8 см. Черепок в изломе— светло-желтого цвета. Как изнутри, так и снаружи чаша ан- гобирована. Ангоб — беловатый. Изготовлена на гончарном круге.

Т р и п о д ы — круглодонные сосуды полусферической формы на трех ножках (рис. 6, 8). Цвет черепка в изломе— серый. Все триподы превосходно залощены. Изготовлены на

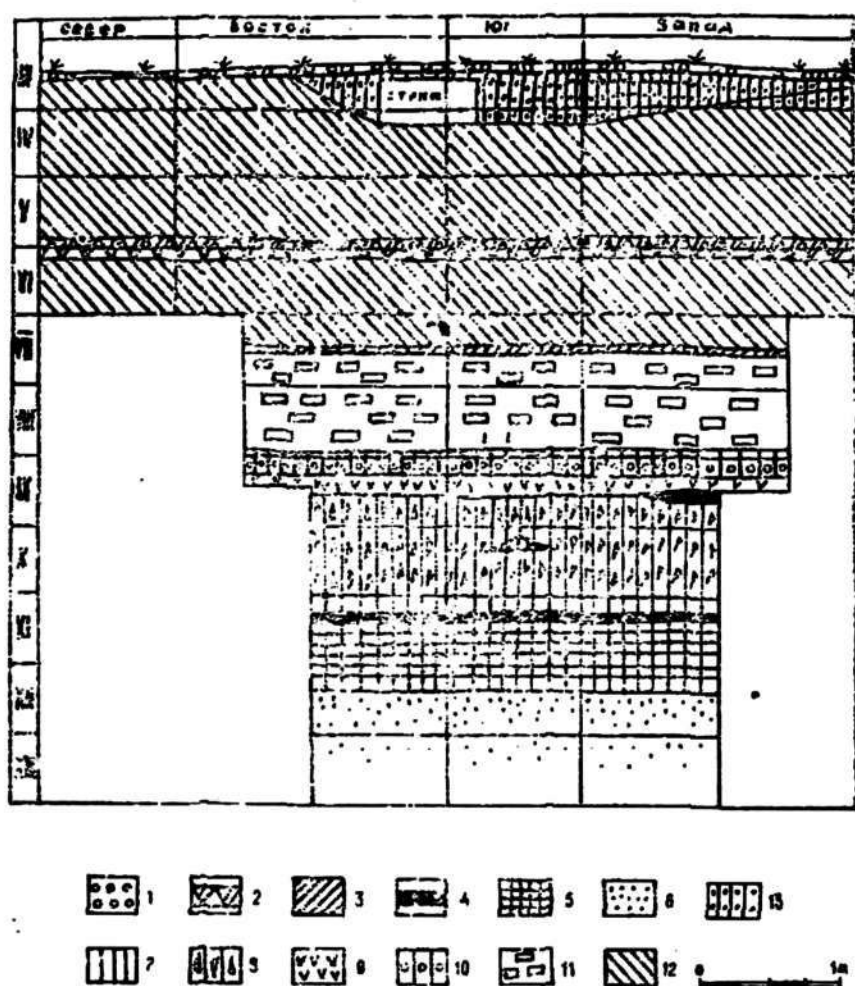

Рис. 4. Стратиграфический разрез шурфа:

1—дерн; 2—толстые натечные слои; 3—плотные опесчаненные натечные слои с прослойками обожженной земли; 4—слои золы; 5—песчано-глинистая супесь с вкраплениями извести и пепла; 6—материк; 7—плотные прожженные прослойки красной земли; 8—глинистая супесь с редкими включениями керамики; 9—прослойки слабо обожженной земли с тонкими линзами угольков и пепла, а также включениями мелких вкраплений извести; 10—прослойки слабо обожженной земли с тонкими линзами угольков и пепла (без извести); 11—глинистый слой с включениями обломков сырцового кирпича с натекми; 12—материалы разрушений; 13—натёки.

гончарном круге. Вариационный размах диаметров венчиков—16—32 см. Найден один экземпляр трипода с горизонтальной ручкой(?). Диаметр приостренного венчика—21 см. Обе стороны залощены. Один миниатюрный сероглиняный трипод имеет длинную для своих размеров ножку (10 см) при диаметре венчика 12 см. Черепок в изломе темно-серого цвета. Обе стороны зачернены.

Чаши с горизонтальной ручкой, прикреплен-

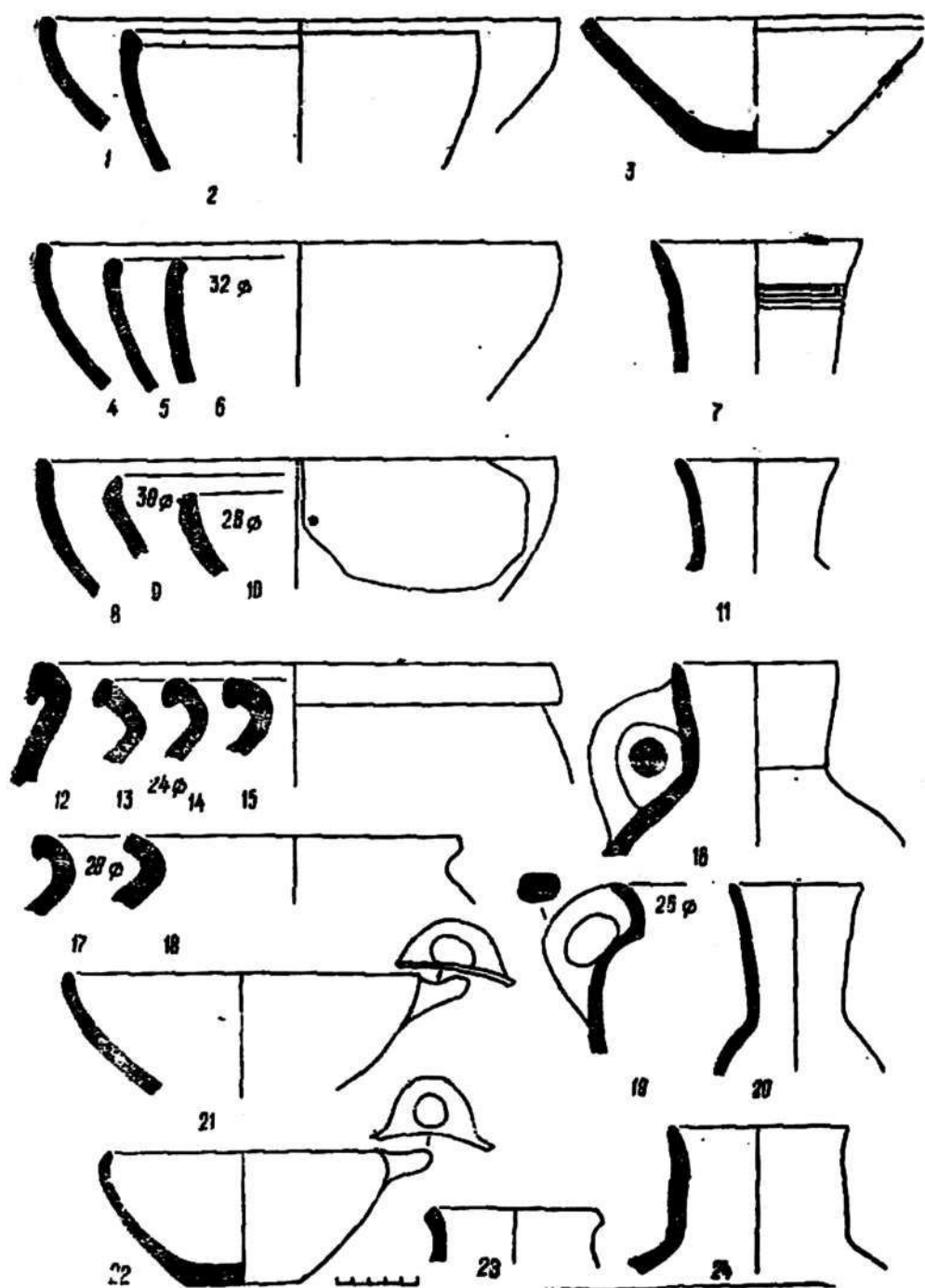

Рис. 5. Керамика из раскопа.

ной к венчику. Найдены стенки чаш. Диаметры венчиков—18—30 см (рис. 5). Черепок в изломе серого цвета. Залощены. Изготовлены на гончарном круге. Найдена археологически целая чаша с одной горизонтальной ручкой. Диаметр венчика—18 см, плоского дна—7 см. Высота чаши—8 см. Чере-

пок в изломе серого цвета. Обе стороны залощены. Изготовлена на гончарном круге.

Бокалы — плоскодонные сосуды цилиндрической формы с одной вертикальной ручкой (рис. 6). Диаметры венчиков—9—16 см. Цвет черепка в изломе—серый, светло-желтый. Серые бокалы обычно залощены. Светло-желтые—ангобированы. Изготовлены на гончарном круге. Несмотря на светло-желтый цвет черепка в изломе, один фрагмент бокало-

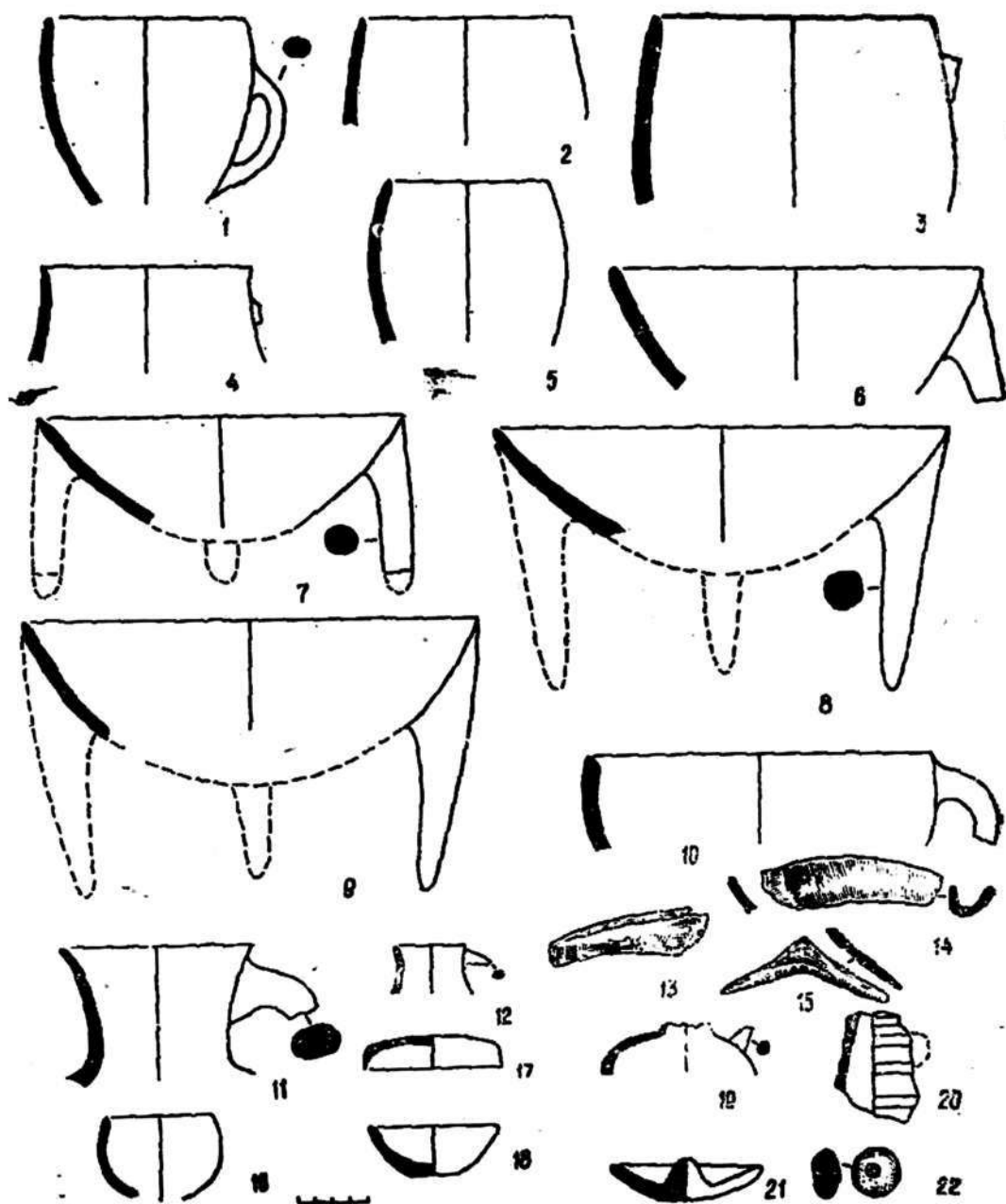

Рис. 6. Керамика из раскопа.

образного сосуда с диаметром венчика 10 см превосходно заложен с обеих сторон.

Сосуды со сливами. Найдены фрагменты желобчатых двучастных сливов, по которым трудно судить о формах сосудов. Цвет черепка в изломе — красный, серый. Как правило, они полированы. Обнаружен археологически целый сосуд со сливом: высота—19 см, диаметр венчика—13,5 см, дна—7,7 см. Приостренный венчик плавно переходит в закругленно-цилиндрическое (яйцевидное) тулово, сужающееся книзу и переходящее в плоское дно (рис. 7). Эта плавность линий придает сосуду стройность пропорций. На боковой поверхности тулова сохранилась часть вертикальной ручки¹. Цвет черепка — красновато-коричневый. Аналогичный сосуд, но с двумя ручками, найден на Изат-кули в 1980 г².

Горшки. Представлены венчики горшкообразных сосудов диаметрами 16—32 см (рис. 5). Для этой формы сосудов характерно низкое широкое горло. Цвет черепка в изломе—светло-желтый, красновато-коричневый. Один фрагмент горшкообразного сосуда имеет сплюсненную вертикальную ручку, прикрепленную к венчику, диаметр которого—16 см. Черепок в изломе красновато-коричневого цвета.

Кувшины. Сохранилась лишь верхняя часть сосудов, судя по которой они имели высокое узкое горло и вертикальную ручку, прикрепленную одним концом к горлу, а другим—к тулову. Вариационный размах диаметров венчиков—7—11 см. Цвет черепка в изломе — светло-желтый, красный, серый. Изготовлены на гончарном круге. Своеобразен фрагмент горла, расширяющегося к устью. Диаметр венчика—13 см. Орнаментирован тремя параллельными врезными линиями. Черепок в изломе — светло-желтый (рис. 5). Другой фрагмент узкого горлышка, имеющего в изломе темно-серый цвет, орнаментирован параллельно-чередующимися наклепными валиками. Сохранилось место прикрепления ручки. Внешняя сторона ангобирована. Ангоб — коричневатого-серый. Следует заметить, что орнаментация вообще не характерна для керамики культуры архаического Дахистана.

Хумчи — крупные толстостенные сосуды горшкообразной формы для хранения и транспортировки продуктов. Диаметры валикообразных и крючкообразных венчиков—27—30 см (рис. 8). Цвет черепка в изломе — серый, светло-желтый. Изготовлены на гончарном круге.

Т а г о р а — крупные толстостенные чашеобразной формы

¹ Из-за отсутствия второй половины сосуда, невозможно судить о наличии на противоположной стороне второй вертикальной ручки.

² Находится в фондах Отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

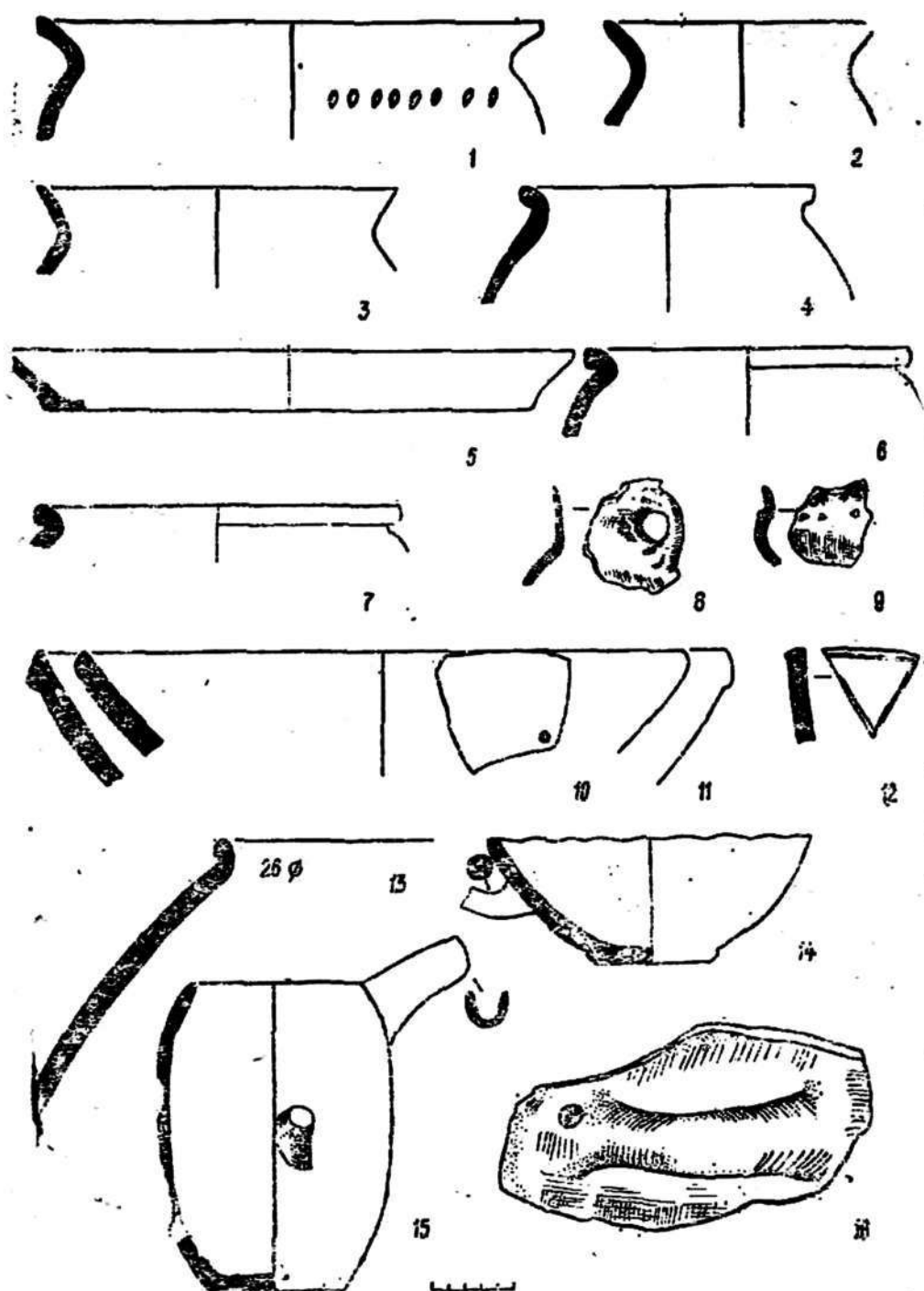

Рис. 7. Керамика из раскопа.

сосуды, служившие тарой. Диаметры венчиков—свыше 30 см (рис. 7). Черепок в изломе светло-желтого, красного, серого цветов. Серые тагоры имеют двустороннее лощение.

Жаровня — плоскодонные сосуды с низкой вертикальной стенкой. Диаметр венчика приближается к диаметру дна. Тесто с большой примесью. Изготовлены вручную. Найдена

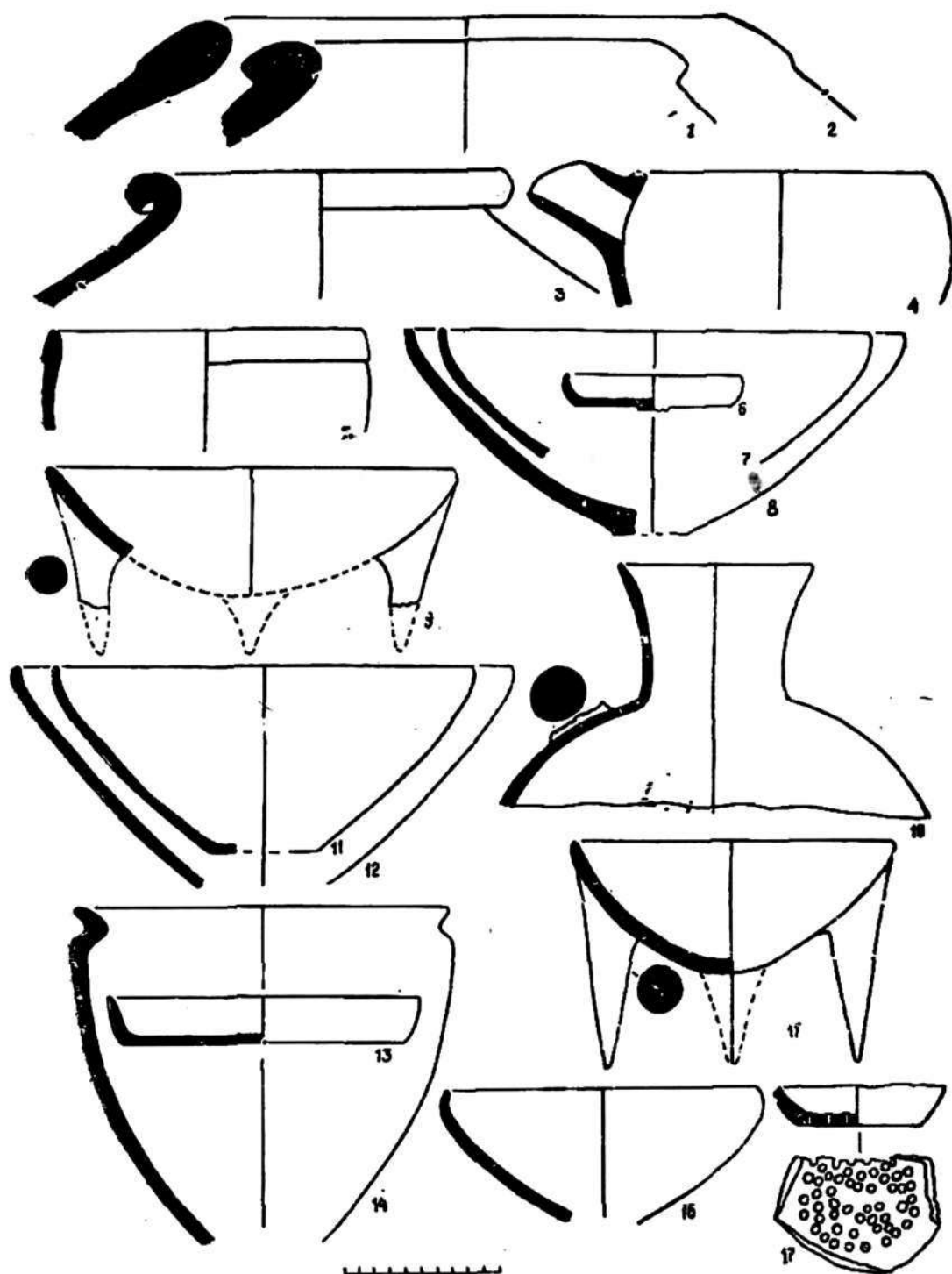

Рис. 8. Керамика из раскопа.

археологически целая жаровня (рис. 7). Диаметр венчика—35 см, дна—30 см. Высота—3,5 см. Тесто с большой примесью кварца. Внешняя сторона сильно закопчена, что свидетельствует о принадлежности к кухонной утвари.

Котлы — сосуды горшкообразной формы кухонного назначения (рис. 7). Представлены многочисленными фрагментами венчиков с вариационным размахом—12—28 см. Тесто с большой примесью кварца, дресвы или шамота. Найдены прямые, приостренные, крючкообразные, подтреугольные в сечении венчики. Для некоторых сосудов характерно сильное расширение горла к устью. В большинстве случаев сосуды орнаментированы. Орнаментация наносилась на плечики сосудов в виде косых врезных насечек, врезных кружков или врезных треугольников. Найдены фрагменты кухонных котлов с одной вертикальной ручкой, присоединенной к венчику и плечу тулова. Один фрагмент имеет сплюсненную ручку. Фрагментарность не позволяет судить о наличии ручек на других сосудах. Отмечены находки двуручных котлов на Мадау-депе [9, с. 409, 421] и на Изат-Кули¹.

Кроме основных форм обнаружены и редкие формы керамики, представленные единичными экземплярами. К ним относится археологически целый миниатюрный полусферический сосуд — солонка (?). Диаметр венчика—7,5 см, дна—2,8 см, высота—2,8 см. Черепок в изломе светло-желтого цвета. Залощен с внешней стороны. Изготовлен от руки. Найдена верхняя часть сосуда с двумя вертикальными ручками, прикрепленными к тулову. Диаметр венчика—11,5 см. Высота расширяющегося к устью горла—4 см. Черепок в изломе светло-желтого цвета, но часть сосуда имеет в изломе коричневатый цвет. Сосуд изготовлен на круге в два приема. Аналогичный сосуд с двумя дугообразными ручками, но прикрепленными к плечикам, найден на Шах-тепе [13, рI, IV, 425a]. Интересна круглая в сечении ручка крупного толстостенного сосуда (рис. 7).

Судя по оставшимся на внутренней поверхности следам пальцев по сырой глине, ручка была прикреплена к тулову сосуда горизонтально. В месте ее прикрепления проделано сквозное отверстие, видимо, служившее для подливания воды при сбивании масла. Исследуя этнографические материалы, Е. М. Пещерева отмечает применение и изготовление среднеазиатскими мастерами глиняных сосудов для сбивания масла. Это—кувшин высотой более полуметра с высоким горлом и ручкой, прикрепленной к тулову горизонтально, выше ручки проделано круглое сквозное отверстие [10, с. 62—65]. Аналогичные ручки принадлежали маслобойкам, найденным на парфянском поселении Гарры-Кяриз [11, с. 58—59, 85].

Также обнаружены две крышки (рис. 6). Одна—блюдце-

¹ Фонд Отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

образной формы с шишечкой-выступом в центре. Диаметр — 9 см. Цвет черепка в изломе — красный. Другой фрагмент плоской тонкостенной миниатюрной крышечки с низкой вертикальной стенкой имеет диаметр 10 см. Цвет черепка в изломе — серый. Находки аналогичных крышек известны на Изат-кули, Мадау-депе [9], Бенгуване [5].

Описанный керамический материал принадлежит единому комплексу и находит многочисленные аналогии на памятниках культуры арханческого Дахистана (Мадау-депе, Изат-кули, Чыглык-депе, Тильки-депе).

Новый археологический материал дает возможность сделать предварительные выводы.

Орошение на поселении было искусственным. Западнее холма, на котором заложен раскоп, прослежены остатки валов, некогда являвшихся древними руслами каналов.

Шурф, заложенный на раскопе, вскрыл 4,5 м толщу культурных напластований, находящихся ниже уровня современной поверхности, что свидетельствует о том, что Бенгуванский оазис находится в зоне сильной аккумуляции и что жизнь на поселениях этого оазиса существовала длительный период. Подтверждением этому служат вскрытые стены помещений 1 и 2, находящиеся ниже подошвы платформы и являющиеся более ранними во временном отношении. Это дает нам основание считать, что на поселении было два этапа обживания. Надо полагать, что на I этапе производилась застройка помещений, впоследствии разрушенных и забутованных. Позже, на II этапе, на этом же месте на искусственной платформе было воздвигнуто какое-то сооружение.

Использование искусственных платформ при строительстве крупных сооружений (цитадель, культовые сооружения, храмы и дворцы правителей) известны повсеместно на древнем Востоке.

На Елькен-депе в стратиграфическом шурфе на вершине холма цитадели выявлена мощная глинобитная платформа времени ЕД II [7, с. 59—62]. На поселении Таип-депе отмечено сооружение платформы квадратной формы (50×50 м) при высоте около 4 м [8, с. 568]. На поселении Кучук-тепе, в Бактрии, стратиграфический шурф № 3 позволил зафиксировать 4-метровую платформу, лежащую на материке и относящуюся к первому строительному периоду жизни поселения, хронологически относящегося к концу XI—середине VIII в. до н. э. [1].

Изложенные факты свидетельствуют, что и небольшие сооружения, такие как раскопанная нами сельская усадьба, могли строиться на искусственной платформе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепе. Ташкент: ФАН, 1979.
2. Атагарриев Е., Лисицына Г. Н. Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины и Чатского массива.—КД, 1970, вып. 3.
3. Атагарриев Е., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Работы на Мешед-Мисрианской равнине в 1971 г.—КД, 1977, вып. 5.
4. Гутлыев Г. Раскопки на холме Чналык (Чыглык-депе).—КД, 1972, вып. 4.
5. Костюченко В. П., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Бенгуванский оазис времени архаического Дахистана.—КД, 1972, вып. 4.
6. Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Тильки-тепе и некоторые вопросы палеогеографии в Юго-Западной Туркмении.—КСИА, 1972, вып. 132.
7. Марущенко А. А. Елькен-депе.—Тр. ИИАЭ АН ТССР, т. 5. Ашхабад, 1959.
8. Масимов И. С. Второй год раскопок Тапп-депе. — АО, 1978, 1979.
9. Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана Юго-Западной Туркмении. — ТЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.
10. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.
11. Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад: Блэм, 1975.
12. Прищепенко Л. В., Шапошникова О. С. Новые материалы для изучения керамики архаического Дахистана.—КД, 1970, вып. 3.
13. Arne. Shah-tepe. St., 1945.

Х. Юсупов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРГАНАХ ШАСЕНЕМГЫР

Курганные памятники возвышенности Шасенемгыр, изучение которых начато в 1970 г., частично нашли отражение в литературе [1, с. 169—170; 10, с. 128—137; 11, с. 26—27]. Продолжение раскопок в юго-восточной (большой) курганной группе Шасенем I дало множество материалов, представляющих огромный научный интерес для понимания истории материальной культуры и религиозных представлений древних насельников района.

Курганная группа Шасенем I распадается на 3 подгруппы, компактно расположенных на гыре. На возвышенности с юга прослеживается небольшой участок плоской ступени, восточная часть которой погребена под песчаными грядами. Ширина ступени около 100 м, высота над подножием гыра около 10 м. В нижней ее части и у верха гыра имеются выходы слоев белого разрушенного известняка. Поверхность ступени почти сплошь занята курганным могильником, на-

считающим несколько десятков курганов (подгруппа 2). Западнее, по краю обрыва, разбросаны одиночные погребальные насыпи (подгруппа 3). Но основная масса курганов размещена поверх гыра. Здесь располагается несколько сот курганов (подгруппа 1).

В последние годы (1978—1980) на, ступени и вершине гыра раскопано более 70 курганов, насыпи которых по внешнему виду и размерам не отличаются от ранее обследованных¹ (диаметр насыпи—4—8 м, высота—10—50 см), но ритуал захоронения в них имеет отличия, то есть здесь мы имели несколько разновидностей погребения. В большинстве случаев в центре или ближе к какому-либо краю насыпи выявлены ямы без единой ориентации. Они прямоугольные в плане, с округленными углами, длиной около 2 м, шириной и глубиной около 1 м; довольно часто яма ко дну суживается². На стенках хорошо сохранились ударные следы инструмента (кирки). Захоронения совершались в большинстве случаев в подбоях³ (40 курганов), расположенных под разными стенками ям (Ю, З, С, ЮВ, СЗ). Ориентация погребенных—восточная, западная, северо-восточная. Вместе с тем встречаются погребения в ямах (13 курганов) разной ориентации (С, З, СВ). Есть захоронения в оссуариях или бытовых сосудах, использованных в качестве оссуариев (6 курганов). Раскопано также 14 курганов-кенатафов. В одном случае (курган 21—«впускной») под насыпью выявлено захоронение в подбое, а над подбоем в небольшой и неглубокой яме оставлены оссуарии-костехранилища. В другом (курган 41) в яме оставлен покойник в скорченном положении.

Курган 10⁴. Дал небольшую и неглубокую яму, подпрямоугольную в плане, размером 1,20×1×0,60 м. В ней 8 сосудов-оссуариев (рис. 1). В качестве костехранилища-ос-

¹ Некоторые насыпи представляют собой слабо выраженные, расплывчатые пятна, круглые в плане, едва возвышающиеся над уровнем окружающей поверхности. Интересна стратиграфия отдельных курганов. В центре их находятся насыпи диаметром до 4 м из щебнисто-рыхлого коричнево-серого грунта. Их окружает (наклонно опоясывает) кольцом шириной до 1,5 м слой белого разрушенного известняка. У внутренней засыпки высота кольца — 20—25 см, к краю она выклинивается до 1 см. Аналогично строение и большинства кенатафов.

² В нескольких случаях отмечаются ямы подтрапецевидной формы. Ширина их в одном конце около 1,5 и более 1 м.

³ В подбойном захоронении вход был закрыт сырцовыми кирпичами размерами 35×35×10; 36×36×10; 37×37×10; 38×38×10; 39×39×10; 40×40×10; 45×45×10—11 см. Швы смазаны глиной. На некоторых кирпичах знаки в виде одной или двух параллельных полос, круга или пальцевых вдавлений.

⁴ Нумерация курганов ведется не по их расположению, а по очередности раскопок.

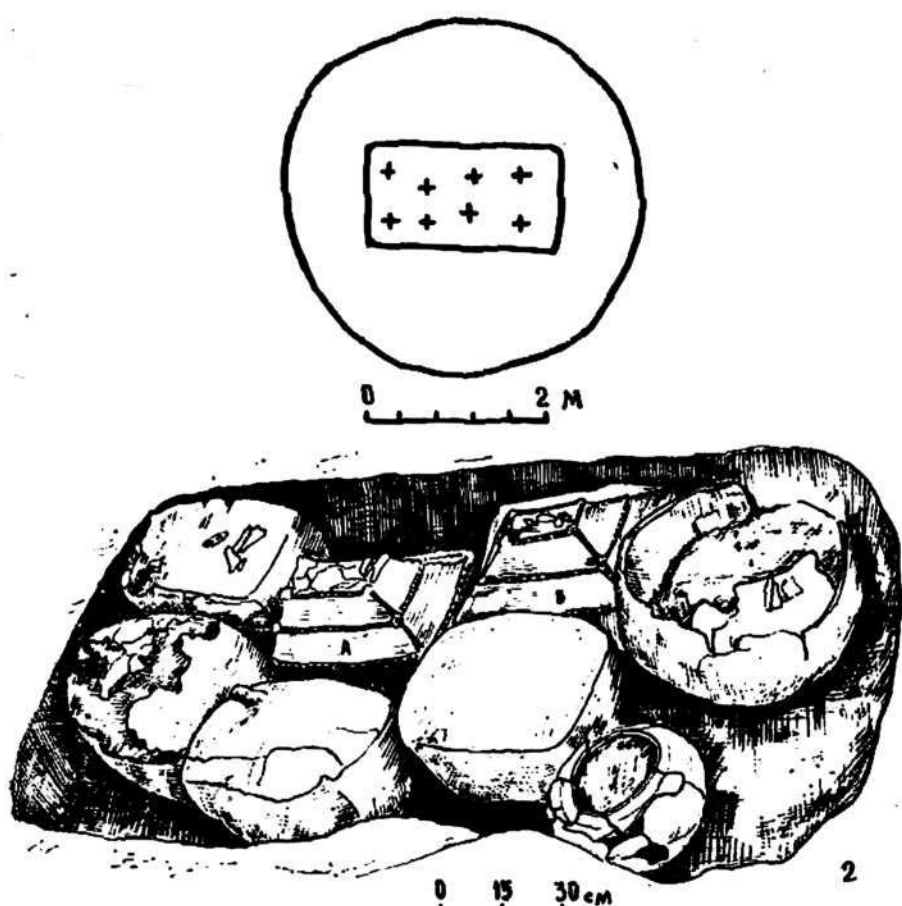

Рис. 1. Сосуды-оссуарии. Курган 10.

суария использованы как бытовые сосуды (небольшой круговой горшок с шаровидным туловом, плоским дном, коротким горлом, посаженным на плечики с ровной поверхностью края, покрытый снаружи красно-коричневым ангобом, и крупный сосуд), так и специально изготовленные оссуарии-костехранилища.

Курган 11. Содержал подбойное захоронение. Входная яма, ориентированная ВСВ—ЗЮЗ размерами $3,20 \times 1,10 \times 1,40$ м. Пол подбоя на 30 см ниже пола входной ямы, размер которой— $2,50 \times 0,55$ м. Ход подбоя закрыт 6,5 кирпичами. Покойник оставлен на камышовой подстилке, на спине, в вытянутом положении головой на ССВ. Длина костяка—1,80 м. За головой у стенки подбоя оставлен широкогорлый круговой горшок со слегка отогнутым простым краем, округлым туловом, широким плоским дном, с двумя желобчатыми ручками.

Курган 12. При расчистке была выявлена яма, ориентированная ВСВ—ЗЮЗ. Размер ее— $1,90 \times 0,70$ м, глубина—около 1 м. На дне, на подсыпке песка, оставлен покойник на

спине головой ВСВ. Длина костяка—1,60 м, сохранность плохая. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 13. В центре курганного пятна выявлена яма, ориентированная ВСВ—ЗЮЗ размерами $3,20 \times 1,35 \times 0,09$ м. Яма ко дну суживается ($2,60 \times 0,60$ м). В северо-западной стене входной ямы вырублен подбой, вход в который закрыт шестью сырцовыми кирпичами. Высота прохода (подбоя)—30 см. Пол подбоя на 35 см ниже пола входной ямы. Овальная в плане погребальная камера имеет размеры $2,25 \times 0,50 \times 0,40$ м. Покойник оставлен на камышовой подстилке, в вытянутом положении на спине, головой ВСВ. Длина костяка—1,80 м. Чуть за головой, с левой стороны, поставлен кружальный широкогорлый горшок со слегка отогнутым закругленным простым венчиком, раздутым туловом и плоским дном, на плечиках—валик, разграничивающий горло от плечиков. Внутри горшка помещен лепной сероглиняный сосудик с ручкой. У колена левой ноги были найдены: железный нож, стержень и пряжка, а также кремнистый камень—кресало и кусок серы.

Курган 14. Дал подбойное захоронение. Входная яма ориентирована почти СВ с небольшим отклонением на ЮЗ и имеет следующие размеры— $2,40 \times 0,80 \times 1$ м. Пол входной ямы выложен двумя рядами кирпича размерами $40 \times 40 \times 10$; $45 \times 45 \times 10$ см. Среди них есть и кирпичи со знаками. Ход подбоя закрыт 5,5 такими же кирпичами. Пол погребальной камеры на 25 см ниже пола входной ямы. Подбой, вырубленный в западной стене ямы, овальный в плане ($2,25 \times 0,60 \times 0,35$ м). Покойник оставлен на камышовой подстилке, на спине в вытянутом положении, головой ССВ. Длина костяка—1,80 м. У верхней части левой бедренной кости находилась бронзовая пряжка с подвижным язычком (рис. 2, 7). В насыпи ямы были найдены два фрагмента лепного сероглиняного сосуда.

Курган 15. В нем обнаружена могильная яма, ориентированная СВ—ЮЗ, размером $3 \times 1,15 \times 1,10$ м. Пол подбоя на 30 см ниже пола входной ямы, высота прохода—40 см, размер овальной в плане погребальной камеры— $2,40 \times 0,60$ м. Покойник лежит на камышовой подстилке на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,75 м. За головой в подбое оставлены два горшка—круговой и лепной. Внутри сосудов, видимо, была пища, о чем свидетельствуют кости овцы и бронзовая ложка (рис. 2, 32). Найдены также кремневые кресала, сера, железный ножичек и стержень, железный и бронзовые крючки, бронзовое зеркало с боковой ручкой (рис. 2, 31), на котором было выложено горкой большое количество кусочков мела. В погребении найдено много

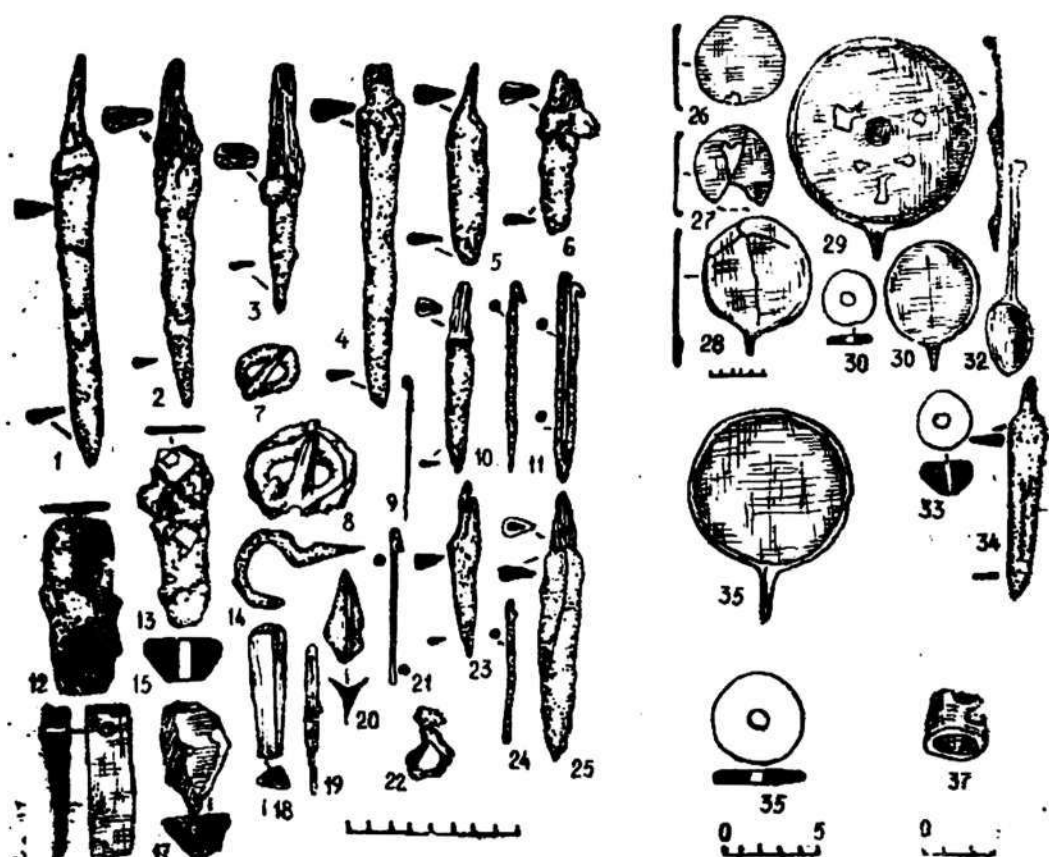

Рис. 2. Бытовые предметы и украшения из курганов Шасенемгyra.

бронзовых украшений и бусы, разложенные по плечам и вдоль рук, а также на запястьях и шее. Бусами и бронзовыми украшениями (рис. 3, 8), видимо, была обшита одежда. У фаланговой кости правой руки лежал бронзовый перстень со вставкой. У фаланги левой руки — железный перстень. Число находок дополняют железная пластина и пряслице из камня.

Курган 16. Обнаружена погребальная яма, ориентированная длинными сторонами ЮЗ — СВ. Яма размерами $2,40 \times 1 \times 1,20$ м, ко дну суживается до $2 \times 0,80$ м. Покойник оставлен на дне ямы, в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Длина костяка—1,70 м. У левой скулы была найдена железная проволоочная сережка, разрушенная коррозией. Вдоль ЮВ стены входной ямы в нише оставлены два сосуда. Первый из них имеет профилированный венчик, широкое горло с валиком, раздутое тулово и плоское дно. На плечиках — четыре желобчатые ручки. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом и вертикально залощена. Второй сосуд—меньшего размера с двумя ручками, по форме и фактуре аналогичен первому.

Курган 17. Дал яму, ориентированную длинными сто-

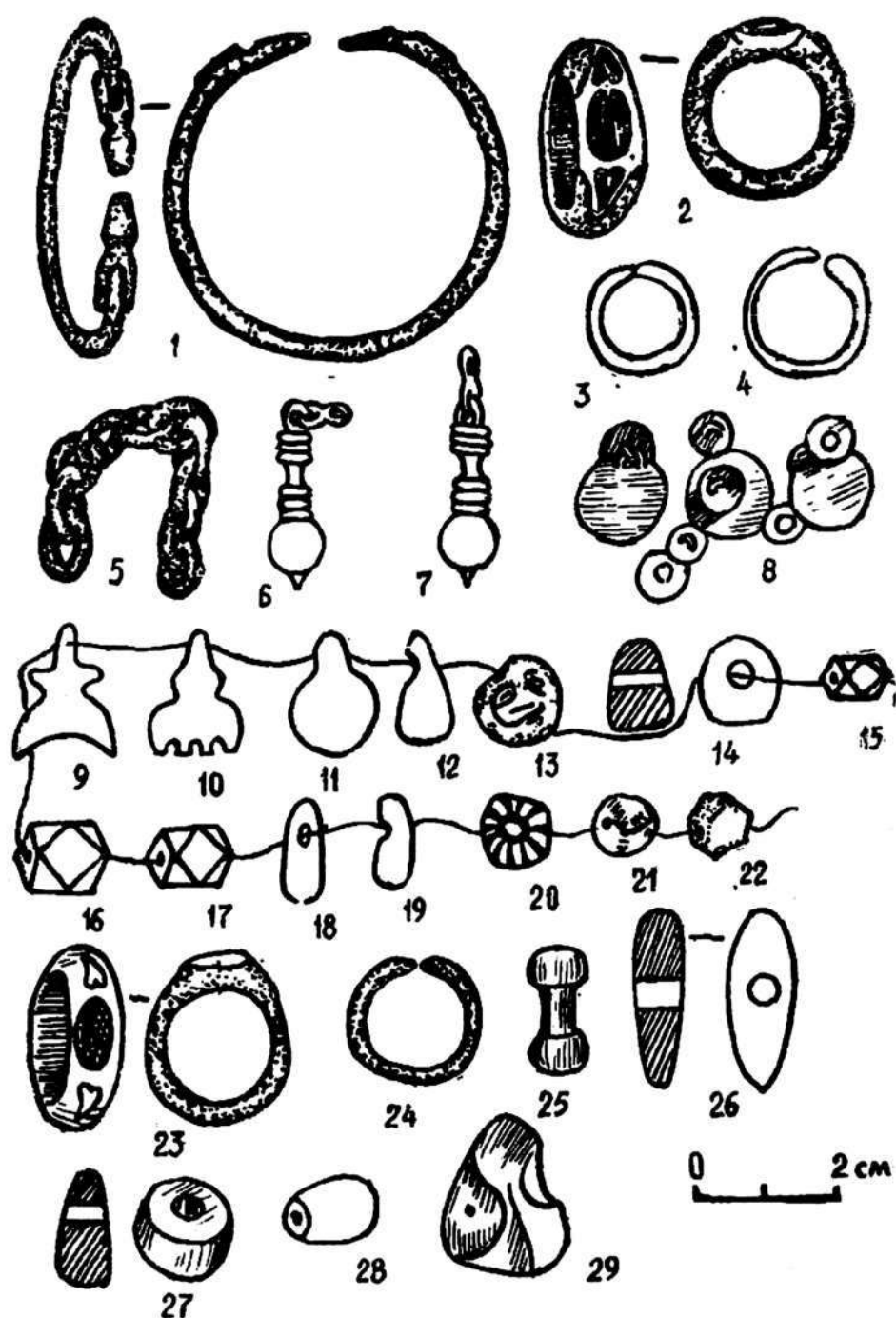

Рис. 3. Бусы и бронзовые украшения.

ронами СВ—ЮЗ. Размер ее— $2,60 \times 0,80$; по полу— $1,25 \times 0,70$ м, глубина— $1,25$ м. Покойник оставлен на дне ямы, на спине, в вытянутом положении, головой СВ. Длина костяка— $1,70$ м. Несохранившаяся одежда, а также голова, шея и руки покойного были богато украшены. Вдоль обеих рук от плеча до кисти положены редкие бусы. На груди слева—брон-

зовое зеркало. На кисти правой руки—бронзовый проволочный браслет с несомкнутыми утолщенными концами (рис. 4, 2). На фаланговой кости указательного пальца правой руки бронзовый перстень с сердоликовым камнем-вставкой (рис. 4, 6). На безымянном пальце два бронзовых перстня (рис. 4, 3, 9). У кисти левой руки—железный браслет (рис. 4, 7) и нанизанные бусы, используемые или в качестве самостоятельного украшения, или как дополнение к браслету. У фаланги указательного, большого безымянного пальцев и мизинца левой руки находились бронзовые перстни с каменными вставками (рис. 4, 8, 10—11). Вокруг шеи—светло-розовые бусы. У скул—бронзовые позолоченные серьги (рис. 5) и бронзовые «кнопочки»; судя по расположению, они были нашиты на материю. Вдоль северо-восточной стены вырублены две ниши, расстояние между которыми—30 см, ширина—45 и 75 см, высота—20 и 30 см. В одной из них оставлен круговой горшок с прямым венчиком, со слегка выраженным по краю валиком, широким горлом, шаровидным туловом и слегка вогнутым к середине дном, в другой — тушка овцы с копытцем (передняя нога) и небольшой железный ножик.

Курган 18. Дал захоронение в сосудах. В центре насыпи оставлен крупный круговой сосуд, сохранившаяся нижняя часть которого частично вкопана в твердый материк. Тесто в изломе кирпично-красное с примесью размельченного гипса. Внутри сосуда сохранились кости покойника.

Курган 19. Кенатаф, в центре на дневной поверхности оставлен круговой горшочек кремового цвета, от которого сохранилось плоское дно. Рядом находились обломки плоского дна сероглиняного лепного сосуда-горшочка.

Курган 20. Подбойное захоронение. Яма, ориентированная почти ВЗ, $2,20 \times 1,15 \times 1$ м. Ко дну она суживается, у северной стены вырублен подбой на 20 см ниже пола входной ямы. Овальный в плане подбой имеет размеры $2,30 \times 0,60$ м, высота потолка—45 см. Проход обвалился, что затруднило установление его точных размеров. Ход подбоя был закрыт семью сырцовыми кирпичами ($45 \times 45 \times 10—11$ см). Кирпичи мечены одной линией. Покойник оставлен на камышовой подстилке, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Длина костяка—1,65 м. За головой покойника, у западного конца погребальной камеры оставлен круговой горшок с округленными, слегка отогнутыми краями венчика, покатыми плечиками, округлым туловом и плоским дном. Около горшка—кости овцы.

Курган 21. Имел подбойное захоронение, яма была ориентирована почти ВЗ и имела размеры $2,30 \times 1 \times 0,95$ м, ширина ступеньки—70 см. Подбой, вырубленный у северной

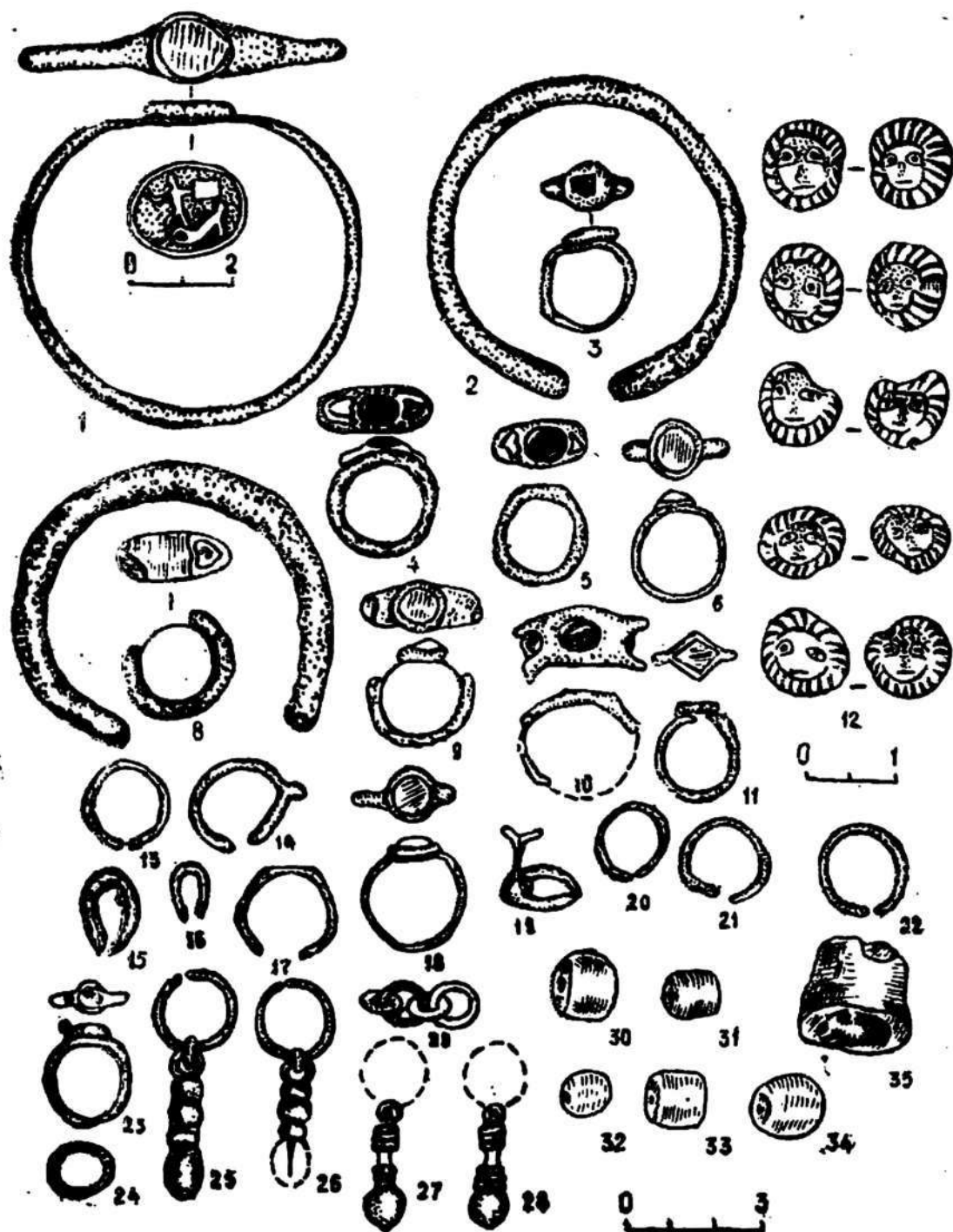

Рис. 4. Украшения из бронзы и железа.

стены и углубленный на 5—7 см ниже пола входной ямы, имел овальное очертание 1,80×0,45 м. Высота прохода—45 см. Ход подбоя, видимо, был закрыт деревянными балками и камышом, от которых сохранились истлевшие следы. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, голо-

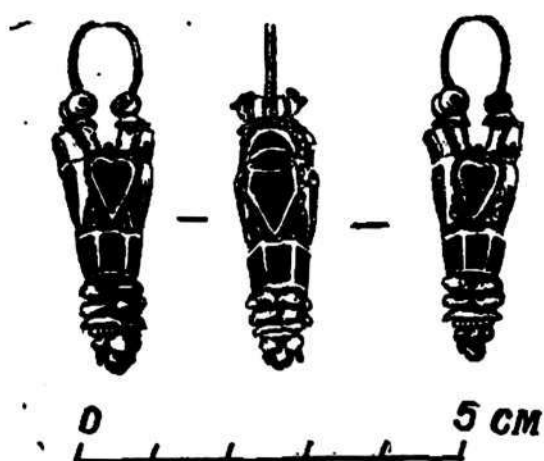

Рис. 5. Бронзовые, позолоченные серьги. Курган 17.

вой на восток. Длина останков — 1,50 м. С левой стороны головы стоял круговой горшочек с прямым венчиком, шаровидным туловом, плоским дном. Ярко выраженная шейка резко переходит к покатым плечикам, ручки желобчатые. В 60 см СЗ от края входной ямы, почти над подбоем, в небольшой и неглубокой ($1,30 \times 0,70 \times 0,50$ м) яме найдены три оссуария-костехранилища (рис. 6).

Курган 22. Дал подбойное захоронение. Яма ориентирована ВЗ. Размеры входа— $2,40 \times 1 \times 1$ м. Яма ко дну суживается, длина пола—1,95 м, ширина ступеньки пола—0,67 м. Ход подбоя у ССЗ стены был закрыт 5,5 сырцовыми кирпичами. На кирпичах с одной стороны (посередине) следы пяти пальцев. Длина прохода (подбоя)—1,90 м, высота—20 см. Пол подбоя на 20 см ниже пола входной ямы. Размеры подбоя $2,25 \times 0,45 \times 0,35$ м. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на ВСВ. Длина костяка—1,85 м. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая—в локте вывернута. Кисти лежат на плечевой кости. С левой стороны черепа оставлен красноглиняный круговой горшочек с простым слегка отогнутым венчиком, раздутым туловом и плоским дном. По горлу проведена бороздка, на плечиках—выступы, имитирующие ручки.

Курган 23. Содержал подбойное захоронение. Входная яма, ориентированная почти ВЗ, имеет размеры $3,20 \times 1 \times 0,90$ м. Ко дну она суживается (длина—2,30 м, ширина—90 см). Пол погребальной камеры на 40—45 см ниже пола входной ямы. Высота прохода подбоя—40 см, длина—2 м. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой ВСВ. Длина костяка—1,70 м. У скул—бронзовые провололочные серьги (рис. 4, 15).

Курган 24. Захоронение в яме, ориентированной СВ—ЮЗ, имеет размеры $2,60 \times 0,90 \times 1,10$ м. Покойник на дне ямы в вытянутом положении на спине головой СВ. Ноги у стоп перекрещены. Длина костяка—1,80 м. У восточной стены ямы ниша, в которой оставлен двуручный круговой горшок с красным ангобом и лощеной поверхностью. Внутри—лелной

сосудик — горшочек с одной ручкой. Рядом, во второй нише, — тушка овцы и железный нож.

Курган 25. Захоронение в яме, ориентированное СВ—ЮЗ. Размеры ямы— $2,50 \times 0,90 \times 1,30$ м. На дне оставлен покойник в вытянутом положении на спине головой СВ. У юго-восточной стены ямы вырублена ниша, в которой находился двуручный круговой горшок с двумя шишечками-выступами. Рядом с горшком — тушка овцы и железный нож, бронзовая, согнутая пополам, пластинка, видимо, оставшаяся от деревянного сосуда (следы ремонта) и железный стержень.

Курган 26. Подбойное захоронение. Ориентация входной ямы с СЗ на ЮВ, размеры— $3,50 \times 1 \times 1,10$ м. Ко дну она суживается; размеры — $2,20 \times 0,50$ м. Подбой расположен у СЗ стены.

Пол погребальной камеры на 15—17 см ниже пола входной ямы ($2,20 \times 0,55 \times 0,40$ м). Высота прохода—30 см. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой СВ. Длина костяка—1,70 м. У северо-восточного конца подбоя на уровне пола входной ямы имеется выступ, на котором стоял круговой горшок, закрытый тоненькими плиточками. Внутри миниатюрный лепной горшочек с ручкой.

Курган 27. Подбойное захоронение. Яма, ориентированная с СВ на ЮЗ ($2,90 \times 1,40$ м). У СЗ стены ямы был начат подбой, но из-за обвала не был завершен. Вторым подбой был выкопан у ЮВ стены, ход его закрыт 6 кирпичами. Длина овального в плане подбоя—2 м, высота—30 см. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,70 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 28. Яма, ориентированная СВ—ЮЗ, $2,20 \times 0,70 \times 0,90$ м (по полу— $1,75 \times 0,65$ м). На дне лежал покойник в вытянутом положении на спине головой на СВ. Длина костяка—1,30 м. Вдоль ЮВ стены, в 15 см от СВ угла, вырублена ниша длиной 95 см, глубиной 20—25 см, высотой 40 см. В северной половине ниши обнаружен кружальный горшок без ручек, в южной — тушка овцы. Выше тазовой кости (между позвоночником и ребрами) найден железный нож.

Курган 29. По конструкции и ритуалу захоронения аналогичен вышеописанному, размеры ямы чуть больше, длина костяка—1,85 м, череп деформирован (двойная кольцевая деформация). Кружальный горшок (вместо ручек—четыре шишки-налепа) и лепной сероглиняный сосудик с ручкой, стоявший у левого плеча; у пояса, с левой стороны, — железный нож и передние ноги овцы.

Курган 30. Подбойное захоронение. Яма ориентирована СВ—ЮЗ ($2,70 \times 0,90 \times 1,35$ м). Длина по дну—2,10 м, ши-

рина—75 см. Подбой вырублен у СЗ стены, пол его на 15 см ниже пола входной ямы, форма овальная ($2,35 \times 0,40 \times 0,36$ — $0,40$ м). Высота прохода—30 см. Покойник оставлен в подбое на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Он был втиснут в маленькую камеру. Шейные позвонки сильно скручены. Длина костяка—1,65 м. У шейного позвонка бронзовая пуговка. В юго-восточном углу подбоя специально вырубленная неглубокая ниша, где стоял круговой горшок с двумя ручками. Внутри его—сероглиняный лепной сосудик с ручкой.

Курган 31. Подбойное захоронение. Яма ориентирована СВ—ЮЗ ($2,80 \times 1,05 \times 1,40$ м; по полу— $2 \times 0,70$ м). Подбой, овальный в плане (длина—2 м, ширина и высота—60 см), вырублен у СЗ стены на 15 см ниже пола входной ямы. Проход и потолок его обвалились. Курган был ограблен, о чем свидетельствуют обломки кирпича, оставленные во входной яме, отсутствие кирпича у прохода и останки покойника, собранные в кучу (в южной половине подбоя). На уровне пола входной ямы, в северо-восточной половине подбоя, найден горшок. Второй горшок стоял у прохода подбоя. Миниатюрный круговой кувшинчик с ручкой лежал на боку у северо-западной стенки подбоя (в его средней части). Бронзовый браслет со щитком (рис. 4, 1), серьги (рис. 4, 27—28), перстень (рис. 4, 23), железный браслет или кольцо, обломки железных предметов, подвески и бусы разбросаны среди костей; встречаются и кости овцы.

Курган 32. Погребальная яма ориентирована СЮ ($2,30 \times 0,70 \times 1$ м; длина по полу—1,95 м). Покойник оставлен на спине, в вытянутом положении, головой на север. Длина костяка—1,75 м. У восточной стены ямы вырублена ниша (ширина—50 см, глубина—15 см и высота—40 см). В нише найден круговой горшок с желобчатыми ручками. С левой стороны покойника, рядом с плечом, лежали передняя нога и ребро овцы.

Курган 33. Подбойное захоронение. Яма ориентирована СВ—ЮЗ ($3 \times 1,30 \times 1,30$ м; по полу— $2,40 \times 0,90$ м). Подбой, овальный в плане, находится у юго-восточной стены, пол его на 30 см ниже пола входной ямы. Проход и потолок обвалились, причем проход был закрыт двумя рядами кирпичей. Дно подбоя засыпано песком. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Спинные позвонки деформированы¹, длина костяка—90 см. За головой у СВ угла подбоя стоял сосуд с одной ручкой. У ноги, с левой стороны, находились сероглиняный лепной гор-

¹ Позвоночник в середине дважды изогнут в вертикальной плоскости, что говорит об анатомической аномалии у погребенного.

шочек с фигурными ручками и обломки кругового сосуда со следами ручек. Около левой лопатки найдена железная игла.

Курган 34. Подбойное захоронение. Входная яма, ориентированная СВ — ЮЗ, имеет размеры $1,60 \times 0,90 \times 0,90$ м. Длина ямы по полу—1,27 м, ширина ступеньки—50 см. Пол подбоя на 25 см ниже пола входной ямы. Овальный в плане подбой расположен в СЗ стене ($1,35 \times 0,40 \times 0,40$ м). Высота прохода—30 см. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на СВ; длина костяка—1,05 м. Видимо, это был карлик — передние зубы слишком велики для ребенка. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 35. В центре насыпи (пятна) выявлена яма, ориентированная СВ—ЮЗ ($3 \times 1 \times 1,45$ м; размеры по полу— $2,25 \times 0,50$ м). Подбой вырублен в ЮВ стене, пол его на 10 см ниже пола входной ямы. Овальная в плане погребальная камера-подбой имеет размеры $2,35 \times 0,60 \times 0,50$ м. Проход слегка обвалился, высота его в сохранившейся части—40 см. Вход был закрыт 6 кирпичами. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,65 м. Ниже тазовой кости, между бедренными,—скелет маленького ребенка. У восточного угла подбоя, за головой покойника, с левой стороны находился круговой горшок с сероглиняным лепным сосудиком с ручкой внутри. В области шейного позвонка, позвоночника и лопаток располагались бронзовые нашивные украшения, которыми были, вероятно, убраны косы и одежда покойника. На фалангах пальцев были кольца.

Курган 36. Дал захоронение в яме ($2,50 \times 0,90 \times 0,90$ м). На дне на спине в вытянутом положении, головой на СВ лежит покойник. Длина костяка—1,60 м. На шейном позвонке—бусы, на груди—железная игла, у кисти правой руки—железный браслет. В тазовой полости найдено бронзовое зеркало с выступающей ручкой, видимо, оставленное у руки покойника. У ЮВ стены ямы, ближе к СВ углу и в средней части, вырублены две ниши. В северном углу—оставлен круговой горшок с прямым вытянутым венчиком, внутри которого—следы истлевшего деревянного сосуда и бронзовая согнутая пластинка, использовавшаяся, видимо, при ремонте деревянного сосуда. Вторая ниша пустая. Между второй нишей и ЮВ углами у конца левой ноги—второй круговой горшок.

Курган 37. Содержал подбойное захоронение. Входная яма ориентирована ВЗ ($3,20 \times 1,25 \times 0,90$ м; длина пола—2,25 м). Овальный в плане подбой (длина—2,10 м, ширина—50 см) у ЮЗ стены был закрыт двумя рядами из 5,5 кирпичей. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Длина костяка—1,65 м. За головой стоял кру-

говой горшок с двумя петельчатыми ручками и двумя выступами-«ушками». На левой стороне груди помещалось круглое бронзовое зеркало, на скулах—бронзовые серьги, на безымянном пальце левой руки—бронзовый перстень. В разных частях скелета найдено несколько бусин.

Курган 38. Дал яму, ориентированную СЮ ($2,50 \times 0,85 \times 0,95$ м). На дне оставлен покойник на спине в вытянутом положении, головой на север. Длина костяка—1,70 м. В восточной стене в 30 см от СВ угла ямы вырублена ниша (ширина—75 см, глубина—40, высота—30 см). В нише находился горшок с четырьмя ручками. Рядом — железный нож. За головой покойника обнаружена крупная железная пряжка.

Курган 39. Самый юго-восточный на нижней террасе, дал подбойное захоронение. Входная яма ориентирована ВЗ. Размеры ее— $2,80 \times 1 \times 0,80$ м, длина по полу—2,35 м, ширина ступеньки—60 см. Погребальная камера (подбой) — прямоугольная в плане, вырублена в С стене, ход ее был закрыт 5,5 сырцовыми кирпичами; снаружи эти кирпичи закреплены вторым рядом из трех кирпичей. Пол подпрямоугольного в плане подбоя на 25 см ниже пола входной ямы ($1,85 \times 0,65 \times 0,30$ м). В подбое головой на ВСВ в вытянутом положении оставлен покойник. Длина костяка—1,60 м. Между костями ног положены железные предметы (не поддающиеся определению), в том числе железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы (рис. 2, 20), кремневое кресало и печать из необожженной глины плохой сохранности (рис. 2, 37; 4, 35).

Курган 40. Дал небольшую и неглубокую яму ($1,35 \times 0,70 \times 0,70$ м). Здесь помещен крупный сосуд со специальной крышкой (рис. 7, 8; 8, 29), где находились кости одного покойника.

Курган 41. Имел подбойное захоронение. Яма ориентирована СВ—ЮЗ ($3,20 \times 1,20 \times 1,30$ м, по полу— $2,35 \times 0,70$ м). Пол овального в плане подбоя на 25 см ниже пола входной ямы ($2,15 \times 0,60 \times 0,30$ м). Ход высотой 40 см был закрыт двумя рядами сырцовых кирпичей с круглыми и овальными знаками. Покойник оставлен в подбое, на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,65 м. За головой покойника стояла круговая красноглиняная ангобированная чаша (рис. 8, 8).

Курган 42. Дал захоронение в яме, ориентированной почти СЮ ($1,40 \times 0,70 \times 0,80$ м). Покойник лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север.

Курган 43. Содержал подбойное захоронение. Ориентированная СВ—ЮЗ входная яма имела размеры $3,50 \times 1,30 \times 1$ м; по полу— $2,70 \times 0,70$ м. Овальный в плане подбой расположен в СЗ стене ($1,90 \times 0,45$ м).

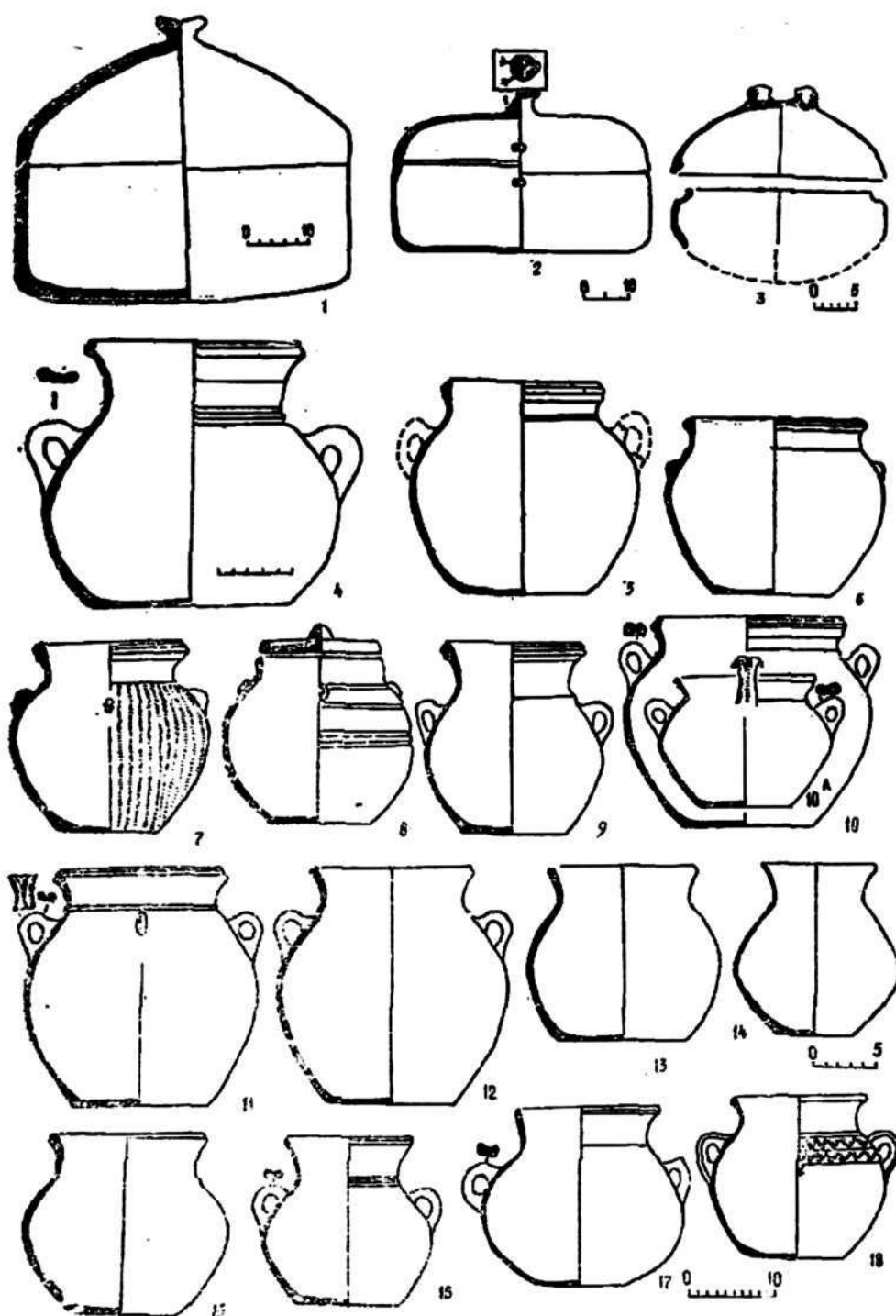

Рис. 6. Керамические сосуды бытового назначения и сосуды-оссуарии из Шасенемских курганов.

Высота и проход в результате обвала не установлены. В подбое оставлен покойник в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Длина костяка—1,20 м. В насыпи (входной яме) найден железный нож. Кургan был, видимо, ограблен.

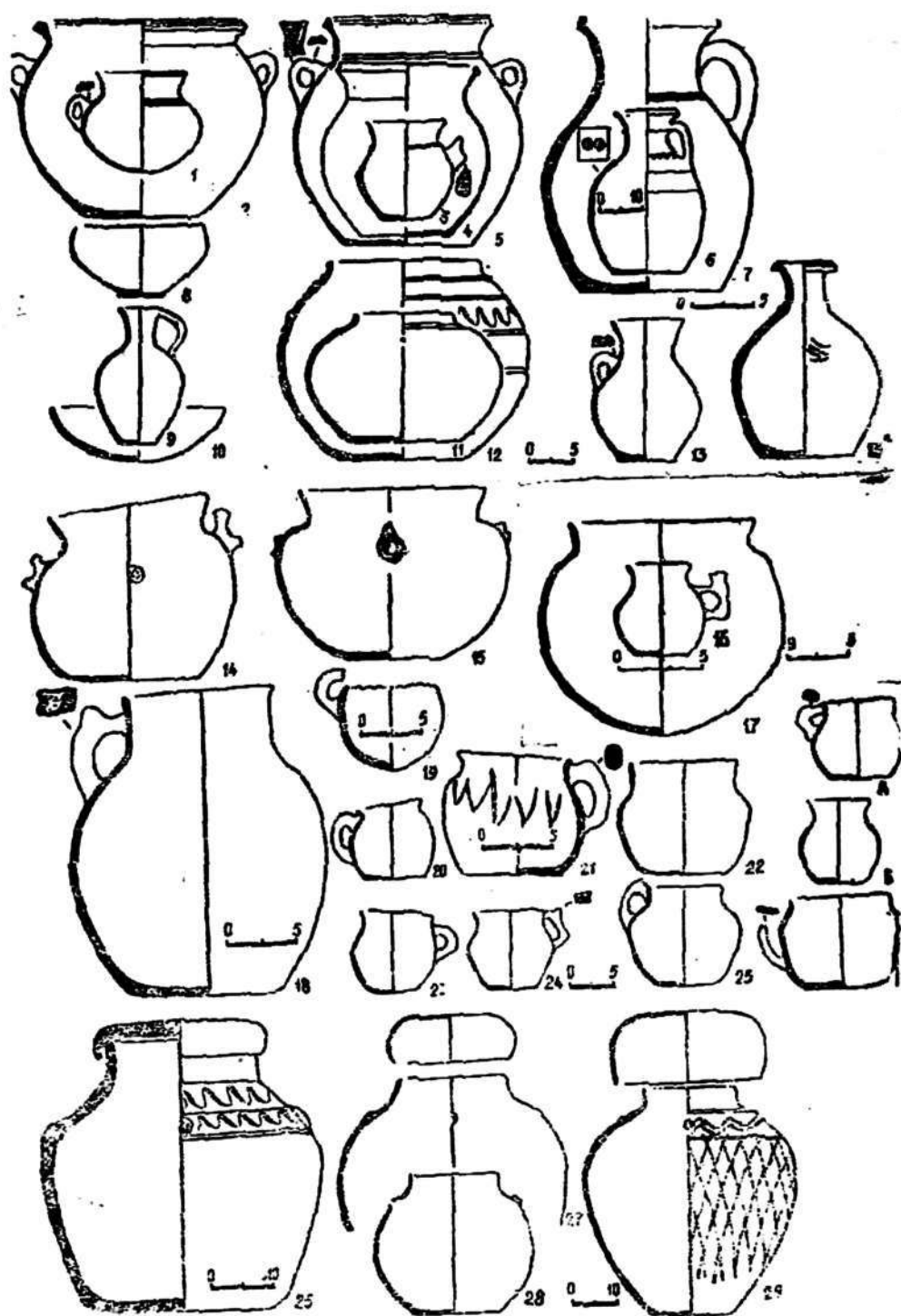

Рис. 7. Керамические сосуды бытового назначения и сосуды-оссуарии из Шасенских курганов.

Курган 44. Дал кенатаф в яме, ориентированной ССЗ—ЮЮВ ($1,80 \times 1,60 \times 0,40$ м). В нем обнаружены три сосуда—приземистый кувшин (рис. 7, 13) и два горшкообразных сосуда, внутри одного из них—обломки деревянного сосуди́ка,

на котором сохранилась бронзовая пластинка, свернутая пополам, использованная при ремонте края сосудика. В средней части ямы найдены железный нож и бронзовая пряжка.

Курган 45. Дал яму, вытянутую ВЗ ($3,50 \times 1,50 \times 1$ м), у СЗ стены вырублен подбой. Вход в него был заложен двумя рядами сырцовых кирпичей. Овальный в плане подбой имеет размеры $2,30 \times 0,60$ м, проход высотой 35 см. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на запад. Длина костяка—1,60 м. Сопровождающий инвентарь (железный нож) был помещен с левой стороны головы, там же лежали кости овцы, фрагмент деревянного сосудика и железная пластина.

Курган 46. Захоронение в подбое. Входная яма ориентирована СВ—ЮЗ ($3,30 \times 1,40 \times 0,90$ м). Подбой вырублен в СВ стене и опущен на 12 см ниже пола входной ямы. Вход подбоя был закрыт сырцовым кирпичом, облицованным снаружи тонкими плитками. Прямоугольная в плане погребальная камера имеет размеры $2,50 \times 0,90 \times 0,40$ м. В подбое оставлен покойник в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Череп деформирован (двойная кольцевая деформация). Длина костяка—1,60 м. Выше головы покойника оставлен горшок, изготовленный от руки.

Курган 47. Содержал подбойное захоронение. Расположенная ВЗ яма имеет размеры $2,30 \times 0,80 \times 0,80$ м; по дну— $2 \times 0,60$ м. Подбой, вырубленный в северной стене входной ямы, имеет овальное очертание; его пол на 15 см ниже пола входной ямы ($1,90 \times 0,50 \times 0,40$ м). Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на восток. Длина костяка—1,70 м. С левой стороны головы стоял красноглиняный круговой кувшин с круглой в сечении ручкой. Рядом с кувшином — железный стержень, кремневое кресало и серьга. У локтя левой руки найдены железный нож и бронзовая пряжка, видимо, они были на поясе.

Курган 48. По внешнему виду, конструкции камеры и ритуалу захоронения аналогичен кургану 47. Яма ($2,40 \times 0,90 \times 0,95$ м, по полу— $1,95 \times 0,40$ м), вытянута на ВЗ. Пол подбоя на 20 см ниже пола входной ямы. Овальный в плане подбой ($2,26 \times 0,60$ м). Потолок и проход обрушились, в результате кирпичи, закрывавшие вход, упали внутрь камеры. В подбое на спине оставлен покойник в вытянутом положении, головой на восток. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 49. Содержал подбойное захоронение. Ориентированная ВЗ яма ($2,10 \times 0,90 \times 0,90$ м, по полу— $1,90 \times 0,60$ м). Овальный в плане подбой вырублен в северной стене ($1,80 \times 0,45$ м), пол его на 20 см ниже пола входной ямы.

Костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на запад; череп у груди. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 50. Дал подбойное захоронение. Вытянутая ВЗ яма имела размеры $2,60 \times 0,90 \times 0,80$ м, по полу— $2,15 \times 0,55$ м. Пол подбоя опущен на 15 см ниже пола входной ямы. Длина овальной в плане погребальной камеры—2,10 м, ширина—45 см. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на восток. Длина костяка—1,60 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 51. Кенатаф. В центре под насыпью найден сосуд плохой сохранности. Тесто в изломе кремового цвета. Внутри помещен сероглиняный лепной сосудик с ручкой.

Курган 52. Содержал подбойное захоронение. Входная яма ориентирована ВЗ ($2 \times 0,90 \times 0,90$ м; по полу— $1,45 \times 0,40$ м). Пол подбоя на 20 см ниже пола входной ямы. Размеры овальной в плане камеры— $1,30 \times 0,30 \times 0,30$ м. В подбое оставлен ребенок на спине в вытянутом положении, головой на запад. Длина костяка—1,10 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 53. Дал подбойное захоронение. Яма ориентирована ВЗ ($2,80 \times 1,10 \times 1$ м, по полу— $2 \times 0,50$ м). Пол подбоя на 15 см ниже пола входной ямы. Овальная в плане погребальная камера имеет размеры — $2,10 \times 0,45 \times 0,35$ м. Проход высотой 30 см был закрыт 5 сырцовыми кирпичами. Покойник оставлен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Длина костяка—1,55 м. Между костями ног покойника стоял приземистый круговой горшок.

Курган 54. Дал подбойное захоронение. Входная яма вытянута ВЗ ($2 \times 0,95 \times 0,90$ м, по полу— $1,65 \times 0,55$ м). Пол подбоя на 16 см ниже пола входной ямы. Высота прохода—30 см, он был закрыт четырьмя кирпичами. Овальная в плане погребальная камера имеет размеры— $1,10 \times 0,35 \times 0,30$ м. В подбое оставлен ребенок 6—8 лет на спине в вытянутом положении, головой на запад. Инвентарь отсутствует.

Курган 55. Содержал захоронение в яме, ориентированной ВЗ ($2,30 \times 0,60 \times 0,70$ м). На дне оставлен покойник на спине в вытянутом положении, головой на восток. От перекрытия сохранились истлевшие остатки балок и камыша. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 56. Дал подбойное захоронение. Яма вытянута СЮ ($2,80 \times 0,85 \times 0,80$ м; по полу— $1,70 \times 0,60$ м). У западной стены вырублен подбой, пол которого на 15 см ниже пола входной ямы. В овальном подбое ($1,65 \times 0,40$ м) находился крупный сосуд — костехранилище с крышкой (рис. 7, 26) и специально изготовленный оссуарий (рис. 6, 1).

Курган 57. Дал кенатаф. В северо-западном секторе на дневной поверхности оставлен круговой сосуд, не поддающийся восстановлению. Внутри кругового горшка находился археологически целый сероглиняный лепной горшочек с уплощенным дном (рис. 7, 6). С северной стороны обнаружено бронзовое зеркало с выступом (рис. 2, 28) и предмет, похожий на истлевший бараний желудок (диаметр—30 см).

Курган 58. Дал подбойное захоронение. Входная яма, ориентированная СВ—ЮЗ, имеет размеры $3,40 \times 1,10$ м. Пол трапецевидного в плане подбоя на 15 см ниже пола входной ямы ($2,35 \times 0,70$ м). Верх подбоя обвалился. Проход был закрыт кирпичами, облицованными тонкими плитами. Покойник оставлен на камышовой подстилке на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,55 м. За головой, на боку, лежал небольшой кувшин.

Курган 59. Дал небольшую и неглубокую яму—«очаг», вытянутую СЗ—ЮВ ($1,25 \times 0,70 \times 0,20—0,25$ м). Яма заполнена углями и золой. В 10 см от северо-западного края на поверхности найдены бронзовое зеркало с лежащими на нем железными ножницами, несколько бусин, пряслице и бронзовый перстень.

Курган 60. Дал подбойное погребение. Входная яма ориентирована ВЗ ($3,70 \times 1,40 \times 1,10$ м; по полу— $3 \times 1,10$ м). Трапецевидный в плане подбой, вырубленный в северной стене, на 20 см ниже пола входной ямы (длина—2,95 м, ширина—0,55 м). Вход подбоя был закрыт сырцовыми кирпичами, снаружи облицованными тонкими каменными (наскальными) плитами. Покойник оставлен в вытянутом положении головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Длина костяка—1,65 м. Кости и череп плохой сохранности. За головой находился круговой горшок с четырьмя желобчатыми ручками. Внутри его положен лепной сероглиняный горшочек с ручкой — кружка. У бедренной кости, справа, найден железный нож.

Курган 61. При расчистке насыпи ничего не обнаружено, кроме мелких обломков керамики и кремня. Видимо, это кенатаф. Оставленные на поверхности сосуд и кремневое кресало разрушились в результате воздействия атмосферных осадков.

Курган 62. Кенатаф. В щебнисто-задернованной насыпи найдены жалкие обломки кругового горшка.

Курган 63. Дал в центре пятна яму, ориентированную СВ—ЮЗ ($3,50 \times 1,20 \times 1,05$ м, по дну— $2,30 \times 0,65$ м). У СЗ стены вырублен подбой, пол которого на 15 см ниже пола входной ямы. Высота прохода—30 см. В юго-восточной и северо-восточной частях погребальной камеры подбоя вырубле-

ны ниши. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Длина костяка—1,70 м. Кость правой голени и сосуд с одной ручкой (рис. 7, 18) обнаружены в центре на 20 см выше пола входной ямы. Под тазовыми костями (между бедренными) найдены оселок из серого песчаника (рис. 2, 16), железный стержень, шило и кусок серы¹, у правой руки покойника найден железный нож.

Курган 64. Дал кенатаф. В центре насыпи, на поверхности оставлен сосудик с одной петельчатой ручкой. Венчик был раздавлен и закрыт каменными плитами.

Курган 65. Содержал подбойное захоронение. Входная яма, ориентированная почти ВЗ, имеет размеры—2,60×1,15—1,55×1 м; по полу—2,15×0,75 м. Погребальная камера (подбой), вырубленная в северной стене, прямоугольной конструкции; пол подбоя на 20 см ниже пола входной ямы. Размеры подбоя—2,25×0,50×0,30 м, ход был закрыт сырцовыми кирпичами. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на восток. Череп лежит на правой скуле. Длина костяка—1,70 м. За головой, у юго-восточного угла подбоя, вырублена неглубокая ниша длиной 15 см, глубиной 20 см, в которую помещен горшок с двумя ручками, закрытый тоненькими плитами. Рядом с горшком лежали кремневое кресало и сера, обломки железного предмета.

Курган 66. Дал подбойное захоронение. Яма, ориентированная СВ—ЮЗ, имеет размеры 4,15×1,30—1,80×1 м; по полу—3,40×1 м. Подбой, вырубленный в СЗ стене, на 20 см ниже пола входной ямы. Овальная в плане погребальная камера имеет размеры 2,40×0,65×0,70 м. Верх прохода и потолок подбоя обвалились. Ход был закрыт сырцовыми кирпичами, снаружи они были обшиты тонкими плитами. Покойник оставлен на камышовый подстилке в вытянутом положении головой на СВ. Костяк плохой сохранности, длина его—1,70 м. За головой стоял горшок с двумя ручками, закрытый тонкими плиточками. Внутри горшка — сероглиняный лепной сосудик с одной ручкой.

Курган 67. В центре пятна дал яму, вытянутую ВЗ (2×0,80×0,66 м; по полу длина—1,90 м, ширина ступеньки—55 см). Трапециевидный в плане подбой вырублен в северной стене, его пол на 15 см ниже пола входной ямы. Погребальная камера имеет размеры 2×0,3—0,50 м. Высота прохода—30 см. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на восток. Сохранность костяка плохая, длина его—1,45 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

¹ Это не единственный случай наличия куска серы в сопровождающем инвентаре, причем иногда вместе с серой находился и кремнь.

Курган 68¹ содержал подбойное захоронение. Ориентированная ВЗ яма имеет размеры $3,10 \times 1,30 \times 1,45$ м; по дну— $2,60 \times 0,83$ м. Трапецевидная погребальная камера вырублена в северной стене. Пол ее на 4—5 см ниже пола входной ямы. Длина подбоя—2,45 м, ширина—65 см, высота—43 см. Проход высотой 40 см был закрыт наклонно поставленными плитами. Покойник оставлен на камышовой подстилке на спине в вытянутом положении головой на восток. Ноги в голенных костях скрещены. Костяк плохой сохранности, его длина—1,65 м. За головой, у восточной стены подбоя, стоял круговой горшок.

Курган 69. Дал подбойное захоронение. Входная яма вытянута ВЗ и имеет размеры $3 \times 1,15 \times 1$ м; по полу— $2,45 \times 0,90$ м. Подбой вырублен в северной стене, его пол на 10 см ниже пола входной ямы. Верх подбоя (потолок) обвалился. Трапецевидная в плане погребальная камера (длина—2,40 м, ширина—50 см). Ход был закрыт сырцовым кирпичом. Покойник оставлен на камышовой подстилке на спине в вытянутом положении, головой на восток. Костяк плохой сохранности, длина его—1,65 м. За головой, у восточной стены подбоя, находился круговой горшок с двумя ручками и двумя «шишками» и сероглиняный лепной сосудик с одной ручкой. В сопровождающий инвентарь входили: железный нож; железное шило с деревянной ручкой (рис. 2, 19); бронзовая пластина, свернутая пополам, от деревянного (реставрированного) сосуда; точильный камень—оселок (рис. 2, 18); сера и кремневое кресало.

Курган 70. Дал небольшую и неглубокую яму, вытянутую СВ—ЮЗ ($0,90 \times 0,55 \times 0,55$ м). В центре, на дне ямы, найден горшкообразный станковый сосуд среднего размера. Вокруг сосуда и под ним — щебнистая земля и бессистемно разбросанные кости покойника.

Курган 71. Кенатаф. В центре, под насыпью на поверхности находился круговой сосуд, разрушенный в результате воздействия атмосферных осадков; бронзовый перстень с круглым навершием, имеющим с одной стороны выступ—выраженное плечико; стержень овальный в сечении, серьга из бронзовой проволоки. Обломок бронзового предмета, возможно, подвеска, бронзовые нашивные украшения и несколько бусин разной формы.

Курган 72. Дал кенатаф. В насыпи найдены обломки круговых сосудов. Признаков погребения не обнаружено.

Курган 73. Содержал подбойное захоронение. Входная яма, вытянутая ВЗ, имеет размеры $3,70 \times 1,70 \times 1,15$ м;

¹ Эта насыпь самая северная в нижней подгруппе; через нее проходит дорога.

по полу— $2,90 \times 1$ м. У северной стены выходной ямы вырублен подбой, трапецевидный в плане, размером $2,50 \times 0,55$ м; высота прохода—30 см, высота потолка—35 см. Вход был закрыт сырцовым кирпичом. Покойник лежал на спине. Позвонки искривлены, лопатки найдены ближе к тазовой кости, череп — около средней части позвоночника. Ребра и плечевые кости сдвинуты выше. Все это говорит об ограблении кургана. У ВЮВ конца подбоя, являясь как бы его продолжением, вырублена щель шириной 28 см, глубиной 14 см. Сопровождающий инвентарь отсутствует, за исключением жалких остатков железного предмета.

Курган 74. Дал яму, вытянутую ВЗ, размером $2,10 \times 0,90 \times 0,60$ м. В СВ углу, на дне имеется углубление округло-овальное в плане— $30 \times 45 \times 25$ см, в котором ничего не оказалось. На дне ямы вдоль северной стены оставлены два оссуария ящичного типа. У верхнего края оссуариев—бортики-плечики с отверстиями для закрепления крышек. Аналогичный выступ и отверстия имеются и в нижней части крышек. Держалки крышек обломались, сохранившаяся часть с четко выраженными сложенными крыльями и хвостом и царапины в виде лапки птицы у основания держалки (одного из оссуариев), дают основание предполагать здесь фигурку птицы (рис. 6, 2). Рядом с оссуариями в средней части ямы стоял горшок с двумя ручками.

Курган 75. Дал подбойное захоронение. Яма, ориентированная ВЗ, имеет размеры $3,20 \times 1,15 \times 0,80$ м. Трапецевидный в плане подбой вырублен в северной стене ($2 \times 0,50$ м). Пол подбоя на 10 см ниже пола входной ямы. Верх подбоя и проход с кирпичами обвалился вовнутрь. На дне подбоя оставлен покойник в вытянутом положении на спине, головой на восток. Длина костяка—1,55 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Курган 76. Содержал подбойное захоронение. Яма, вытянутая ВЗ, имеет размеры $3,50 \times 1,50 \times 1,10$ м. У северной ее стены вырублен подбой, овальный в плане, размерами $2,35 \times 0,50$ м. Проход высотой 35 см был закрыт сырцовыми кирпичами. Пол подбоя на 15 см ниже пола входной ямы. Покойник оставлен на спине в вытянутом положении, головой на восток. Сохранность костяка плохая, длина его—1,50 м. С левой стороны черепа, чуть выше плеча, лежал железный нож. Ниже ноги, у западной стены подбоя, оставлен круговой горшок с двумя петельчатыми ручками.

Курган 77. Кенатаф. В насыпи были замечены разрозненные фрагменты кругового сосуда кремового цвета. Расчистка насыпи ничего не дала.

Курган 78. Кенатаф. При расчистке насыпи ничего не обнаружено.

Курган 79. Кенатаф. В насыпи были найдены разрозненные крошки кругового сосуда кремового цвета и кремьны. Признаков погребения не выявлено.

Курган 80. В центре, под насыпью, выявлена небольшая и неглубокая яма, ориентированная почти СЮ ($1,70 \times 0,85 \times 0,50$ м). В СЗ углу ямы находился сероглиняный лепной горшок с ручкой-держалкой, напоминающей по очертанию птичку, с кольцевыми налечами (рис. 7, 14). Сосуд был помещен в кожаный мешок. Рядом находился круговой красноглиняный кувшин с овальной в сечении ручкой. На противоположном от ручки плечике имеются небольшие шишечки (рис. 7, 6). У южной стены на полу стоял круговой горшок с двумя желобчатыми ручками. Поверхность ангобирована красной краской и вертикально залощена. В верхней части тулова нанесен волнистый прочерченный орнамент. В восточной стене найден железный нож со следами деревянной ручки, рядом—железный предмет (не поддающийся определению из-за сильной коррозии), сера и бронзовая серьга. Все предметы завернуты в кожаный лоскут. В средней части ямы лежал железный предмет и небольшая кость овцы.

Курган 81. Дал подбойное захоронение. Яма вытянута ВЗ $3,50 \times 1,60 \times 1$ м; по полу— $2,90 \times 1$ м. У северной стены вырублен подбой, пол которого на 20 см ниже пола входной ямы. Размеры погребальной камеры— $2,40 \times 0,50$ м, пол неровный. У конца восточной стены, как бы продолжая подбой, вырублена ниша, овальная в плане (ширина—60 см, глубина (длина)—40 см). Ход подбоя был закрыт 7,5 сырцовыми кирпичами. Покойник оставлен на камышовой подстилке на спине в вытянутом положении, головой на восток. Шейные и спинные позвонки изогнуты. Череп лежит на правой скуле. В нише находился горшок с двумя желобчатыми ручками, внутри которого помещен деревянный сосудик с фигурной ручкой (рис. 7, 16).

Особое место в сопровождающем инвентаре курганов Шасенем I занимает керамика, которую, судя по технологии изготовления, можно разделить на три группы—гончарную, ремесленную (с ручной выработкой) и кухонную, вылепленную от руки домашним способом.

Керамика, изготовленная на гончарном круге, имеет тесто хорошей отмучки, без примесей или с примесью измельченного гипса и небольшого количества песка. Редкое исключение составляет керамика, имеющая примеси крупных вкраплений извести или кварца. Выработка довольно тщательная, обжиг качественный и ровный. Черепок в изломе краснова-

тый, красновато-коричневый или кремовый, обжиг равномерный, хороший. Эта керамика составляет большую часть комплекса и включает горшки, миски и кувшины.

Наиболее распространены горшки разных размеров, в большинстве случаев характеризующиеся наличием округлого или шаровидного тулова, широкого плоского дна, хорошо выраженного удлиненного и широкого горла с прямым или слегка отогнутым наружу простым скругленным или профилированным (имеющим два-три рифления) венчиком, от одной до четырех желобчатых ручек. Некоторые горшки вместо ручек имеют два или четыре налепа, имитирующих ручки, в виде плоских дужек или конусообразных «шишек». Иногда ручки и имитирующие «шишки» сочетаются в одном сосуде. Встречаются горшки и без них. Некоторые горшки в месте перехода от горла к плечикам имеют валик или бороздки. Некоторые сосуды залощены вертикальными полосами (рис. 6, 4—7, 9—18; 7, 1—5). В одном случае горшок, использованный под костехранилище (в кургане 21), в изломе имеет тесто кирпично-красного цвета с примесью грубо-размельченного кварца. По плечикам сделаны четыре налепа в форме пуговицы со сквозным отверстием в центре. По плечикам и тулову сосуда идут три горизонтальные линии. Сосуд был закрыт сероглиняной лепной крышкой дисковидной формы с держалкой посередине и отверстиями с боковых сторон (рис. 6; 7). Четырмя экземплярами представлены горшки с шаровидным туловом, коротко посаженным прямо на плечики горлом, срезанным или закругленным краем устья, плоским дном. На плечиках — отверстия, иногда оформленные дисковидным налетом, прочерченным горизонтальным или волнистым орнаментом (рис. 7, 11—12). Эти горшки по форме и фактуре находят параллели в материалах Хорезма Кушанского комплекса [2, с. 168, рис. 35, 20, 21, 28, 31].

В одном экземпляре представлена глубокая чаша со слегка загнутым вовнутрь краем, на невысоком дисковидном поддоне, покрытая с обеих сторон красно-коричневым ангобом¹ (рис. 7, 8). Миски представлены также одним экземпляром (рис. 7, 10). Тесто в изломе кремоватого цвета. Эти сосуды по форме и фактуре аналогичны материалам кушанских комплексов Хорезма [2, с. 155; рис. 34, 10].

Из семи представленных кувшинов четыре приземистые, с широким и плоским дном (рис. 7, 6—7, 13^a). Венчики их подтреугольные в сечении, профилированные с наружного края. Три маленьких кувшинчика (рис. 7, 9, 13) имеют слегка отогнутые венчики, расширяющееся кверху горло, округлое

¹ Аналогичная по форме и фактуре чаша была найдена в этом могильнике в 1978 г. в кургане 7 [10, с. 135, рис. 1,4].

или раздутое тулово. Дно небольшое, плоское, в одном случае приближающееся к дисковидной форме. Один сосуд (из семи) не имеет ручек (рис. 7, 13^a), остальные—одноручные. Пластинчатые, круглые или овальные в сечении ручки прикреплены верхним концом к венчику, горлу или плечикам. Горло или плечики опоясаны невысоким валиком или бороздками, в двух случаях горло и плечики оформлены прочерченным орнаментом из параллельных поясков, зигзагов, в сочетании (в одном случае) с небольшими налестками в виде шишек (рис. 7, 6). Нижняя часть маленького кувшинчика (рис. 7, 9) вертикально подстругана ножом. Кувшины изготовлены с высоким мастерством, тесто и обжиг сосудов хорошего качества. Поверхность покрыта красноватым, красновато-коричневым или темно-красным ангобом, иногда залощена сплошным вертикальным лощением.

Ремесленная посуда ручной выработки представлена крупными горшками, горшковидными хумчами с чашевидной крышкой (рис. 7, 26—29). Их формы — округлые или шаровидные, дно плоское, горло короткое, посаженное на плечики, с прямым простым краем. Во всех представленных сосудах в верхней части тулова — четыре отверстия, оформленные дисковидными налестками. Плечики двух сосудов (из четырех) украшены прочерченным волнистым и линейным орнаментом. Один сосуд по тулову оформлен прочерченным орнаментом в виде сетки (рис. 6; 7, 29). Судя по сквозным отверстиям, оформленным дисковидными налестками, эти сосуды — оссуарии. Они аналогичны в ранних и поздних комплексах I—V вв. н. э. [3, с. 75, рис. 39, 9, 21, 22; с. 81—83, рис. 42, 12, 14, 28; 8, с. 27—28, 34—35, 47—48, 52, 57; рис. 9, 1—3; 13, 4; 14, 5—8; 23, 4—5; 26, 18—19].

В большом количестве представлены кухонные сосуды, вылепленные от руки, домашнего изготовления. В их тесте в большом количестве содержатся отощающие примеси кварца, песка иногда шамота. Обжиг костровый. Орнаментированные сосуды составляют около 14% от этой группы керамики. Венчики их вертикально поставлены или отогнуты наружу, тулово сферическое или конусовидное, дно в большинстве случаев плоское, в одном случае сосуд круглодонный (рис. 7, 19). Горшки средних размеров представлены в трех экземплярах; два из них имеют две или четыре «ручки» в виде кольцеобразных или рожкообразных налесток (рис. 7, 14—15). Один из них имеет неустойчивое, почти круглое дно (рис. 7, 17). Диаметр венчика—16—20 см, диаметр дна—11—14,5 см, высота—15—18,5 см. Небольшие горшочки (12 экз.) с округлой или подпрямоугольной в сечении ручкой. Орнаментация имеется в двух случаях и представляет собой прочерченные

зигзагообразные линии (рис. 7, 21). Единственным экземпляром представлен кувшин с одной ручкой, округлым краем венчика, эллипсовидным туловом и плоским дном (рис. 7, 18). Верхняя часть ручки оформлена в виде головки животного. Диаметр венчика—10 см, диаметр дна—10 см, высота—20 см.

Оссуарии-костехранилища выявлены в семи курганах. В трех случаях, в центре под насыпью выкопана небольшая и неглубокая яма, в которой оставлен крупный сосуд (рис. 6; 8, 29). В трех случаях в небольшой неглубокой яме оставлены как специально изготовленные оссуарии, так и сосуды, использованные в качестве оссуариев (рис. 1, 6). В одном случае в подбое оставлены один крупный сосуд (рис. 7, 26) и оссуарий (рис. 7, 1). Остановимся на специально изготовленных оссуариях (12 экз.), так как бытовые сосуды, использованные под костехранилища, включены в состав вышеописанной керамики.

Можно выделить два типа оссуариев: округло-овальные (I), подпрямоугольные ящики, со слегка выпуклыми стенками, и с округленными углами (II). Девять из них имеют куполообразные съемные кружки и плоское дно; два — высокие четырехскатные оссуарии, уплощенные сверху на четырех цилиндрических ножках. Верх куполовидных крышек украшен скульптурно-выполненными ручками-держалками, в одном случае — парными фигурками коней, развернутых в противоположные стороны, в другом — аналогичными фигурками верблюдов (?), в третьем — фигурки верблюда обращены в одну сторону (рис. 6, 3). Еще в двух случаях мы имеем изображения птицы (рис. 6, 2) и в одном — нескульптурную держалку, раздвоенную в виде рогов (рис. 6, 1). Закругленные углы некоторых оссуариев оформлены вертикальными налепными жгутами с поперечными насечками, а крышки украшены точечным орнаментом, напоминающим следы жука. Четырехскатные оссуарии имеют высокие крышки в виде двухступенчатой усеченной пирамиды, составленной из отдельных частей (рис. 1 А—Б). Места соединения украшены налепными валиками с поперечными насечками. Такие же валики проходят по нижнему краю крышки, места соединения налепных полос (в углах) дополнительно украшены невысокими столбиками с изображением креста. В боковой (торцовой) стенке оссуария имеется небольшое отверстие—дверца квадратной формы — вырезанное по сырой глине. Для крепления дверцы в стенках оссуария и крышке были проделаны специальные отверстия. Аналогичные оссуарии, названные Ю. А. Рапопортом «шатровыми», из некрополя Куба-Тау, датированы VI в. н. э. [9, с. 100]. В. Н. Ягодни

аналогичные оссуарии (из некрополя Миздахкана) датирует V—VI вв. н. э. [12, с. 114].

Наряду с керамическими материалами в сопровождающем инвентаре могильника Шасенемгыр I представлены также и деревянные сосуды. В большинстве случаев (курганы 25, 36, 44, 45, 69) они основательно разрушены, сохранились лишь жалкие фрагменты внутри бронзовых листков, использованных для ремонта сосудов. В одном случае (курган 81) сосудик (кружка) сохранился и имеет зооморфную ручку в виде фигурки какого-то животного (рис. 7, 16). Что же касается определения хронологии, то они не противоречат датировке, предложенной в результате изучения других материалов.

Железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы из кургана 39 с тупоугольным основанием пера, то есть ромбической головкой (рис. 2, 20), аналогичен наконечникам из могильника Акчий-Карасу в Кетмень-Тюбинской долине, датированным И. Кожомбердиевым II—IV вв. н. э. [5, с. 119, 121, рис. 6, 1—5] и отнесенным Б. А. Литвинским к четвертому типу среднеазиатских железных наконечников, датированным IV—V вв. н. э. [6, с. 84, рис 7, 26—30].

Восемью экземплярами представлены круглые бронзовые зеркала с полукруглыми или плоскими в сечении валиками по краю диска (рис. 2, 26—29, 31, 35). У некоторых из них сохранились небольшие боковые черешки для насадки ручки. Самое крупное зеркало имеет коническую выпуклость в центре, вокруг которой радиально расположены концентрические круги (рис. 2, 29). Аналогичные бронзовые зеркала найдены во многих памятниках Средней Азии и за ее пределами — как на крупных, так и в погребениях первой половины первого тысячелетия н. э. [4, 146—147; 7, с. 73—125; 11, с. 120].

В большом количестве представлены железные ножи (рис. 2, 1—6, 10, 23, 25, 34), на некоторых из них сохранились следы деревянных ручек, железные стержни-шила (рис. 2, 19, 24), бронзовые и железные пряжки с выдвижными язычками (рис. 2, 7—8) и без них, каменные и глиняные пряслица (рис. 2, 15, 30, 33, 36), бронзовая ложка¹, слабо вогнутая, с длинной ручкой, к концу округленная, плоская (рис. 2, 32), бронзовый крючок (рис. 2, 14), железные ножницы, печать из сырой глины плохой сохранности (рис. 2, 37; 4, 35).

Большой интерес представляет ассортимент широко представленных в сопровождающем инвентаре украшений

¹ Аналогичная ложка найдена в Миздахкане, погребение Б-а-1-1, датированное III в. н. э. [12, с. 122, рис. 51, 6], и в городище Топрак-кала, в раскопе 1—56, на уровне пола 8 [3, с. 109—110, рис. 53, 1].

(бронзовые и железные браслеты, перстни, серьги, подвески, нашивные бронзовые украшения и бусы) и другие предметы, дополняющие наши представления о материальной культуре древних насельников этого района.

Серьги из кургана 17 состоят из нескольких частей. Верхняя часть имеет вид четырехгранной усеченной пирамидки. На каждой грани подтреугольный сердцевидный вырез, в который вставлена сердоликовая пластинка с подложенным под нее тонким листиком золотой фольги. Две грани над сердечком, под другой (полумесяцем), заполнены сердоликовыми вставками, между ними—овальное углубление (глазок), в который вставлен неопределенный камень. Два верхних конца серьги с вырезом по обе стороны, с подложенным тонким листиком золота, обтянуты золотой же ленточкой, на которой через равные расстояния напаяны три золотых маленьких шарика. Выше, на концах пирамидки, напаяно по паре петелек, одна пара использована для закрепления в ней конца дужки. Закрепление произведено тонким медным стержнем, пропущенным через петли и отверстие в конце дужки; концы стержня закреплены надетыми на них маленькими круглыми жемчужинами. Дужка высокая медная. Сводный конец ее закрепляется в другой паре петелек; закрепление, видимо, производилось проволочкой или ниткой, пропущенной через отверстие в конце дужки и через пару петелек. Между сердечками — парные или одинарные золотые круглые «зерна». В нижних частях сердечек — маленькие треугольные выемки, в которые вставлена бирюза. Средняя часть серьги состоит из пяти делений подтреугольника с золотым ободком у основания пластины, заполненной сердоликовой вставкой. Ниже располагаются (четыре по две) круглые, слегка утолщенные, некрупные жемчужины. Ниже — два кольца-диска (каменные). Нижний конец состоит из трех крупных жемчужин, на которые надето по три небольших шарика, между которыми вставлена одна круглая жемчужина. В центре (основании) серьги пропущен бронзовый стержень с выступающей коррозией, внутренняя его полость также заполнена черным смолистым веществом (рис. 5). Аналогичные по форме бронзовые серьги найдены в 1978 г. в этом же могильнике (курган 7). Близкие по форме и технике серьги найдены в Миздахкане в погребении Б-а-1-1, датированные на основании другого сопровождающего инвентаря III в. н. э. [12, с. 121—122, цветная вкладка 2, 1—2].

Из семи имеющихся браслетов (в том числе трех железных) заслуживают внимания четыре бронзовых изделия. Три из них имеют несомкнутые, слегка утолщенные (рис. 4, 2) или уплощенные концы. Третий браслет завершается с обеих

сторон головками животного, видимо, зайца (рис. 3, 1). Четвертый дополнен округло-овальным обрамлением, припаянным к сходящимся расплюснутым концам браслета. В обрамление вставлен халцедон, на котором гравировкой изображены два воина — один из них в полулежащем положении, второй в напряженной позе защищающегося или нападающего, с поднятым щитом (рис. 4, 1).

В большом разнообразии представлены перстни — более 10 экземпляров — бронзовые и серебряные; проволочные круглые или пластинчатые в сечении с круглыми, овальными или ромбовидными щитками с сердоликовыми или другими полудрагоценными каменными или стеклянными вставками. На некоторых из них основные вставки дополняются боковыми — «сердечками» из того же материала (рис. 3, 2, 23; 4, 3—6, 8—11, 14, 21).

В большом количестве представлены бусы и подвески, отличающиеся разнообразием форм (каплевидные, шаровидные, многогранные, квадратные и др.) и материала (рис. 3, 11—12, 14—19, 21—22; 4, 37—41, 44—49). Плоские округлые бусины из окварцованной породы с врезанным и заполненным разноцветной пастой орнаментом, с изображением человеческого лица (5 экз.) происходят в основном из одного кургана 35 (рис. 4, 12). Аналогичная бусина найдена еще и в кургане 15 (1 экз. — рис. 3, 13), а также в ранее обследованном и опубликованном кургане 8 этого же могильника [11, с. 135—136, рис. 2, 17]. Одна бусина с изображением солнечного диска найдена в кургане 15 (рис. 3, 20). В числе украшений можно отметить две интересные подвески — судя по просверленным в них отверстиям, изготовленные из перламутровых раковин молочного цвета, состоящих из параллельных тончайших пластинок арагонита. Одна из них сделана в виде женской фигурки (?) с конусовидными отростками-руками, округлым туловом и округлым торцом (рис. 3, 9), другая — в виде миниатюрного штампа в разрезе (рис. 3, 10). Фигурки имеют ритуальное назначение. Бронзовые нашивные украшения со специальными ушками для прикрепления к одежде представлены из нескольких курганов (рис. 3, 8).

Шесть бронзовых сережек, оригинальных по форме и способам изготовления, обнаруженные в трех курганах, почти не отличаются по внешнему виду (рис. 3, 6—7; 4, 25—28).

В целом богатая коллекция украшений из курганов Шасенем I заслуживает специального изучения. Ограничиваясь предварительной характеристикой этой коллекции, можно лишь отметить, что время функционирования согласуется с предложенной датировкой (III—V вв. н. э.) в результате исследования других материалов из этого же могильника.

Как явствует из вышеописанного, обследованные курганы Шасенемгыра по конструкции камеры, сопровождающему инвентарю и ритуалу захоронения аналогичны частично обследованным ранее курганам из этого же могильника, предварительно датированным III—V вв. н. э. [10]. Систематическое исследование могильника в последние годы, в процессе которого не обнаружено как в типах керамики афригидских материалов VI—VIII вв. н. э., так и чего-либо похожего на материалы более ранних комплексов могильников Тузгыр или Тумеккичижик, подтверждает предложенную датировку.

Судя по разнообразию погребальных обрядов и оформлению могильных ям — при преобладании простого трупоположения имеются и оссуарные захоронения (7 из 70) и, в одном случае, скорченное погребение — можно предположить здесь существование различных религиозных верований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении. — В кн.: Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХЭ, т. 11. М.: Наука, 1979.
2. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — В кн.: Керамика Хорезма. Тр. ХЭ, т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. Городище Топрак-кала. — Тр. ХАЭЭ, т. 12. М.: Наука, 1981.
4. Кой-крыглан-кала. — Тр. ХЭ, т. 5. М.: Наука, 1967.
5. Кожомбердыев И. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. — Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук, 1960, т. 12, вып. 3.
6. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, 1965, № 2.
7. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
8. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М.: Наука, 1976.
9. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971.
10. Юсупов Х. Курганы Шасенемгыра. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
11. Юсупов Х. Находки на Шасенеме. — Памятники Туркменистана, 1979, № 2(28).
12. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970.

В. Ю. Вдовин

ХУМЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА ПАРФИЯНСКОГО И САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ (ПАРФИЕНЫ И АПАВАРКТИКЕНЫ)

Памятники подгорной полосы Копетдага парфянского и сасанидского времени при раскопках содержат в слоях значительное количество керамики, благодаря которой почти

всегда определяется культурная и хронологическая принадлежность исследуемого объекта. Особенно часто среди изделий из глины встречаются хумы—сосуды, предназначенные для хранения сельскохозяйственных продуктов и воды. Это—толстостенные крупные широкогорлые сосуды вытянутых пропорций, высотой не менее 60 см¹. Существование керамической тары известно на территории Южного Туркменистана с древнейших времен [2, с. 42].

В настоящее время имеется ряд работ, посвященных описанию и анализу данной формы. Особого внимания заслуживает работа В. М. Массона «Хумы Нисы», в которой помимо сосудов из Нисы использованы материалы и других памятников различных эпох Южного Туркменистана, представленные в большинстве случаев фрагментами. На основании этих материалов исследователем была предложена типология хумов Нисы, а также сделана попытка проследить преемственность в развитии форм [8, с. 413—414]. В работе Л. М. Рутковской, посвященной классификации керамики древнего Мерва, отмечено, что во II—III вв. н. э. на территории Маргнаны существовало шесть типов хумов, тогда как в более раннее время сосуды этой формы представлены одним типом [19, с. 86—87].

Материал статьи Н. И. Крашенинниковой «Отвал битой тары середины I в. до н. э. винохранилищ Старой Нисы» свидетельствует о том, что в этот период некоторые хумы украшались налепными декоративными полосами, насечками и гофрированием придонной части тулова [6, с. 93—97].

Работа В. Н. Пилипко «Оттиски печатей на парфянских хумах» дополняет наши представления об орнаментации данной формы сосудов [15, с. 14]. В его же работе, посвященной итогам исследования парфянского поселения Гарры-Кяриз, в разделе «Керамика» при описании хумов отмечен ряд особенностей этих сосудов, ранее неизвестных науке [17, с. 82—83].

В настоящее время уже накоплен значительный материал, позволяющий проанализировать его и сделать обобщающие выводы. Задачи данной работы: выявление конкретных типов хумов, существовавших в подгорной полосе Копетдага (Ашхабадская область) в античное и раннесредневековое время, установление периодов существования каждого из них, а также преемственность в развитии отдельных форм. Основное внимание в настоящей работе уделяется только целым сосудам, так как по отдельным фрагментам трудно выявить

¹ Отметка в 60 см — условная, но не случайная, поскольку большинство исследователей, изучавших комплексы керамики различных зон Южного Туркменистана выделяют из общей массы сосудов хумы (преимущественно горшковидные сосуды), высота которых обычно более 60 см.

совокупность признаков, которые характеризовали бы конкретный тип хумов. В работе использован фрагментарный материал, а также опубликованный и не опубликованный. Последний представлен В. Н. Пилипко, Х. Юсуповым, А. Губаевым и С. Д. Логиновым и находится в хранилищах Отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР, Исторического музея ТССР и в кабинете археологии ТГУ.

Хумы парфянского времени изготовлены из хорошо промешанного теста, без добавления отошающих примесей и хорошо обожжены. Черепок в изломе почти всегда имеет красный цвет. Они формовались тремя различными способами: ручной лепкой, круговой, комбинированной техникой изготовления (одни части сосуда изготавливались от руки, другие — на круге). Однако следует отметить, что при изготовлении во всех трех случаях первоначально формовались кольца-блоки, складывавшиеся впоследствии в один сосуд. Количество таких колец-блоков — 5—7¹. В настоящее время мы не имеем возможности выделить виды техники изготовления, характерной для конкретных типов хумов.

Хумы, существовавшие в позднепарфянский и сасанидский периоды по технико-фактурным свойствам хорошо классифицируются. Поэтому при описании отдельных типов этого времени будет упоминаться фактура теста и техника изготовления, хотя имеются сосуды, принадлежащие к одному типу, но изготовленные из разного по качеству теста и разной техникой.

Исходя из имеющихся данных можно выделить восемь типов хумов, существовавших в подгорной полосе Копетдага (II в. до н. э. — VIII в. н. э.).

Тип I характеризуется плоским дном и яйцевидным туловом, наибольший диаметр расположен обычно выше половины высоты. Данный тип хумов делится на 2 подтипа (здесь и далее см. табл.).

Подтип 1 имеет преимущественно форму, несколько близкую к бокалу. Венчик выделен неярко и без образования шейки переходит в покатые плечики. Наиболее широкая часть тулова располагается выше середины высоты сосуда. В нижней части тулово плавно сужается и заканчивается плоским дном, диаметр которого в два раза меньше, чем у венчика. Хумы данного подтипа отличаются более крупными размерами. Для первоначальной стадии существования этих сосудов характерна более приземистая форма тулова, тогда

¹ Подсчитать количество колец-блоков удалось у хумов Чакан-депе (раскопки В. Н. Пилипко), материал которого в настоящее время не опубликован.

Классификация хумов позднепарфянского и сасанидского периодов

Тип	Целые формы	Диаметр венчика (Дв), см	Наибольший диаметр тулова (НДТ), см	Диаметр дна (Дд), см	Высота (Н), см	$\frac{Дв}{НДТ}$, ср.	$\frac{Н}{НДТ}$, ср.	$\frac{Дд}{НДТ}$, ср.	$\frac{Дд}{Дв}$, ср.	Форма дна	Расположение НДТ на Н, ср.
I	7	36—45—60	60—69,5—80	19—23—32	95—120—150	0,61	1,5	0,357	0,51	п.	0,69
II	11	28—37—52	62—68—82	21—24—31	90—100—120	0,544	1,472	0,352	0,64	п.	0,67
III	5	36—38—40	61—64—67	20—22—24	107—110—116	0,593	1,74	0,352	0,58	п.	0,51
IV	1	26	55	27	92	0,572	1,67	0,59	1,03	п.	0,49
V	14	28—60—80	32—74—94	20—50—64	70—116—150	0,75	1,568	0,675	0,85	—	0,77
VI	6	26—34—40	52—64—80	31—44—60	78—100—134	0,531	1,54	0,703	1,3	выпуклое	0,66
VII	4	26—40—60	45—61—88	25—34—45	65—96—134	0,655	1,57	0,62	0,89	п.	0,70
VIII	1	50	60	53	85	0,833	1,41	0,883	1,06	выпуклое	0,56
IX	4	32—35—47	54—63—70	8—17—20	80—92—105	0,571	1,49	0,257	0,4	ножка	0,77

Примечание: Средняя величина, если представлялась возможность, давалась не по средней арифметической, а по наиболее часто встречающейся. — данный тип хума имеет выпуклое дно у отдельных экземпляров; п—плоское дно.

как позднее они приобретают более вытянутые пропорции (рис. 1, 1А, 1, 2, 3).

Данный подтип зафиксирован практически на всех исследованных памятниках парфянского времени Ахала и Атека, известных нам по сведениям античных авторов как территория Парфиены и Апарарктикены [11, с. 23—24]. Встре-

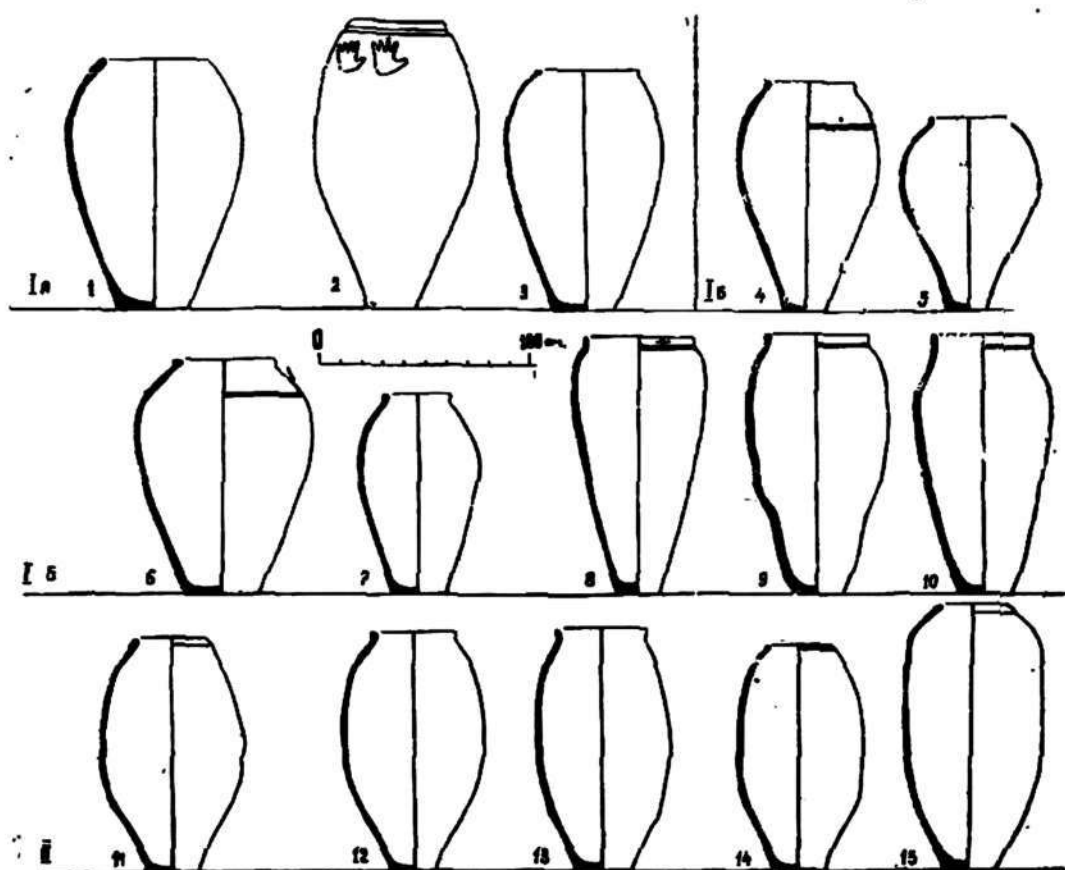

Рис. 1. Хумы парфянского времени.

чены они и на поселении Гарры-Кяриз в слоях II в. до н. э.—I в. н. э. [17, рис. 30, 4, 6, 8, 9], на памятнике среднепарфянского времени Коша-депе¹. Подобные хумы обнаружены и при раскопках Старой и Новой Нисы. Как считает В. М. Массон, они бытуют на протяжении всего парфянского периода [8, с. 419].

Подтип 2 напоминает горшковидный сосуд с широкой верхней частью. Венчик или в виде валика, несколько отогнутого наружу, или в виде вертикально вытянутой стенки, скругленной в верхней части, что создает впечатление заро-

¹ Материал Коша-депе, раскопки которого осуществлял В. Н. Пилипко, в настоящее время не опубликован.

ждающейся горловины, переходящей в крутые плечики. Иногда по ним идет наклепная декоративная полоса с равномерно расположенными вмятинами. В нижней части стенки хума постепенно сужаются и заканчиваются плоским дном, имеющим диаметр меньше, чем у венчика (рис. 1, 4—10; 1Б).

Данный подтип хумов представлен в материалах поселения Гарры-Кяриз и датирован один сосуд—II в. до н. э., а два—I в. до н. э. [17, рис. 30, 8, 7]. Два хума обнаружены на поселении Коша-Хаудан, датированы I—II вв. н. э.¹ Шесть сосудов этого подтипа обнаружены при раскопках Чакан-депе, датированы на основании керамического комплекса II в. н. э.²

Тип II близок по очертаниям горшковидному сосуду. Венчик в некоторых случаях слегка отогнут наружу или поставлен вертикально, что приводило к образованию шейки (зарождение горловины), переходящей в покатые плечики. Наиболее широкая часть тулова находится на середине высоты сосудов или несколько ниже. По мере сужения книзу, у большинства хумов происходит прогиб стенок вовнутрь. Иногда он расположен почти у самого дна, иногда—на 1/3 высоты сосуда и имеет более плавные очертания. Заканчиваются хумы плоским дном (рис. 1, II). Сосуды этого типа отмечены только на двух памятниках: Гарры-Кяриз в слоях I в. до н. э.—I в. н. э. [17, рис. 30, 2] и Коша-Хаудан, датированного на основании керамического комплекса и монеты I—II вв. н. э. [16, с. 76—86]. Хронологические рамки бытования этого типа хумов ограничиваются периодом I в. до н. э.—II в. н. э.

Тип III по очертаниям напоминает горшковидный сосуд с зауженной верхней частью. Венчик почти не выделен, наиболее широкая часть находится ниже середины высоты. Низ тулова имеет округлые очертания и заканчивается плоским дном, почти равным диаметром венчику. Хум этого типа найден в слое II в. до н. э. поселения Гарры-Кяриз [17, рис. 30, 5] (рис. 2, III).

Тип IV напоминает формой бокал. Венчик имеет вид валика слегка загнутого вовнутрь или поставленного вертикально, с внешней стороны выделен либо глубокой бороздой, либо небольшим утолщением стенки. Плечики сосудов в большинстве случаев покатые. Наибольший диаметр тулова выше середины высоты сосудов. Стенки сосуда постепенно сужаются книзу, иногда незначительно прогибаются вовнутрь. Заканчиваются сосуды плоским или выпуклым дном. Основываясь

¹ Чертежи, представленные В. Н. Пилипко, не опубликованы.

² Материал Чакан-депе не опубликован. В настоящее время он находится в стадии обработки.

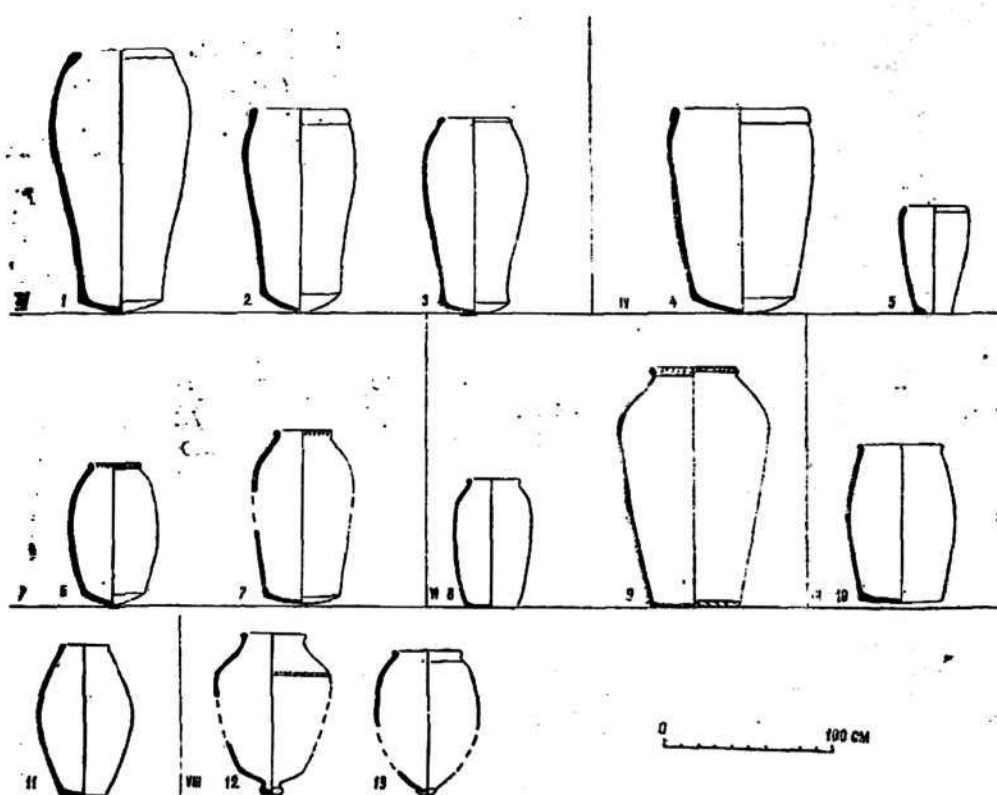

Рис. 2. Хумы сасанидского времени.

на этом признаке, можно выделить два подтипа: 1) преимущественно небольшие сосуды с плоским дном, с имеющимся иногда отверстием; 2) как мелкие, так и крупные, с выпуклым дном (рис. 2, IV). Следует отметить наличие орнаментов на некоторых сосудах этого типа: косые и прямопоставленные бахромчатые насечки (иногда встречающиеся совместно), волнистые линии, идущие вдоль и поперек по тулову. Очень редко встречаются «орнаментальные пояса» из штампов [22, р. 215; 5, с. 150—151]. Формовались данные хумы из хорошо промешанного теста и изготавливались по частям на круге. Выпуклое дно формовалось на матерчатой основе. Некоторые хумы покрывались светлым ангобом зеленоватого и сероватого тонов.

Данный тип сосудов был широко распространен в пределах Южного Туркменистана и особенно в Маргиане. Большая группа хумов получена в 1904 г. при работах на Гяур-кала американской экспедиции, руководимой Р. Пампели [22,

р. 214—216]. Значительное количество подобных сосудов зафиксировано при раскопках квартала «мукомола» в слоях II—IV вв. н. э. (1, с. 140, рис. 12, 6, 7, 9). Хум такого типа обнаружен и при шурфовке Эрк-кала в слоях VI в. н. э. [21, с. 28, рис. 10, 11]. Следует также упомянуть о бокаловидном хуме с плоским дном и арабской надписью на стенке (имя владельца?), найденного пастухами на городище Старого Кишмана [5, с. 150—151].

В рассматриваемом нами регионе данный тип сосудов обнаружен пока только на раннесредневековых памятниках Атека. В мусорной яме на античном поселении Коша-депе был найден венчик данного типа хумов, датированный монетой V в. н. э. В шурфе, заложенном на городище Хосров-кала, они встречаются в слоях VI—VII вв. [7, с. 136]. При раскопках Ак-депе в разных местах поселения были найдены 5 хумов, датированных на основании нумизматических данных позднесасанидским временем¹.

Тип V напоминает вытянутый горшковидный сосуд. Венчики данного типа хумов имеют вид валика, вертикально поставленного, либо скошенного наружу. Причем более ранние образованы простым утолщением стенки и очень часто имеют уплощенную поверхность. Часть сосудов имеет ярко выраженную шейку, переходящую в крутые плечики. Наиболее широкая часть находится на $\frac{2}{3}$ высоты хумов, несколько ниже которой стенки сосудов прогибаются вовнутрь—более резко у крупных экземпляров и почти незаметно—у мелких. Заканчиваются хумы выпуклым дном, на внешней стороне которого почти всегда имеются отпечатки грубой ткани (рис. 2, V).

Орнаментация, отмеченная на данном типе сосудов, в основном представлена ямочным орнаментом, насечками и защипами. Первым способом оформлялся только венчик, причем у более поздних сосудов он наносился в несколько рядов (хотя и у некоторых ранних хумов этого типа отмечен многорядовый ямочный орнамент). Защипы встречаются реже, ими оформлялись как венчики, так и придонная часть.

В отличие от вышеописанных типов, данные хумы формировались из теста, содержащего обильные отошчающие примеси (шамот, гипс, дресва). Изготавливались они из отдельных керамических блоков, сформованных на круге и от руки. Дно формировалось вручную, на что указывают отпечатки грубой ткани на внешней стороне. Иногда сосуды покрывались плотным светлым ангобом.

¹ В настоящее время материал Ак-депе с 1976-г. не публиковался и был представлен А. Г. Губаевым и С. Д. Логиновым (см. рис. 2, IV, 1, 2, 3).

Сосуды V типа — наиболее характерные типы хумов, встречающихся на памятниках подгорной полосы эпохи кризиса и раннего средневековья. В Ахале они обнаружены в массовом количестве на Яндаклы-депе в слоях III—IV вв. н. э. [14, с. 33]. На территории Атека данный тип сосудов зафиксирован на нескольких памятниках. При работах на Ярык-депе обнаружен небольшой хум этого типа, датированный III—IV вв. н. э. [18, рис. 5, 2]. Встречены они и при раскопках городища Хосров-кала в слоях III—IV, VI—VII вв. н. э. [7, с. 132, 136]. Также большое количество материала (опубликован частично) было любезно предоставлено А. Г. Губаевым из его раскопок на сасанидском памятнике Ак-депе [4, рис. 2, II].

Тип VI по форме напоминает горшковидный сосуд. Венчик, зафиксированный у данного типа хумов, имеет очертания валика, поставленного вертикально или несколько отогнутого наружу, который образовывал шейку, переходящую в крутые плечики (наиболее широкая часть тулова). В верхней части сосуды резко вздуты, а в нижней — стенки тулова сужаются. Заканчиваются хумы широким плоским дном (рис. 2, VI).

Большинство сосудов этого типа изготовлено из теста, хорошо отмученного и промешанного, однако для формовки некоторых экземпляров применялось тесто со значительной примесью дресвы и шамота. Орнаментировались эти сосуды таким же способом, как и типа V. Сосуды из теста с отошающими примесями лепились от руки, остальные — на круге.

Данный тип хумов отмечен в материалах только двух памятников подгорной полосы Копетдага. Два сосуда зафиксированы в слоях III—IV вв. поселения Яндаклы-депе¹; неоднократно встречались они и при раскопках Ак-депе, где датировались позднеасанидским временем [3, с. 91—93]. Таким образом, существование хумов этого типа варьирует в пределах III—IV и VI—VII вв. н. э.

Тип VII напоминает формой бочкообразный сосуд с плавно изогнутыми стенками. Венчик имеет вид валика с выделенной внешней частью и плоским верхом, очевидно, приспособленным для крышки. Наиболее широкая часть тулова — посередине высоты сосуда. Дно несколько выпуклое, диаметр его меньше, чем диаметр венчика (рис. 2, VII).

Этот сосуд обнаружен при раскопках городища Ярык-депе и датирован на основании керамического комплекса II—III вв. н. э. [18, с. 21—22, рис. 5, I].

Тип VIII напоминает амфоровидные сосуды с сильно

¹ Данные о хумах в настоящее время не опубликованы.

вздутой верхней частью (форма реконструирована). Они имеют утолщенный с внешней стороны валикообразный венчик различных очертаний, соединяющийся с туловом посредством шейки или невысокой горловины. Плечики крутые. Наибольший диаметр тулова — выше середины высоты; в нижней части тулово резко сужается. Заканчиваются сосуды невысокой амфоровидной ножкой в виде усеченного шара или дисковидной подставки (рис. 2, VIII).

По плечикам сосудов почти всегда наклеплена полоса с равномерно или неравномерно расположенными вмятинами, реже — зашипами, сделанными пальцами. В единичном случае по плечу хума процарапана волнистая линия.

Сосуды изготовлены из отдельных блоков, сформованных на круге и от руки из теста, содержащего почти всегда гипс, шамот и реже дресву. Снаружи они покрывались светлым ангобом. Обжиг в большинстве случаев некачественный.

Подобные керамические изделия встречены в подъемном материале Парыз-депе [14, с. 33]. На поселении Кодж-депе найдена на шлейфе холма амфоровидная ножка подобного хума. При раскопках Яндаклы-депе зафиксировано 3 подпадающих реконструкции сосуда данного типа [14, с. 33]¹. Распространение таких хумов на территории бывшей Парфиены было широким, поскольку подобные сосуды были встречены в подъеме безымянного поселения к юго-западу от Караул-депе и во время разведочных работ античного отряда под руководством В. Н. Пилипко в горных долинах Гермаба на памятнике раннесасанидского времени Камышлы-депе².

Исследовав целые сосуды и выделив типы, не следует упускать из виду большой фрагментарный материал, представленный стенками с орнаментом и венчиками хумов. Орнамент и форма венчиков интересны потому, что с ними обычно связаны устоявшиеся эстетические воззрения населения, хотя порой трудно определить, какие из них связаны с намеренным выбором, какие — со случайной особенностью.

Одной из самых древних форм очертаний венчиков парфянских хумов, стратиграфически отнесенных исследователями ко II в. н. э., являются «сплюснутые» валики, чаще всего образованные простым утолщением стенки, относимые нами к хумам I типа (рис. 3, I). В это же время, или несколь-

¹ Новые материалы из раскопок 1976, 1978—1979 гг. на поселении Яндаклы-депе не опубликованы.

² Разведочные работы проводились «античным» отрядом Отдела археологии Института истории АН ТССР под руководством В. Н. Пилипко при участии автора.

Рис. 3. Венчики хумов парфянского времени.

ко позднее, появляются манжетовидные, более изящные венчики (рис. 3, 2, 3, 4).

Изготовление этих типов венчиков относится к парфянской эпохе. Однако индивидуальные особенности очертания сечений позволяют не только выделить формы, но и установить их относительную хронологию. Валикообразные и манжетовидные венчики формы «б» бытуют со II в. до н. э., (возможно, даже до III) по II в. н. э., тогда как манжетовидные венчики формы «а» (рис. 3, 3) существуют до рубежа нашей эры, возможно, и по I в. н. э. Венчики данной формы характерны для хумов I (I подтип) и II типов.

Также в раннепарфянское время начинают появляться

венчики, вытянутые вверх, поставленные вертикально, образованные простым скруглением или утолщением стенки. Существуют они со II в. до н. э. II (возможно, III) в. н. э. Более поздние из них выделялись еще нарезной полосой. Подобная профилировка венчиков характерна для хумов I (II подтип) типа (рис. 1, 8, 9—10; 3, 12—14).

Среди венчиков хумов парфянского времени наибольший процент составляют выступающие наружу валики, существовавшие на протяжении всего Парфянского периода и характерные почти для всех типов хумов этого времени. С рубежа н. э. появляются валикообразные венчики неправильных очертаний с рельефно выделенными внешними и внутренними частями. Как правило, такие венчики вертикально поставлены (рис. 3, 5—7).

Наиболее интересны в общей массе венчиков вертикально поставленные, подтреугольные с клювиком и «крючковидные» в сечении профили верхних частей сосудов. Процент их ничтожно мал, не велики и хронологические рамки (I в. до н. э.—I в. н. э.) (рис. 3, 8—9).

Венчики, образованные простым скруглением стенки и несколько отогнутые наружу, отмеченные у хумов II типа, встречены пока только в слоях I в. до н. э. (рис. 3, 10).

С I в. до н. э. появляются венчики, образованные простым скруглением продолжающейся стенки, отделяемые в большинстве случаев от тулова сосуда нарезной полосой. Существование их прослежено до I в. н. э. (рис. 1, 14; 3, 11—12).

Венчики хумов Сасанидского периода довольно разнообразны по своим очертаниям. Большинство из них, особенно венчики V—VI типов, не имеют четких форм. Именно у венчиков этих хумов трудно определить, зависит ли форма венчика от насечек, или насечки наносились, учитывая форму венчика. Большинство венчиков этих хумов имеют форму неправильного овала, по которому в несколько рядов нанесены насечки и вмятины. Исключения пока составляют хумы Ундаклы-депе, верхние части которых в основном образованы простым утолщением стенки, или подтреугольные в сечении. Под венчиками обычно идет только один ряд вмятин. Иногда по верхней внешней части венчика нанесены бахромчатые насечки.

Венчики хумов IV типа, как отмечалось в литературе, якобы имеют прямую преемственность в развитии с парфянскими хумами и даже «возрождаются». По имеющимся сейчас материалам трудно сказать, отличаются ли венчики хумов этого типа от парфянских или нет, поскольку материал подгорной полосы невелик, а сосуды, вывезенные из Мерва в

подгорную полосу Копетдага, значительно отличаются от местных хумов этого типа.

Имеют преемственность в развитии только хумы I типа (II подтип) и верхние части хумов VI типа, особенно ранние. Они вплоть до конца IV в. н. э. имеют очертания выступающих наружу валиков и вертикально утолщенных на конце стенок, выделенных нарезными полосами. В более позднее время они, видимо, вытесняются венчиками, характерными для хумов V типа, причем изготавливались хумы уже из теста с обильными отошающими примесями.

Стенки хумов с элементами орнамента также вызывают большой интерес. Сопоставляя имеющийся сейчас материал двух больших исторических эпох, можно восстановить хотя бы в общих чертах эволюцию развития отдельных элементов орнамента.

Одним из самых древних декоративных приемов оформления сосудов этого вида керамики являются налепные полосы с расположенными на них отпечатками пальцев. Они начинают встречаться с конца II в.—начала I в. до н. э. и отмечены на сосудах I(II) и VIII типов¹. В последнем случае данный вид орнамента встречается почти на всех сосудах.

Другие виды, встречающиеся реже, нежели налепные полосы, такие, как бахромчатые насечки, точечный орнамент и гофрирование придонной части в парфянский период носили скорее всего экспериментальный характер. Об этом говорит малочисленность материалов такого рода. Причем ни один из фрагментов, даже условно, нельзя отнести к конкретному типу сосудов.

В основном данные элементы орнамента получили развитие в период кризиса рабовладельческого строя и раннего средневековья. Особенно на памятниках раннего средневековья встречается значительное количество фрагментов, несущих один или несколько видов орнамента, составляющих орнаментальный пояс. Очень редки находки хумов, внешняя поверхность которых орнаментирована несколькими видами орнамента. Однако наиболее типичным орнаментом для хумов подгорной полосы в отличие от Мерва этого времени (особенно для V и VI типов) являются отпечатки пальцев по венчику и зашпы в придонной части, тогда как у парфянских хумов крайне редко можно встретить насечки, к тому же нельзя точно установить (по имеющимся сейчас материалам), какой тип хумов орнаментировался данным способом.

¹ Из сводных черновых таблиц венчиков поселения Гарры-Кяркз, составленных В. Н. Пилипко, следует, что появление этого вида орнамента на парфянских хумах в настоящее время можно отнести к концу II—началу I в. до н. э.

Этот вид орнамента также позволяет установить относительную хронологию: у более поздних сосудов венчик орнаментировался в большинстве случаев многорядным пояском, тогда как раньше этот прием применялся редко.

Рассмотренные в данной работе типы хумов иллюстрируют развитие крупной тары на протяжении двух больших периодов. В III—II вв. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. намечаются два перехода в форме, технике изготовления и внешнем оформлении сосудов.

Первый этап — парфянский — характеризуется двумя типами, генетически связанными с подобными сосудами позднеахеменидского и селевкидского времени. В этот период хумы имеют внутреннее развитие, выраженное в изменении пропорций, постановке венчика и становлении орнамента, носившего экспериментальный характер. В целом для парфянских хумов характерна яйцевидная форма тулова, наибольший диаметр которого в одних случаях расположен выше середины высоты сосудов, в других — ниже, плоское дно и соотношение диаметра дна с диаметром венчика в среднем равно 0,58.

Формы крупной тары парфянского времени наложили определенный отпечаток на форму хумов последующего периода. В ряде случаев это выражено в форме венчиков, прогибах стенок вовнутрь, очертании некоторых частей тулова и т. д., хотя вполне возможно, что вышеперечисленные признаки могли возникнуть и без влияния парфянских керамических традиций. Прямая преемственность в развитии намечена только у хумов I (II подтип) и VI типов по ряду сходных признаков, таких, как вытянутый или несколько отогнутый наружу венчик, наличие признаков зарождающейся горловины, относительно крутые плечики, плоское дно. При этом вплоть до IV—V вв. н. э. данные сосуды выполнялись из плотного теста и в большинстве не орнаментированы.

Второй этап развития хумов Южного Туркменистана — сасанидский — характеризуется становлением совершенно новых типов. В этот период происходит не только резкая смена форм, но и техники изготовления, формовочного материала и орнаментации, что характерно для керамических комплексов Средней Азии этого времени [13, с. 231—232; 20, с. 202]. Всего в сасанидский период на территории подгорной полосы Копетдага существовало пять типов хумов, однако все они бытовали не одновременно. Наиболее ранними и, вероятно, получившими широкое распространение, были хумы V типа. Учитывая их форму, фактуру черепка, орнаментацию (выраженную чаще всего в оттисках пальцев или рубчатым орнаменте, нанесенных в несколько рядов или в один ряд по вен-

чику, реже — в защепах по краю дна и венчика и гребенчатым орнаменте), внезапное их появление в III—IV вв. н. э. можно связать с притоком новых этнических масс, расселившихся первоначально на территории Парфии и Апарктики, поскольку в Маргиане вплоть до IV в. н. э. бытует позднепарфянская керамика [10, с. 159].

Появление VII и VIII типов хумов, существовавших незначительный период, происходит несколько позже (по имеющимся материалам, в IV — начале V в. н. э.). Форма и фактура этих сосудов говорят о локализации керамического производства Южного Туркменистана [7, с. 144; 9, с. 109; 12, с. 293]. Выражается это в присутствии в тесте отошающих примесей, поскольку сосуды, сформованные из такой глины, почти не дают усадки, к тому же при обжиге отошители не позволяют им лопаться. О том, что обжиг производился в не совсем приспособленных для этого печах, говорит цвет черепка, имеющего в изломе черную прослойку. Впоследствии примеси отошителей в тесте хумов стали традиционными. Так, хумы VI типа, ранее изготавливавшиеся из плотного хорошо отмученного теста (до IV—V вв.), в дальнейшем формовались из глины, свойственной хумам V типа, причем копировалась и орнаментация.

Со стабилизацией обстановки в подгорной полосе Копетдага в V в. н. э. связано появление хумов IV типа, до этого широко распространенных только в Маргиане. Первоначально, по-видимому, они вывозились из Маргианы, а впоследствии, наряду с вывезенными, появляются местные хумы данного типа. Причем на их форму и материал наложили отпечаток установившиеся традиции керамического производства подгорной полосы, в частности большие хумы V типа.

Таким образом, в позднесасанидское время выделились и окончательно оформились три основных типа хумов подгорной полосы Южного Туркменистана. Они, несмотря на различную форму тулова, профилировку венчиков, имеют несколько сходных черт: выпуклое в большинстве случаев дно, широкодонность, признаки у некоторых типов зарождающейся горловины, идентичность формовочного материала, более широкое применение орнаментации.

Сопоставление таблицы и уточнение времени существования конкретных типов хумов позволяют использовать ее при датировке археологических комплексов парфянского и сасанидского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бураков Ю., Качурис К. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы. — ТЮТАКЭ, 1963, т. 12.
2. Ганялин А. Ф. К стратиграфии Намазга-депе. — ТИИАнЭ, 1956, вып. 2.

3. Губаев А. Г. Новые раскопки замка Ак-Депе у Артыка.—КД, 1972, вып. 4.
4. Губаев А. Г. Новые результаты раскопок в замке Ак-депе сасанидского времени. — КД, 1977, вып. 6.
5. Дурдыев Д. Городища старого Кишмана. — ТИИАнЭ, 1959, вып. 5.
6. Крашенинникова Н. И. Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилища Старой Нисы. — Изв. АН ТССР, Сер. обществ. наук, 1963, № 5.
7. Марущенко А. А. Хосров-кала (отчет о раскопках 1955 г.).—ТИИАнЭ, 1956, вып. 2.
8. Массон В. М. Хумы Нисы (О некоторых формах неполивной керамики). — ТЮТАКЭ, 1953, т. 2.
9. Массон М. Е. Хронологическая таблица к истории Нисы.—ТЮТАКЭ, 1949, т. 1.
10. Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. — ВДИ, 1953, № 1.
11. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. — ТЮТАКЭ, 1955, т. 5.
12. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953—1954 гг. — ТЮТАКЭ, 1974, т. 15.
13. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма Афригидского периода.—ТХЭ, 1959, т. 4.
14. Пилипко В. Н. Исследование памятников античного времени в районе Геок-депе. — КД, 1968, вып. 1.
15. Пилипко В. Н. Оттиски печатей на парфянских хумах.—ПТ, 1970, № 12.
16. Пилипко В. Н. Исследование античных памятников в северной Парфии в 1970 г. — КД, 1972, вып. 4.
17. Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.
18. Пилипко В. Н. Ярык-депе. — КД, 1978, вып. 7.
19. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. — ТЮТАКЭ, 1962, т. 11.
20. Сайко Э. В. Некоторые особенности керамики кушанского времени Северной Бактрии. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 2. М., 1975.
21. Усманова З. И. Новые данные в археологической стратиграфии Эрк-калы. — ТЮТАКЭ, 1969, т. 14.
22. Pumpelly R. Exploration in Turkestan, 1908, vol. I, Washington.

А. Губаев

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТИ ЧИЛЬБУРДЖ

Отличительная особенность раннего средневековья (III—VII вв.) — переходный характер. Естественно, что явление такого общенсторического значения не могло оказывать определяющего воздействия на все стороны материальной и духовной культуры общества, в том числе и на архитектуру.

Дело не только в том, что на рубеже двух исторических эпох — рабовладельческой и феодальной — наступает жесточайший социально-экономический кризис, в результате которого происходит разрушение ирригационных систем, запустение больших площадей обрабатываемых земель, упадок городов и, естественно, архитектуры. Главное заключается в том, что в рассматриваемую эпоху происходит переход от архитектуры рабовладельческого к архитектуре феодального общества. Новые социальные формы организации порождают новый подход к архитектуре, как и к другим сферам материальной и духовной культуры общества.

Рассматривая архитектуру раннего средневековья, мы можем выделить два основных этапа ее развития: III в. н. э. — завершение рабовладельческого строя; IV—V вв. — кризис. Эпоху кризиса нельзя рассматривать как время прекращения строительства. Несмотря ни на что, строительство продолжалось, хотя и в значительно меньших размерах. Возникали новые населенные пункты — основа будущих феодальных городов. VI—VII вв. — время возникновения и утверждения архитектуры феодального общества.

При рассмотрении истории архитектуры в данных хронологических рамках необходимо иметь в виду, что Туркменистан не представлял политически единого целого. Существовали различные государственные образования со сложившейся культурной традицией и локальными архитектурными школами. Однако можно отметить целый ряд близких черт в культуре отдельных областей, объясняемых как общественными причинами, так и давними связями между отдельными областями и народами Средней Азии, и все же существуют локальные отличия, которые придают неповторимое своеобразие архитектуре каждой области Туркменистана. В настоящее время наиболее хорошо изучена архитектура раннефеодальной эпохи в Хорезме. Однако выводы, полученные при ее изучении, нельзя распространять без самых серьезных оговорок на территорию Южного Туркменистана, так как характер социальных отношений имел там своеобразную окраску.

Период раннего феодализма в Южном Туркменистане характеризуется (также, как в Хорезме) ростом экономической и отчасти культурной жизни в деревне. Однако продолжали существовать достаточно крупные города — Мерв, Ниса, Серахс, Хосров-кала. Поэтому основным отличием Южного Туркменистана от Хорезма в области градостроительства явилось то, что города здесь не возникали вновь (как вокруг замка Беркут-кала), а возрождались там, где ранее уже существовали крупные городские центры. Для Мерва этого времени характерно сохранение старого обвода стен, зафик-

сировавшего размеры города еще античной эпохи. Но в период зарождения феодализма начинается перестройка и усиление укреплений, созданных в эпоху ранних Сасанидов. Данная экспедиция организована с целью комплексного исследования крепости Чильбурдж.

Крепость Чильбурдж расположена на территории Каракумского района Марыйской области (рис. 1). Чильбурдж впервые, насколько нам известно, зафиксирована американ-

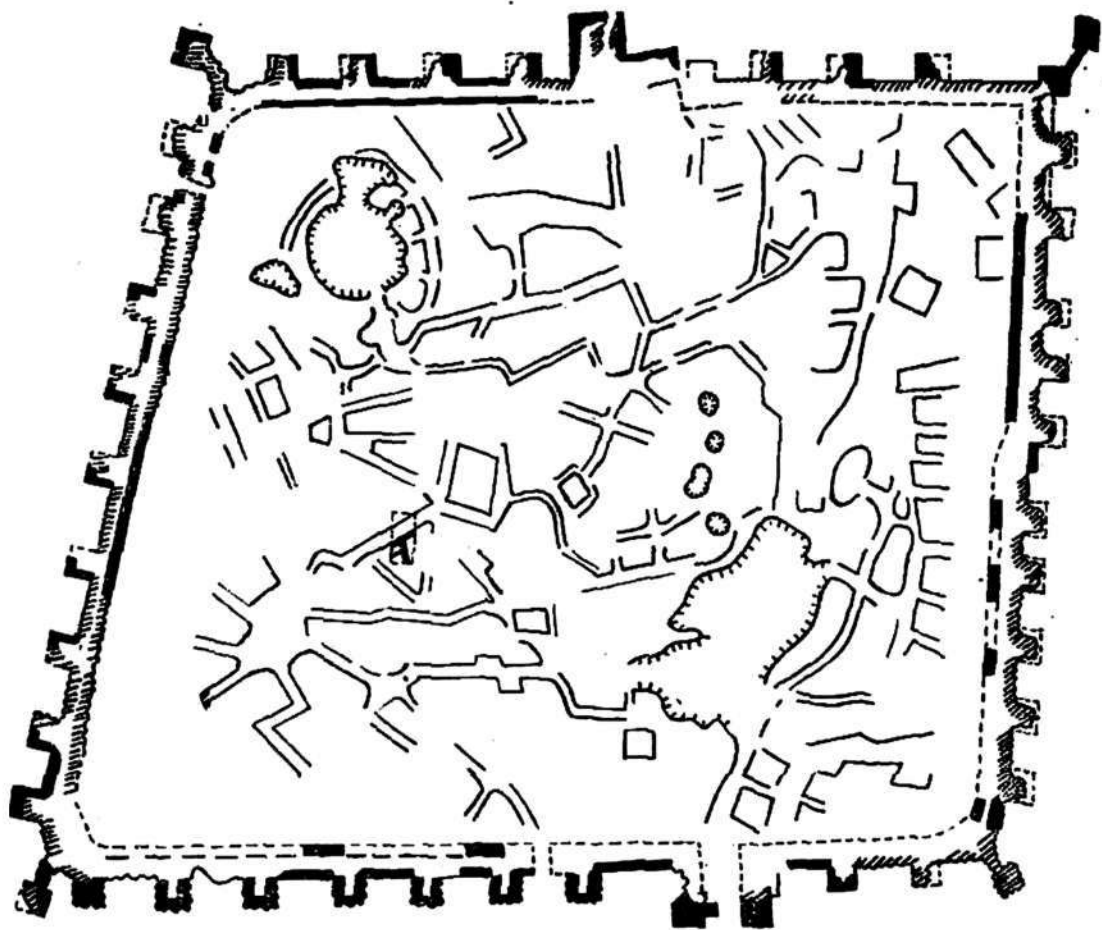

Рис. 1. План городища Чильбурдж.

ской археологической экспедицией Пампелли, работавшей в начале XX в. в Южном Туркменистане. Этот памятник обследовался ЮТАКЭ в начале 50-х гг. (результаты исследований отражены в ряде публикаций). В дальнейшем к нему неоднократно обращались археологи и историки [1—2].

Цель экспедиции состояла в составлении подробной археологической карты Мервского оазиса (особое внимание уделялось памятникам античного и раннесредневекового времени). Особенность этой работы — активное использование

аэрометодов (в отличие от ранее предпринимающихся попыток).

Поскольку использование аэрометодов требует особой методики (особого приспособления методов) для памятников специфических районов, а Мервский оазис, бесспорно, специфический район, то был выработан следующий план работы: 1) проведение пробных раскопок на одном из городищ по имеющимся аэрофотоснимкам и их расшифровка; 2) разведочное обследование ряда других памятников, по которым имеется аналогичная документация.

В качестве основного объекта избран Чильбурдж. Этот выбор объяснялся следующими обстоятельствами: 1) классический однослойный памятник, поэтому сопоставление результатов аэрофотосъемок и раскопок должно быть наиболее тщательным, без вмешательства посторонних факторов; 2) четкая планировочная структура легко читается при аэрофотосъемках; 3) Чильбурдж в некотором отношении классический памятник парфянской фортификации; 4) существовали значительные различия в интерпретации Чильбурджа, касающиеся факта наличия или отсутствия застройки внутри города (функционального назначения его), наличия его стен и т. п.

Раскоп 1 заложен в восточной части городища на месте здания, предположительно, общественного характера. В результате раскопок выяснено: здание было значительно разрушено еще в древности, затем перестраивалось в эпоху развитого средневековья. В середине 50-х гг. XX в. остатки его сильно пострадали в результате того, что территория была использована в качестве полигона.

Здание сложено из кирпича (размеры— $43 \times 16 \times (?)$; $45 \times 16 \times (?)$ см), что позволяет отнести время его постройки предположительно к античной эпохе. Керамических материалов этого времени не обнаружено. Имеются отдельные фрагменты керамики V—VIII вв. В эпоху развитого средневековья здание обживалось, о чем свидетельствуют пристроенные снаружи стены (размеры кирпича— $33 \times 6 \times (?)$ см). В заполнении найдены фрагменты керамики XI—XIII вв., фрагменты и целые клинчатые обожженные кирпичи с клеймами в виде пятерни (толщина—10 см). В настоящее время нельзя определенно сказать ни о дате строительства данного сооружения, ни о его функциях. Можно только отметить, что кирпич подобного формата использовался как в парфянское, так и в раннесасанидское время.

Раскоп 2 находится в западной части городища. Место для его разбивки было выбрано исходя из следующих соображений:

1) получить представление о характере застройки и стратиграфии рядового квартала (определен на основе осмотра территории городища);

2) сравнить данные аэрофотосъемки с результатами раскопок. Был заложен раскоп размером 50 см² (10 м—север-юг, 5 м—запад-восток). Место расположения раскопа (см. схему: план и разрез раскопа 2) (рис. 2).

Верхний слой, вскрытый при раскопках, предстает перед

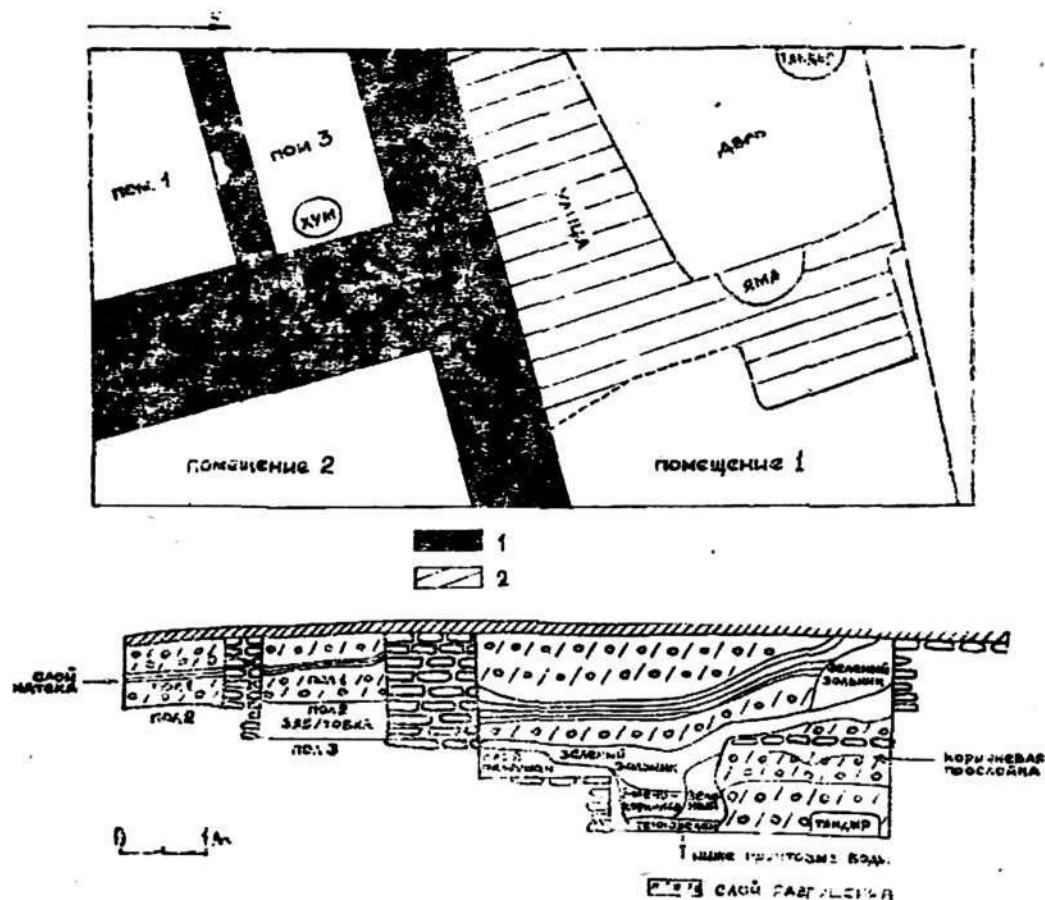

Рис. 2. План и разрез раскопа 2.

нами следующим образом: обнаружены части дома, улицы и стены, ограничивающей улицу с севера (общий вид раскопа № 2).

Улица идет в направлении юго-запад/северо-восток. Аэрофотоснимок точно показал наличие здесь улицы. При внешнем осмотре это место проявлялось как небольшая ложина с активной растительностью. Ширина улицы—около 4,50 м. С двух сторон (на раскопанном участке) она ограничена глухими стенами. Сохранившаяся высота стен: 1,20 м (южная), 0,8 м (северная). Обе стены сложены из сырцового кирпича

(размеры— $29,5 \times 7,5$; 30×7 ; $27 \times 6,5$; 29×6 см). Удалось установить толщину южной стены улицы—около 1 м.

Внутри южного здания частично вскрыты 3 помещения. Однако точных размеров их не удалось установить. Только у третьего помещения удалось выявить ширину—1,30 м (не-что вроде кладовки). Здесь был обнаружен хум, стоящий на уровне самого нижнего пола (третьего). Можно предположить, что помещения 1 и 3 относятся к одному жилому комплексу, а помещение 2—к другому. В помещениях 1 и 2 зафиксировано 2 уровня полов, в помещении 3—3 уровня. Между двумя верхними полами имеется слой разрушений. Исследования в этих трех помещениях прекратились на уровне нижнего пола.

В дальнейшем раскопки велись только на площади улицы. Самый нижний слой вскрыть не удалось, поскольку из-за близких грунтовых вод земля была слишком влажная. Раскопки прекращены на глубине +56 см (от нулевой точки). На этом уровне находится какой-то ранний двор с тандыром. Во дворе были и строительные остатки — две стены, сложенные из кирпича (размеры которого определить не удалось из-за значительной влажности), а также часть помещения Ю. Материал, связанный с этими постройками, может быть датирован VIII—XIII вв. (хотя встречается некоторое количество керамики сасанидского времени). Датировка объясняется тем, что значительная часть двора была нарушена ямой, связанной с верхним строительным горизонтом. Можно думать, что на протяжении значительного времени после строительства верхнего строительного горизонта эта улица использовалась только как место свалки мусора (характерны зеленовато-коричневая и зеленая глина, большое количество золы, разбитой керамики).

На каком-то этапе эта улица благоустраивается: создается вымостка из сырцового кирпича (толщина в 1 кирпич), закрывается яма. Однако мусор все также выбрасывается на улицу вдоль северной стены (датировка верхнего слоя—XI—XIII вв.).

Из находок необходимо отметить (помимо керамики—поливной и неполивной): штампованную керамику (фрагменты), фрагменты стеклянных сосудов, шлаки, сипая, два ядра (одно обожженное, другое—нет) и т. д. На основании исследований, проведенных на этом раскопе, можно сделать вывод, что жизнь на городище в эпоху развитого средневековья протекала интенсивно; считать, что Чильбурдж в это время использовался только как место остановки караванов—нет никаких оснований. Это был просто небольшой город.

Раскоп 3 заложен с целью выяснения конструкции

внутристенного коридора крепостных укреплений Чильбурджа. Раскоп произведен на участке стены между башнями 17 и 18 (северный фас).

В результате выяснилось следующее: пол стрелковой галереи (коридор) находится на уровне пахсового основания крепостной стены. Ширина коридора—1,35 м. Хорошо сохранилась внутренняя грань стен, обращенная внутрь города. Внешняя грань определяется с трудом. Сохранившаяся ширина стены—5,30 м. Стрелковая галерея представляет собой коридор шириной 1,35 м с прямоугольными ячейками во внешней грани стены. В раскопе (Р-3) не удалось зафиксировать бойницы из-за плохой сохранности стены. Заполнение коридора—кости животных (в большом количестве), отдельные фрагменты керамики (в основном VI—XI вв.), фрагменты XI—XIII вв. — единичные (см. План и разрез городских укреплений Чильбурджа).

Дополнительные наблюдения по Р-3: в стене, западнее Р-3, виден кобур с наклоном внутрь города. Он служил, очевидно, для сбора дождевых вод из стрелковой галереи. Кобур расположен на уровне пола галереи.

Раскоп 4 заложен на участке стены Чильбурджа между башнями 22 и 23 с той целью, что и Р-3. Дополнительно к данным по Р-3 удалось выяснить следующее: в стене города имелись узкие бойницы, обращенные внутрь города. Ширина бойниц—около 10 см, высота—1,10—1,15 м. Заполнение Р-4 аналогично заполнению Р-3.

Примечание: внешние бойницы зафиксировать не удалось (см. План и разрез раскопа III).

Раскоп 5. Место для раскопа было выбрано непосредственно у башни 35 западного фона стены, так как она лучше всего сохранилась. Раскоп был осуществлен в виде узкой траншеи шириной 1,2 м и расширениями у стен и на западном окончании раскопа (рис. 3).

Цель данного раскопа — установить наличие или отсутствие более ранних укреплений, предшествующих тем, которые Г. А. Пугаченкова считала парфянскими.

Возможно, ныне видимым укреплениям Чильбурджа предшествовали более ранние. Зафиксированы следующие их остатки:

1. Пахсовая стена. Зафиксирована на протяжении 1,2 м. Она прослеживается, начиная с высоты 0,3 м ниже уровня границы между пахсовой и кирпичной частями основанных (более поздних) укреплений. Толщина стены—1,3 м. Однако эти цифры не могут считаться характерными для ранних укреплений в целом из-за небольших размеров раскола и потому, что это — тыловая стена башни.

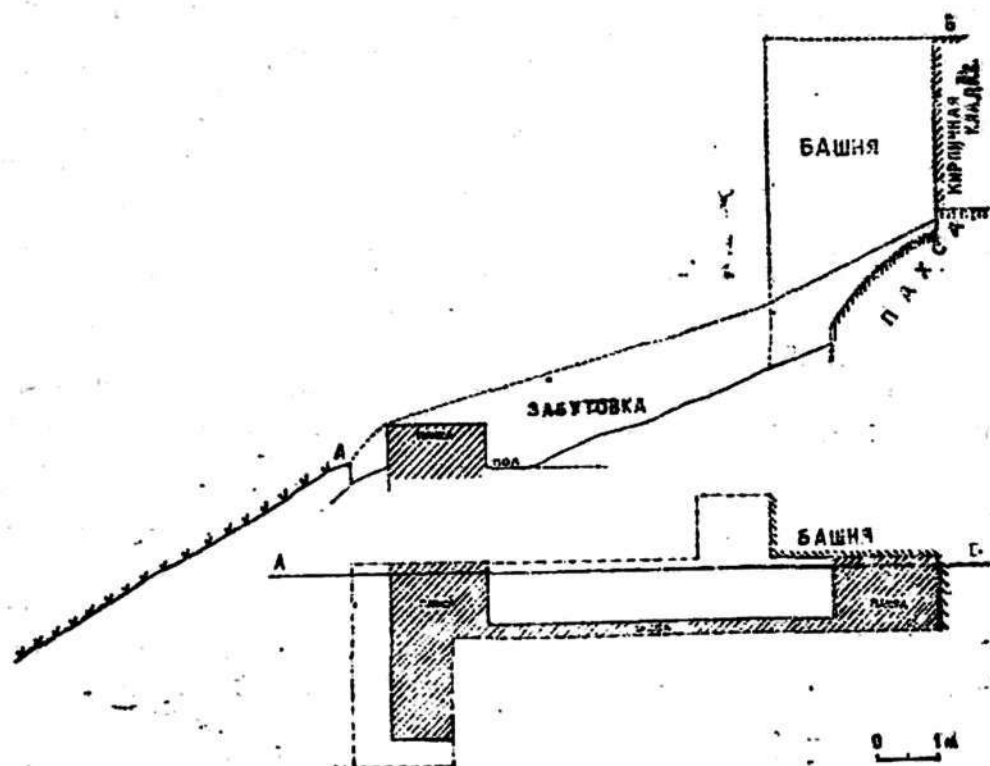

Рис. 3. План (а) и разрез (б) городских укреплений Чильбурджа (раскоп 5).

2. Вскрытая часть башни сложена из пахсы. Башня выступает на 5,4 м над стеной. Толщина фасовой стены—1,6 м, боковой стены—1,3 м. Башня имела прямоугольную форму. Фасовая стена сохранилась со стороны поля на 0,7 м. Размеры внутреннего помещения: длина—5,6, ширина—не установлена, но не менее 2 м. Башня была забутована пахсовой кладкой. Однако необходимо иметь в виду, что перед этим укрепления стояли заброшенными. На полу значительный слой песка. Дату этой забутовки можно определить по кушано-сасанидской (по определению Г. А. Кошеленко) монете, найденной в щели между боковой стеной башни и забутовкой.

Таким образом, можно предполагать, что укрепления Чильбурджа пережили два основных этапа: первоначальная система пахсовых стен и башен и вновь построенная над остатками этих укреплений. Причем пахсовое основание новых стен заканчивалось (по высоте) практически на уровне старого их гребня. Тем самым достигались следующие преимущества: 1) большая монолитность остатков старых стен и нового фундамента; 2) новые укрепления были сдвинуты назад по сравнению с ранними, что превращало старые руи-

ны в подобие вала, резко затруднявшего действия осадных машин.

На территории крепости Чильбурдж в 1980 г. найдены 3 сасанидские монеты: медная монета Шапура I (241—272 гг.): вес—2,66 г, диаметр—16 мм; монета Кавада I (488—531 гг.): вес—1,09 г, диаметр—17 мм.

Конкретные результаты раскопок Чильбурджа подтвердили большую ценность аэрофотоснимков при исследовании Мервского оазиса, поскольку на них зафиксированы памятники, не отмеченные даже на самых подробных картах. Об этом свидетельствует осмотр окрестностей Чильбурджа и Гобеклы.

Ценность аэроснимков еще более увеличивается благодаря тому, что в большинстве случаев окрестности памятников распаханы или подвержены иным воздействиям человеческой деятельности. В связи с этим в дальнейшем необходимо использовать аэроснимки более раннего (чем 1962 г.) времени, то есть, сделанные до начала строительства Каракумского канала. Аэрофотоснимки создают прекрасную основу для планов, укреплений памятников (Чильбурджа, Кары-депе, Гобеклы). Так, в Чильбурдже Р-2 указал наличие улицы в том месте, где она предположительно показана на расшифровке аэрофотоснимка.

Однако необходимо помнить и о некоторых недостатках, связанных с использованием аэрофотоснимков. Например, на них совмещаются памятники различного времени, что затрудняет наслойную идентификацию. Кроме того, аэрофотоснимки дают несколько обобщенную, идеализированную картину. Эта особенность ярко проявляется при сопоставлении расшифровки укреплений Чильбурджа и схемы составления укреплений.

Можно отметить наличие следующих слоев:

1. Парфянский. Устанавливается на основании подъемного материала — терракотовые статуэтки, монеты, возможно, именно к парфянскому времени относятся и ранние укрепления Чильбурджа, также возможно, что центральное здание (Р-1) в своей основе — парфянского времени.

В результате археологических работ на Чильбурдже обнаружены терракотовые фигурки, находки которых довольно часты на памятниках древнего Мерва. Некоторые типы мервских терракот уже являлись предметом специального исследования (рис. 4). В комплекс терракот Чильбурджа входят женские статуэтки и фигурки животных. Мужские изображения не зафиксированы. Женские терракотовые фигурки, встречающиеся среди мервских находок, принято относить к изображениям «великой Маргианской богини» (название, естест-

Рис. 4. Терракотовые статуэтки.

венно, условное), почитавшейся в Мерве на протяжении почти полутысячелетия. Изображения богини на четырех наших терракотах можно условно подразделить на два типа: 1) изображение богини с зеркалом; 2) изображение богини со сложенными у живота руками (см. рис. 4, 3).

2. С а с а н и д с к и й. Устанавливается на основании мно-

гих подъемных находок (монеты, терракотовые статуэтки всадников, керамика).

В ходе археологических раскопок Чильбурджа был получен значительный керамический материал, позволяющий сделать ряд обоснованных выводов относительно истории города.

Керамика сасанидского времени встречена также на Р-1, Р-2, Р-4. Особенно много — на двух последних раскопах. Можно предположить, что ныне видимая система укреплений относится к сасанидскому времени.

Показательно, что при раскопах внутрстенных коридоров, когда доходили до уровня пахсы, ни одного фрагмента парфянской керамики найдено не было. Керамика сасанидского времени встречается и в окрестностях Чильбурджа.

3. Время развитого средневековья (до монгольского завоевания).

Мощные культурные слои этого времени имеются на Р-2. Есть некоторые основания считать, что перестройке в это время подвергались здания общественного назначения (Р-1); в одном месте зафиксировано укрепление стены башни (вокруг южных ворот) мелкоформатным кирпичом. На территории Чильбурджа преобладающий процент среди подъемного материала составляет керамика именно этого времени. Однако не встретилось материалов, свидетельствующих об обживании данного места в послемонгольское время.

В целом история Чильбурджа, видимо, такова: город основан в парфянское время, вернее всего, в позднепарфянское. Тем не менее, мы еще не можем судить о том, какая часть его территории была застроена в то время. Однако факт наличия укреплений вряд ли может вызвать сомнения, что подтверждается двумя обстоятельствами: 1) наличием чисто пахсовых конструкций укреплений, которым нет бесспорных аналогий среди других памятников парфянской фортификации; 2) необходимостью проверки (с точки зрения хронологии) ряда типологических, близких Чильбурджу, памятников, в первую очередь, — Дурнали.

Пока не установлено, прерывалась ли жизнь на Чильбурдже при переходе власти от парфян к Сасанидам. Вероятно, да. Об этом свидетельствуют большие слои песка внутри башни на Р-5 и отсутствие ярко выраженных материалов раннесасанидского времени среди подъемки.

Расцвет города, видимо, совпадает с позднесасанидским временем, к которому относится возведение основной линии укреплений Чильбурджа. Именно тогда осваивается и территория вокруг него.

Очаговый характер нахождения керамики на осмотрен-

ной территории позволяет думать, что здесь существовала застройка. Последний этап жизни связан с эпохой развитого средневековья VIII—XII вв. Возможно, перерыва, вызванного арабским завоеванием, здесь не было. Во всяком случае, керамический материал дает непрерывную последовательную линию развития. Однако заметно сокращается освоение территории вокруг города. Гибель его наступает в результате монгольского завоевания.

Данные наших исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. Чильбурдж возводится в позднепарфянское время (II—III вв. н. э.). Накануне падения Парфянской державы укрепления крепости подвергались ремонту.

2. Существовал Чильбурдж до IV в. н. э.

3. В период кризиса и падения рабовладельческого строя Чильбурдж остался в зоне надвигающихся песков.

4. В X—XII вв. н. э. Чильбурдж использовался только для стоянки караванов.

Таким образом, можно считать, что в V—VII вв. н. э. происходит формирование феодальной архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

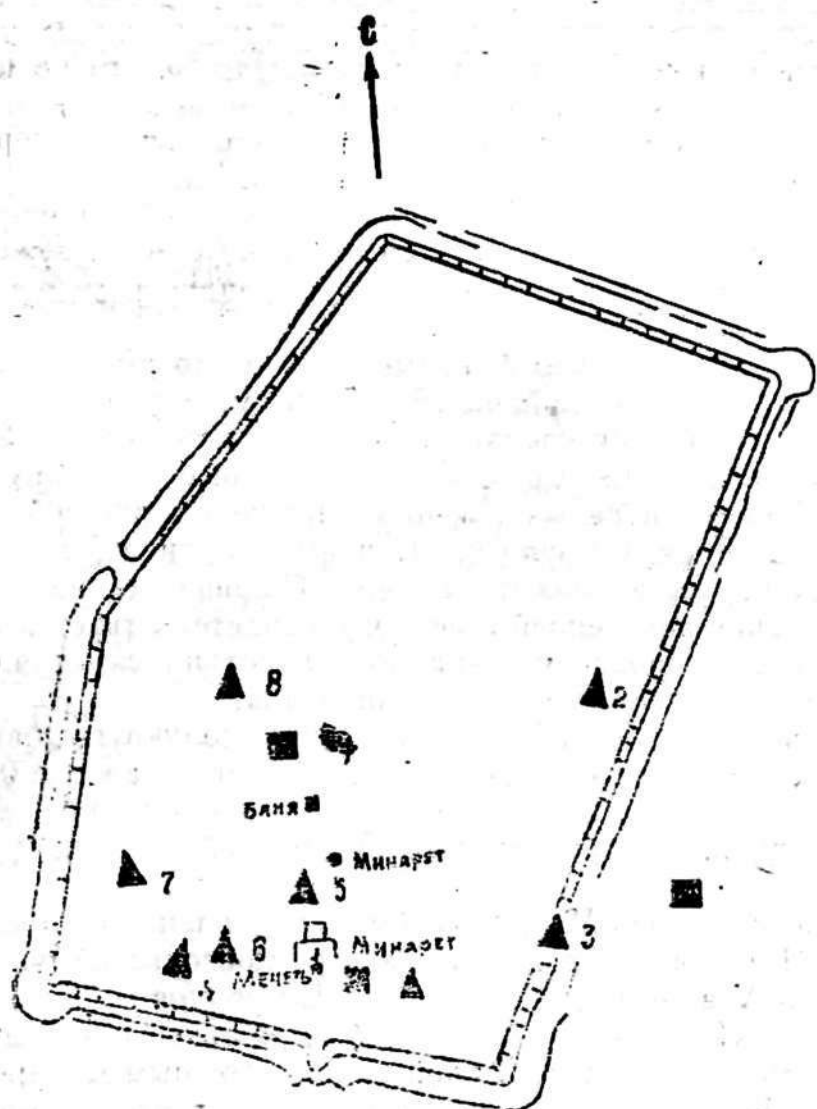
1. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1963.
2. Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977.
3. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
4. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2.
5. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва.—Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. 11.
6. Ремпель Л. Н. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы.—Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1.

Е. Атагарриев

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О МИСРИАНЕ

Многолетние исследования средневекового города Дехистан (ныне развалины Мисриан) дали различную информацию о стратиграфии, водоснабжении, материальной и духовной культуре, о ремеслах и торговле.

Для получения новых данных о динамике развития города, в разных частях его было заложено 8 стратиграфических шурфов и сделана зачистка городской стены (рис. 1).

■ 1 - раскоп

▲ 2 - шурф

Рис. 1. План-схема раскопок городища Мискриан.

Шурф № 3 был заложен у пятой башни с наружной стороны внутренней (восточной) стены. Размер шурфа 4×3 м. Первоначально башня была сложена из жженого кирпича, а

затем облицована пахсой толщиной до 2 м. Стены башни сохранились на высоту около 13 м. Если учесть, что на протяжении нескольких веков под влиянием атмосферных воздействий стена в значительной степени разрушалась, то первоначальная высота ее, по всей вероятности, достигала 15—16 м. Подошва фундамента башни, возведенной на чистом такыре, имеет толщину 1,5 м и высоту 0,7 м, а затем сужается до 1 м, поэтому кладка стены не разрушалась снизу под воздействием влаги.

Следует отметить, что фундамент стены до высоты 0,7 м возведен из крупного кирпича $25 \times 25 \times 6$ см, в то время как остальная часть башни сделана из мелкого кирпича $19 \times 20 \times 3,5$ см. На высоте 1,4 м от основания башни был обнаружен слой из обломков и целых жженных кирпичей толщиной 1 м. Над ним—2—3 ряда крупных сырцовых кирпичей, а затем начинается наружная пахсовая стена. Подошва ее на 2,6 м выше основания внутренней стены, что свидетельствует о том, что башня или городская стена дополнительно укреплялись и служили защитой от внешнего нападения.

Судя по сохранившейся части внутри полукруга, башня укреплялась жженным кирпичом и пахсой: через каждые 0,5—0,7 м был заложен жженный кирпич и замазан глиной. Аналогичен и принцип строительства внутренней городской стены.

Городская стена Мисриана была укреплена дважды: в начале XIII в., когда городу был нанесен монгольский погром, а затем в XIV в. во время нашествия Тимуридов.

Шурф № 4 (размером 2×2 м) был заложен к западу от городской мечети, расположенной рядом с южным минаретом Мисриана. В юго-западной части города нет следов планомерных зданий, только кое-где найдены остатки поздних ремесленных строений. Очевидно, здесь располагался садово-парковый комплекс. Во время раскопок найдены фрагменты керамических изделий, большинство которых относится к XIV в., то есть последнему этапу существования города.

В кроющем слое найдены фрагменты как поливной, так и неполивной керамики XIV в., встречается и кашинная керамика с синей росписью. Среди других сосудов найден фрагментированный кувшин с прозрачно-черной поливой. На глубине 1,1 м шурфа кладка из жженого кирпича. Под кладкой обнаружено мусульманское захоронение. В отдельных могилах найдены крупные гвозди, свидетельствующие о том, что покойники были захоронены в гробу. Аналогичный ритуал захоронения наблюдался и в некрополе средневекового города Шехр-Ислам. Глубина шурфа—2 м, однако культурный слой не обнаружен. Грунт шурфа давал чистую землю. Очевидно,

на данном участке города прежде не было общественных застроек и, по всей вероятности, там располагалась садово-парковая зона.

Шурф № 5 был заложен между двумя минаретами. Размер шурфа—1×3 м при глубине 5 м. Северная стена шурфа одновременно является и стеной какого-то крупного прямоугольного сооружения, расположенного почти у подножья северного минарета, на западе от него. На глубине 2 м обнаружен пол из известняка. Материалы культурного слоя относятся к XIV в. Здесь найдены фрагменты поливной керамики, стекла и т. д. Судя по сохранившейся части, данное помещение имело алебастровую штукатурку, такую же, как и пол.

Ниже вышеописанного культурного слоя на глубине 3 м от поверхности земли обнаружен второй пол из жженого кирпича. Материалы данного слоя относятся к XII—XIII вв.

Самый нижний слой датируется X—XI вв. К концу этого периода относится строительство северного минарета. Таким образом, данный шурф позволил выяснить не только напластованные слои участка, но также дал ценные археологические материалы по установлению времени основания северного минарета. Если считать, что толщина культурного слоя 5 м, то фундамент северного минарета тоже 5 м или чуть больше. Кроме того, наличие археологического материала начала X в. позволяет судить о том, что в среднем за 100 лет существования города напластования культурного слоя увеличивались на 1 м. Наконец, между шестой и седьмой башнями со стороны шахристана у городской стены была сделана зачистка сооружения полукруглой формы, возведенного у стен города. Пол вымощен жженым кирпичом, вход со стороны города. Данное сооружение, по всей вероятности, могло быть подсобным помещением для охраны городской стены. При его расчистке найдена тонкая стеклянная рюмка с плоским дисковидным поддоном.

В 1980 г. в Мисрианском оазисе работал специальный отряд Института Туркменгоспроект по составлению карты земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения.

В распоряжении отряда была буровая машина, с помощью которой было заложено 3 шурфа в окрестностях Мисриана.

Шурф № 6 расположен в 200 м к западу от соборной мечети. Диаметр его—0,8 м, глубина—3,8 м. Установлено, что на данном месте толщина культурного слоя достигает 2,7 м. Шурф прорезал какое-то строение из жженого кирпича—стенку помещения. Однако датирующего материала здесь не оказалось.

Шурф № 7 находится в 200 м к западу от шурфа № 6

или в 400 м от соборной мечети. В этой части города расположен садово-парковый комплекс города. Глубина шурфа—2,9 м, однако толщина культурного слоя не превышает 1,25 м.

Шурф № 8 заложен на шахристане, приблизительно в 400 м севернее минарета XI в. Глубина его—3,2 м, толщина культурного слоя—2 м.

Проанализировав раскопки восьми стратиграфических шурфов (семь из них заложены на шахристане), можно сделать вывод, что самые мощные культурные слои оказались в южной части города, где еще в 1978 г. заложен шурф между двумя минаретами. Здесь городская жизнь функционировала в X—XIV вв. н. э. Расцвет города падает на XI—XII вв., когда на территории Мисриана сооружались разные общественные и жилые здания. Однако в XIII—XIV вв. мы наблюдаем здесь лишь отдельные перестройки.

Стратиграфические шурфы, заложенные почвоведом в окрестностях Мисриана, дали интересную картину. Так, например, во многих шурфах встречаются корни виноградника, яблонь и других фруктовых деревьев, которые свидетельствуют о том, что прежде их выращивали в Мисрианском оазисе. Любопытно, что на северо-востоке от городища, недалеко от мавзолея Машад-Ата, обнаружен почвенный слой со следами огромного пожара, охватившего свыше сотни гектаров площади.

Систематические исследования Мисриана дали значительный археологический материал по изучению проблемы водоснабжения города.

На шахристане расположены водоемы, занимающие большую площадь. Один из них находится на юго-востоке от мечети XII—XIII вв., где в последние годы ведутся раскопки жилых и общественных зданий. Водоем представляет собой глубокую и широкую впадину. Его длина с юга на север—130 м, а ширина с востока на запад—40—80 м. В 45 м к северу от южной крепостной стены города прослеживается вал шириной около 4 м, высотой 0,5—2 м. По всей вероятности, это мостик, так как на берегах водоема найдены остатки жилых и общественных зданий. Водоем имеет ограду из жженого кирпича.

О существовании таких водоемов в средневековых городах Туркменистана не раз отмечалось в археологической литературе. Наличие общественных водоемов-хаузов Самарканда в IX—XIII вв. отмечено в результате археологических раскопок [1, с. 13].

Судя по этнографическим данным, такие водоемы до сих пор широко используются жителями турецких сел. Так, например, В. П. Курылев отмечает, что в Турции основой водо-

снабжения являются водоемы-чешме, в которые вода подается по глиняным или деревянным трубам из естественного источника или же колодца. По его сообщениям, почти в каждом селении есть один или несколько таких колодцев, обнесенных каменной кладкой [10, с. 90].

Аналогичная картина по благоустройству водоема прослеживается и в Мисриане. Здесь водоем обнесен высокой стеной из жженого кирпича высотой 0,5—1,5 м. Наиболее высокая точка западного берега водоема около 3 м. Однако прежде водоем был гораздо глубже. Об этом свидетельствуют материалы стратиграфического шурфа, заложенного на его чаше. Установлено, что земля зеленого цвета (результат длительных осадков непроточной воды) здесь накоплена толщиной около 10 м. При этом следует отметить, что водоем, по всей вероятности, неоднократно расчищался и углублялся.

При расчистке западного берега обнаружено 7 водопроводных труб из керамики (кобуры) или кирпича. Самая южная водопроводная труба выполнена из кобура и расположена в третьем ряду кладки западной стены, сложенной из жженого кирпича размерами $21 \times 21 \times 3$ —3,5 см и имеющей прямоугольную форму.

Второй водопровод из керамической трубы расположен в 1,1 м севернее первого. Его диаметр—10 см. Там, где вода поступает в водоем, вставлены жженные кирпичи, чтобы уменьшить напор воды и предотвратить разрушение ограды.

В 0,4 м от второго расположен третий водопровод из керамической трубы диаметром 21 см внутри и 24 см снаружи. Водопроводная труба выступает на 40 см за линию ограды и перекрыта жженым кирпичом. Судя по строительной конструкции, вода по водопроводным трубам текла в сторону водоема, так как сооружение значительно наклонено. При расчистке было выяснено, что заполнение в кобурах и водоеме имеет зеленоватый цвет, а керамика—вымоченные обломки. Следовательно, водопроводы использовались для вывода сточных вод. Найденный керамический материал датируется XIII—XIV вв.

Четвертая линия водопровода в 95 м севернее южной крепостной стены города. Примечательно, что первоначально по этой линии вода шла двумя потоками, а при выходе соединялась в один. Водопровод в виде небольшого арыка из жженого кирпича выступает на 8 м за линию ограды, и соединяется с водоемом. Кладка сохранилась на высоту 0,4 м, ширина внутренней линии водопровода около 45 см. При расчистке обнаружены обломки керамических изделий XII—XIII вв. Очевидно, данный водопровод использовался и в XIV в., когда восстанавливаются и появляются жилые дома у западной стены водоема.

В 8,3 м севернее четвертой линии расположен пятый водопровод прямоугольной формы из жженого кирпича. Размеры его отверстия—15×15 см. Он выходит за линию обкладки на 1,1 м, как и все предыдущие, наклонен в сторону водоема.

Шестая линия водопровода — в 20 м севернее пятой и полностью не сохранилась. Особенно сильно разрушена ее верхняя часть, нижняя — сохранилась лишь на 1,3 м в длину.

В 1,25 м севернее шестого находится седьмой водопровод из жженого кирпича размерами 21×21×3,5 см. Таким образом, вдоль западного берега водоема обнаружено 7 водопроводов, из которых 2 выложены керамическими трубами, а остальные — кирпичом.

С целью выяснения конструкции ограды водоема вырыт небольшой шурф 1,2×2,4 м. Глубина его доведена лишь до 2 м. Ограда одновременно служила стеной жилых и общественных зданий, расположенных вдоль его западного берега. В верхнем горизонте шурфа обнаружены фрагменты керамики, датируемые XIV в., а в нижних слоях—XI—XIII вв. Наряду с керамикой найдены обломки стеклянных сосудов, предметы из металла и некоторые женские украшения (бусы и подвески).

Говоря о водоснабжении внутри города, следует также отметить наличие колодца, облицованного жженым кирпичом. Сейчас нам известно 2 колодца, один — около южного минарета, а другой — в одном из помещений жилого дома рядом с описанным водоемом. Наличие колодцев в средневековых городах Средней Азии отмечается в ряде работ, посвященных их изучению [1, с. 13].

Помещение, где был расположен колодец в Мисриане, судя по керамическим материалам, датируется XIV в. Колодцы рыли тогда, когда водоем уже перестал существовать.

Дальнейшее археологическое изучение Мисриана несомненно даст новый материал для более углубленного изучения вопроса водоснабжения одного из крупных средневековых городов Туркменистана.

Керамика IX—XI вв.

Поливная керамика IX в. встречается на поверхности городища в незначительном количестве. Это так называемая керамика с «ишкорной» поливой. Характерная черта, отличающая ее,—желтая и черная роспись. На некоторых сосудах этого времени имеется куфическая надпись; один фрагмент миски покрыт двусторонней ишкорной поливой, венчик ее сильно отогнут наружу. Судя по сохранившейся части,

миска с наружной стороны украшена растительным орнаментом, а внутри — цветком и кувфической надписью.

Поливная керамика X—XI вв. встречается гораздо чаще, чем керамика IX в. Это тарелки, блюда, пиалы, небольшие

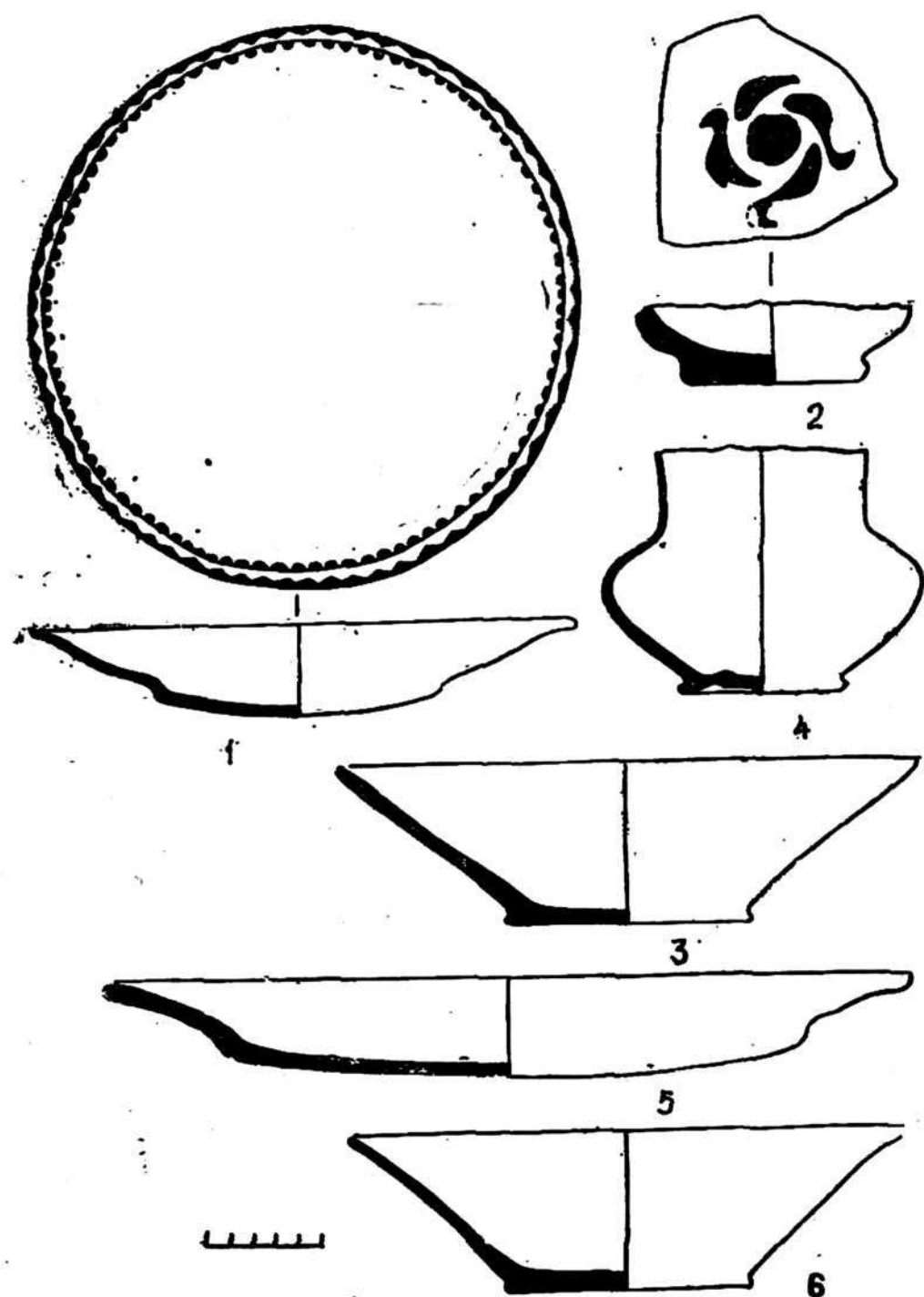

Рис. 2. Поливная керамика IX—XI вв.

кувшины, светильник и т. д. (рис. 2), найденные при сборе подъемного материала на раскопках к северу от минарета XI в. и под полом общественного здания вдоль водоема.

Тарелка (рис. 2, 1) с опрокинутой стенкой найдена в яме под полом общественного здания, датируемого X—XI вв. Внутренняя сторона ее покрыта черной росписью по всей окружности в два кольцевых ряда. Наружная линия выполнена зубчатым орнаментом, а внутренняя—в виде крупных точек; в середине — пятнистый черный орнамент. Известный специалист поливной керамики домонгольского времени О. Г. Большаков отмечает, что керамика с зубчатым бордюром в Нишапуре появляется в начале IX в., а в Маверенахре она начала изготовляться в IX в. и употреблялась в течение всего X в. [7, с. 7].

Сосуды аналогичной керамики найдены в Шехр-Исламе, Новой Нисе, Чугондоре, средневековых городах Туркмении, в Самарканде и т. д.

Чаша с дисковидным поддоном (рис. 2, 2) внутри украшена зооморфным изображением: одна утка и три стилизованных фигурки, по всей вероятности, тоже утки. Групповые изображения уток или кур встречаются на керамике IX—X вв.

Чаша (рис. 2, 3), покрытая белой поливой, снабжена дисковидным поддоном. Аналогичная чаша широко известна на всей территории Южной Туркмении.

Небольшой кувшин (рис. 2, 4), покрытый белой поливой, имеет раздутое туловище. Поддон у него выемчатый, что характерно для сосудов X—XI вв.

Таким образом, все вышеописанные керамические изделия аналогичны другим, найденным в средневековых городах Туркмении и за ее пределами, в частности, при раскопках средневекового города Нишапур (столица Сельджукского государства при Тогрул-беке).

Отвечая на вопрос, кто у кого заимствовал эту керамику — Самарканд у Нишапура или наоборот, О. Г. Большаков отмечает, что сходство сложилось в результате заимствования отдельных элементов [7, с. 212].

Блюдо — открытый плоский сосуд с прямым вертикальным или наклонным отгибом края бортика. Одно из них (рис. 2, 5) найдено в яме под полом общественного здания и покрыто зеленой поливой. По форме оно аналогично вышеописанной чаше.

Другая чаша, покрытая зеленой поливой (рис. 2, 6), имеет дисковидный поддон и прямой вертикальный бортик.

Таким образом, на поливной керамике IX—XI вв. не менее трех видов глазури. Наиболее ранняя керамика покрыта

желтой низкокачественной глазурью (так называемая «ишкорная» полива).

Другой вид глазури — белесовато-молочного цвета с нанесенными черно-коричневыми росписями, а иногда красными.

Третий вид глазури — бледно-зеленый, прозрачный, без дополнительного орнамента. Найдено несколько экземпляров неполивной керамики IX—XI вв.

Среди неполивных глиняных изделий имеется котел с раздутым туловищем и коротким бортиком и фрагменты чаш сферической формы, обломки толстостенных хумообразных сосудов, крышки к ним и т. п.

Керамика XII—начала XIII вв.

Керамика рассматриваемого периода представлена в большом количестве. По технологическим признакам ее можно разделить на поливную и неполивную.

Поливная керамика — чаши, миски, небольшие широкогорлые кувшины, светильники (рис. 3). Каждый из вышеперечисленных сосудов имеет свой подтип. Большинство предметов поливной керамики однотипны, покрыты зеленой, иногда голубой поливой. Встречается керамика, покрытая белой непрозрачной поливой, орнаментированная черной росписью, очевидно, переходящая из предыдущего периода. К поливной керамике также относятся архитектурные изразцы, покрытые бирюзовой поливой. Наряду с бытовыми сосудами встречаются украшения — бусы и подвески, покрытые голубой глазурью. Абсолютное большинство этих украшений изготовлено из кашина.

Чаши представлены в нескольких экземплярах (рис. 3, 7), в основном покрыты голубой поливой без особого выделения орнаментальных росписей, с невысоким кольцевым дисковидным поддоном с вогнутым краем.

Кувшины в основном средней величины. Покрываются двусторонней поливой: обычно снаружи — зеленая, а внутри — голубая. Встречаются и с вдавленным орнаментом в виде цветов на плечике кувшина. Аналогичные сосуды найдены при раскопках в других городищах Южной Туркмении — Шехр-Исламе, Чугондоре.

Светильник рассматриваемого времени по форме делится на две категории: 1) с длинным носиком для фитиля, плоским поддоном и петлевидной ручкой (рис. 3, 3, 15); 2) с чашеобразным основанием и кольцевым поддоном (рис. 3, 4). В середине чашеобразного основания сделана цилиндрическая стойка, на которой прикреплен резервуар светильника; уплощенная ручка соединяет резервуар с его основанием. Ана-

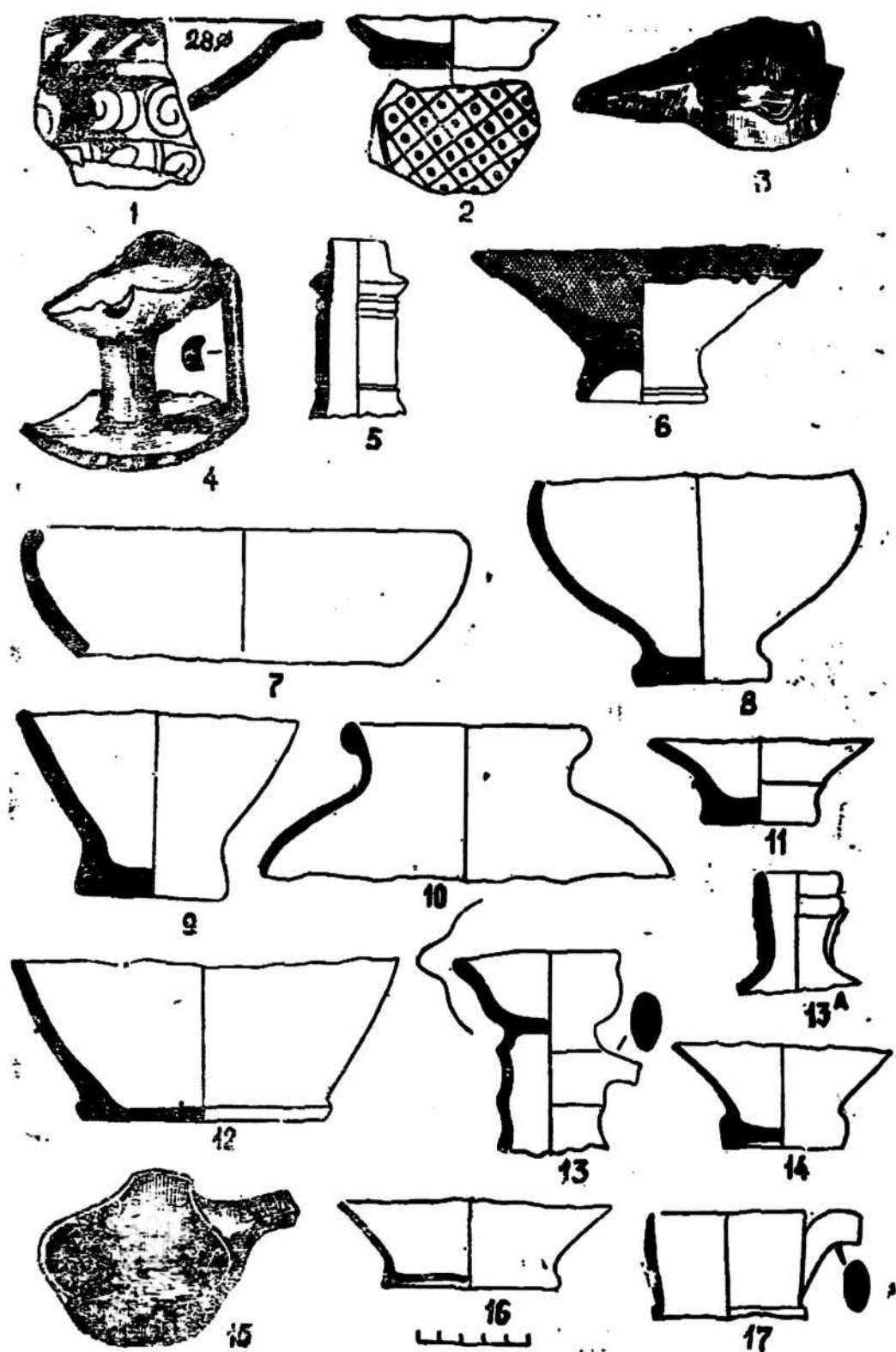

Рис. 3. Поливная керамика XII—начала XIII в.

логичные светильники найдены в Новой Нисе [11, с. 69], Шехр-Исламе, Чугондоре и других средневековых городах Северного Хорасана.

Кашинная керамика. Среди многочисленных находок керамических изделий Мисриана за последние годы следует отметить полуфаянсовые сосуды, так называемую «кашинную керамику» (рис. 4). Они были собраны как на поверхности¹, так и при раскопках шахристана и каравансарая, расположенного в восточном пригороде Мисриана [2, с. 69].

Кашинная керамика разнообразна по цвету, форме и орнаментации.

Выделяются следующие группы кашинной керамики Мисриана: 1) с голубой, синей, белой стекловидной глазурью, без орнамента; 2) с белой глазурью и темно-зеленой, коричневой и синей росписью; с растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом; 3) с люстровой росписью золотого оттенка, с геометрическим, растительным и эпиграфическим орнаментом, а также с зооморфными и антропоморфными изображениями.

Керамические изделия первой группы различаются по форме и величине. Здесь мы видим узкогорлые сосуды, чаши, миски, блюда и т. п. различного профиля. Многие — на высокой кольцевой ножке. Большинство керамических изделий выполнено на высоком художественном уровне, изящны и красивы; встречаются и толстостенные сосуды, уступающие по качеству тонкостенным.

Вторая группа представлена сосудами открытых форм: миски, тагарообразные сосуды и чаши. Они снабжены плоским бережком, загнутым вовнутрь. Венчик этих сосудов в разрезе напоминает треугольник. В большинстве случаев керамика украшена темной и темно-синей росписью. На стенках некоторых сосудов встречаются эпиграфические надписи, рельефные узоры. Растительный орнамент имеет стилизованный характер. Распространен и спиралевидный орнамент. Немалый интерес представляют чаши с ажурным орнаментом.

К третьей группе относятся открытые и закрытые сосуды с люстровой росписью коричневого цвета. Мотив узоров разнообразен.

Неполивная керамика. Керамика указанного периода разнообразна по форме и назначению. Здесь небольшие широкогорлые кувшины, узкогорлые сосуды, фляги, хумчи, сфероконические сосуды и т. п. Широкогорлые небольшие

¹ Сбор кашинной керамики, сделанный археологом А. А. Марущенко в 1930 г., хранится в фонде Отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР.

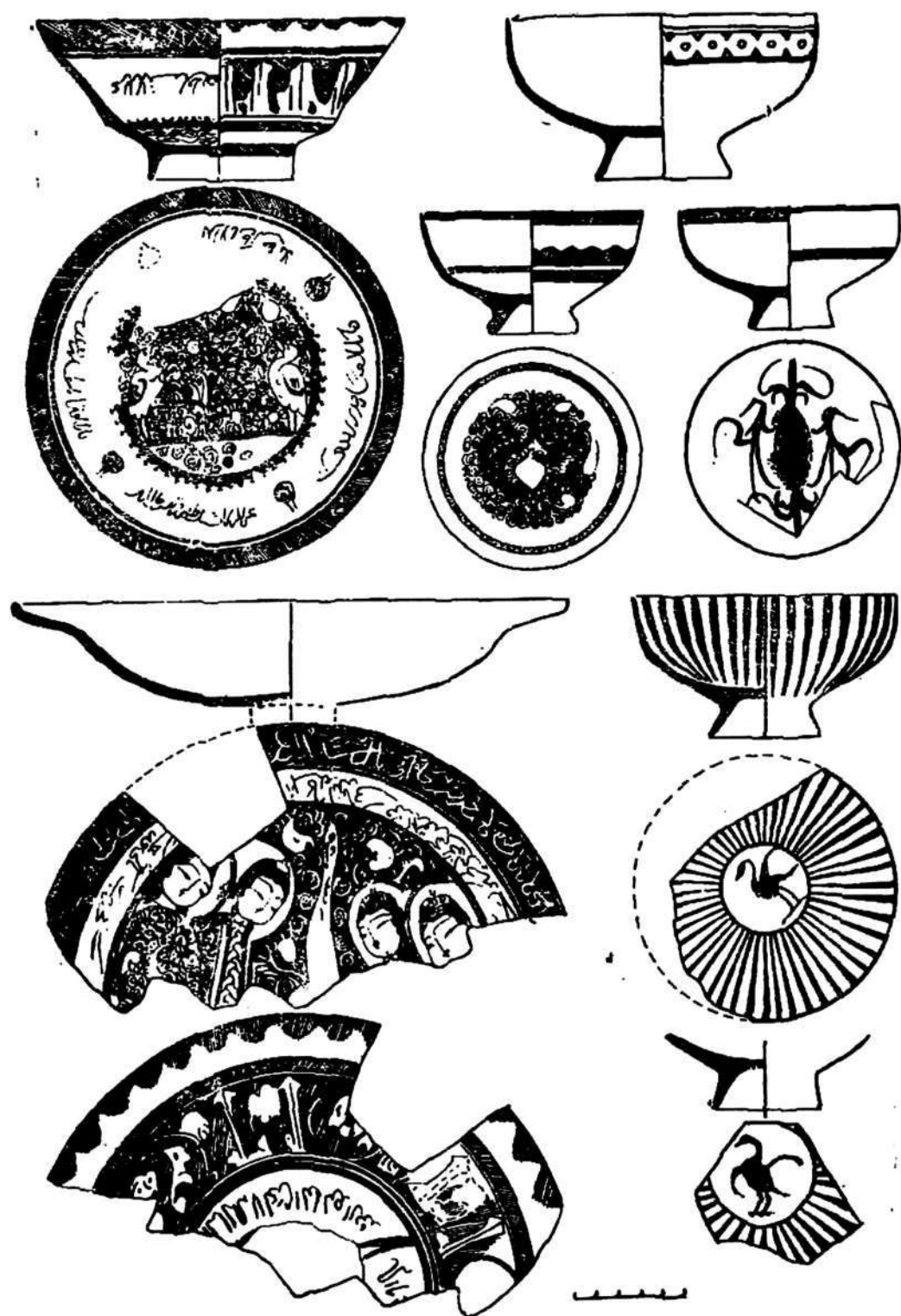

Рис. 4. Кашинная керамика XII—XIV вв.

кувшины представлены несколькими экземплярами. Большинство — во фрагментированном виде. Один из них сохранился целиком. Он имеет плоский поддон, раздутое туловище, до-

вольно высокое горло и прямой венчик, однако без всякого орнамента.

Среди находок имеются сосуды с узкой горловиной, украшенной ободками.

Хумчи — средней величины широкогорлые сосуды без орнамента, с короткими бортиками и молоткообразным венчиком. К неполивной керамике относятся и сфероконические сосуды со штампованным и прочерченным орнаментом. Говоря о сфероконических сосудах, следует отметить, что в пригороде Мисриана была раскопана керамическая печь для обжига. Светильники — с невысоким носиком и горизонтальной ручкой в виде коротких уплощенных пластинок. Среди находок Мисриана и крышки для хумчи, хумов и небольших широкогорлых сосудов. Фляги в Мисриане встречаются реже, чем на Шехр-Исламе и Чугондоре. Это объясняется тем, что Шехр-Ислам и Чугондор имели оживленные связи с кочевыми племенами. Очевидно, такие сосуды пользовались спросом у кочевников.

Керамика конца XIII—XIV в.

Керамика рассматриваемого периода в основном найдена в жилых помещениях, раскопанных на шахристане. Это — чаши, тарелки, пиалы, покрытые беловойтой поливой и украшенные подглазурным прочерченным орнаментом, иногда с желтовато-зеленой росписью. Здесь встречаются спиралевидные узоры, треугольники, а иногда — шестиугольные звезды. Техника украшения керамики несложна: острием инструмента (деревянного или костяного) наносили нужный орнамент на влажный ангобообразный сосуд, а затем покрывали его глазурью.

Исследователи отмечают, что аналогичным методом украшалась средневековая керамика Азербайджана [13, с. 25—26; 16, с. 254—255]. Поливная керамика с желтовато-зеленым оттенком, украшенная гравировкой, встречается также среди археологического материала Узбекистана. Исследователи Узбоя обнаруживают некоторое сходство поливной керамики Узбоя со средневековой керамикой Азербайджана [15, с. 25—26].

К рассматриваемому времени относятся архитектурные облицовочные плиты с белой и голубой глазурью. Встречаются образцы в виде шестиконечной звезды. Немалый интерес представляет фрагмент архитектурного изразца, покрытого бирюзовой поливой с подглазурным изображением какого-то хищника (волка?) (рис. 5). Описываемый фрагмент найден в западном пригороде Мисриана и не сопровождается какими-либо комплексными находками. Однако абсолютное

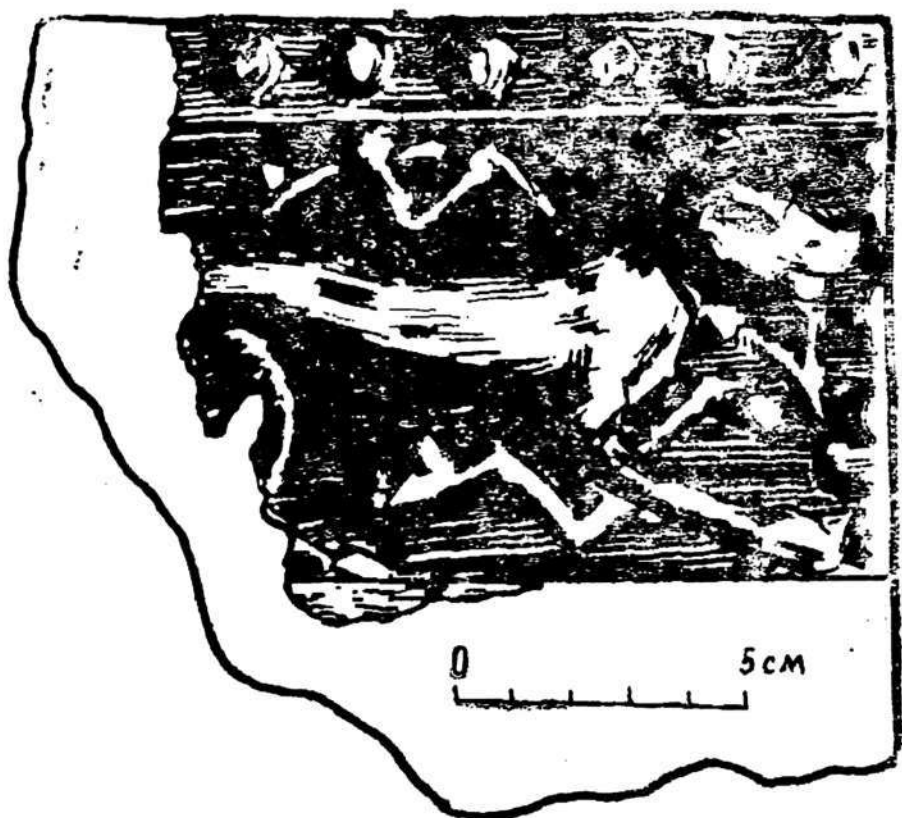

Рис. 5. Облицовочная плитка с изображением хищника (волка).

большинство изразцов, покрытых бирюзовой глазурью с рельефным орнаментом, датируется XIV в.

К поливной керамике относятся кашинные изделия, обнаруженные при раскопе общественного здания у южных ворот города.

Неполивная керамика. Керамику рассматриваемого периода можно разделить на несколько групп: кувшины, фляги, хумы, сфероконические сосуды, крышки сосудов, светильники, фонари переносные и т. д.

Кувшины (рис. 6) с высоким горлышком имеют кольцевой венчик, отогнутый наружу, от плечика до венчика украшены процарапанным вертикальным орнаментом, образующим ромбовидные клетки. На одном из них (рис. 6, 1—2) нанесен волнообразный узор. У всех кувшинов круглая в сечении ручка. Некоторые сосуды украшены фрагментами поливной керамики, нанесенной на влажную глину еще до обжига. Аналогичный метод орнаментации известен и в других средневековых городах Южной Туркмении. Орнамент напоминает инкрустирование металлических сосудов, распространенное в Сасанидскую эпоху. Неполивная керамика с аналогичным

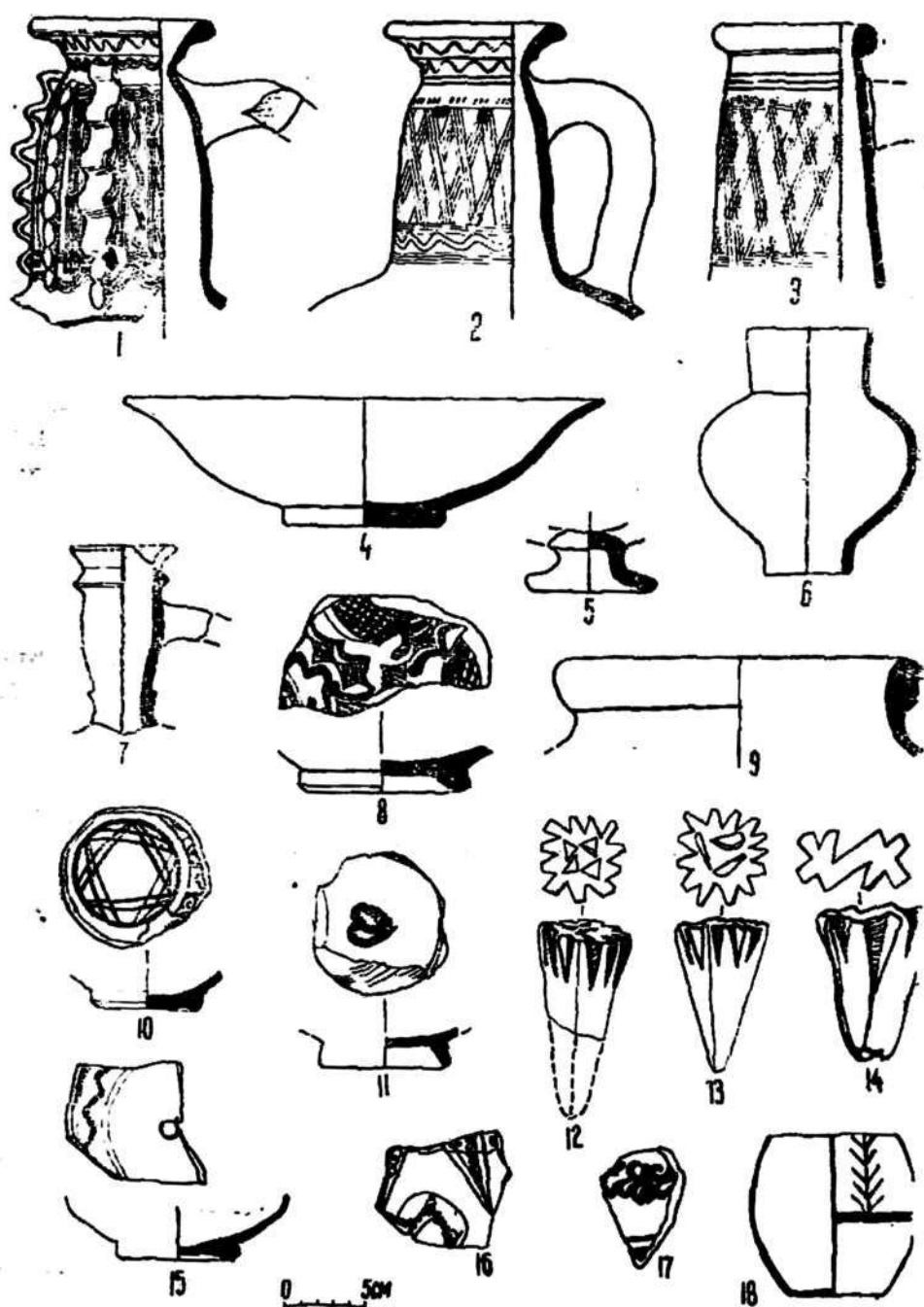

Рис. 6. Керамика XII–XIV вв.

орнаментом известна за пределами Туркменистана. Так, сосуды, украшенные битой керамикой, найдены на Байлакане в Азербайджане [5, с. 193].

Среди неполивных сосудов Мисриана встречаются красноглиняные хумы с процарапанным и гравированным орнаментом. На некоторых из них имеется орнамент в виде кру-

жочков. Такой орнамент, охватывающий верхнюю половину хума, по всей вероятности, имел ритуальный характер.

Металл. В результате археологических исследований за последние годы было найдено значительное количество металлических предметов. На городище и в пригороде найдены следы металлообработки. Встречаются большие куски железных шлаков и криц (необработанный кусок железа), свидетельствующие о значительном спросе городского населения на железные предметы.

Из железа делали орудия труда и различные украшения. Оно шло также на чеканку монет. В значительной степени железо применялось при изготовлении глазури для поливы керамических бытовых предметов и архитектурных облицовочных плиток.

Гвозди. Железные гвозди встречаются почти во всех раскопках жилых и общественных зданий. Они различаются по форме и величине. Например, гвозди с круглой шляпкой молотообразной формы. При раскопках у стен водоема обнаружены железные предметы, по всей вероятности, служившие дверным набором. Аналогичные железные наборы найдены в свое время на Нисе. По описанию М. Е. Массона, они датируются XII—началом XIII в. [11, с. 73].

Некоторые гвозди, найденные в Мисриане, забиты в деревянные стойки и балки. Это свидетельствует о широком применении в средние века железных гвоздей.

На сохранившемся южном минарете Мисриана посередине имеется деревянный пояс, обитый также железными гвоздями. Их использовали при закреплении ступенек винтовой лестницы, ведущей на вершину минарета.

Ножи. В Мисриане найдены ножи двух видов — с прямым и согнутым лезвием, применявшиеся в повседневном обиходе. Ножи с кривым или согнутым лезвием использовались как орудие труда ремесленников, например, при пошиве обуви. При обследовании городища на поверхности был найден крупный железный предмет, но из-за плохой сохранности восстановить его прежнюю форму и назначение затруднительно.

Ножи в основном имели деревянную ручку, хотя не исключается, что на некоторых были дополнительные украшения. Например, нож с согнутым лезвием, найденный на полу восточного коридора, кроме деревянной ручки имел металлический ободок.

Хотя в Мисриане целого котла пока не найдено, но, судя по находкам в других средневековых городах, бронзовые котлы широко использовались в быту. Некоторые исследователи утверждают, что они служили в основном для приготовления пищи, но не исключено, что в них окрашивали шерсть и дру-

гие ткани. На территории Туркменистана найдено несколько бронзовых котлов. В 1968 г. в Серахсе на средневековом поселении Ясы-депе найден клад бронзовых предметов, в том числе и бронзовые котлы. Такие котлы имеются в коллекции школьного краеведческого музея колхоза им. Энгельса Тахта-Базарского района. Большинство из них украшено снаружи и по краям. Таким образом, вряд ли все котлы предназначались для приготовления пищи. При раскопках Мисриана обнаружены обломки бронзовых чаш, встречающиеся гораздо реже, чем керамические бытовые предметы. Очевидно, в средние века металлической посудой пользовалась элитная часть горожан, а остальное население имело керамическую посуду.

Среди металлических предметов имеется и несколько экземпляров железных ложек. Ручка ложки обычно украшена несложным узором, а иногда лишь отдельными насечками. Некоторые ложки служили ювелирным инструментом в качестве тигля.

Известно, что в средние века бронзовые зеркала составляли предмет домашней утвари, некоторые из них найдены в Мисриане.

В музее средней школы №3 Кизыл-Атрекского района, в 17 км от Мисриана, хранится рама от зеркала. На обратной ее стороне — арабско-куфическая надпись и изображение льва. Судя по стилю, оно датируется X—XI вв., когда куфическая надпись получила широкое распространение.

Среди металлических предметов Мисриана имеется несколько экземпляров игл (темен — крупная игла), для шитья обуви и верхней одежды. При раскопе на шахристане и на поверхности городища обнаружено 4—5 экземпляров бронзовых наконечников стрел. К числу бронзовых предметов также относится форма калиб (рыба), найденная на поверхности городища; бронзовая пряжка из конской упряжи. Аналогичные предметы встречаются и в других средневековых городах Средней Азии и Кавказа. Так, например, они были найдены в Варахша [14, с. 45] и Орен-кала в Азербайджане [17, с. 19].

Украшения представлены подвесками разной формы. Грушевидные подвески на лицевой стороне украшены рельефным растительным орнаментом. Они имеют ушки для подвешивания. Аналогичные подвески найдены на средневековых городищах Шехр-Ислам [4, с. 9] и Чугондор, которые датируются XII—XIII вв. Другой вид украшений — кольца. Различаются кольца со щитком и без него. Так, например, при раскопе жилого помещения XIV в. найдены два кольца со щитком и несколько без него. На одном из колец — кварц, украшенный бирюзовой поливой. Среди металлических предметов

встречаются изображения рыб, очевидно, подвески. Одна из них выполнена чеканкой, а другая—ковкой. Эти предметы найдены на поверхности городища, но данных об их датировке нет. Однако в средние века изображения рыб использовались породскими ремесленниками. В частности, рыбу изображали на керамических сосудах, датируемых X—XIV вв.¹ Сосуды с подобным изображением найдены в Мисриане, Шехр-Исламе и других средневековых городах Северного Хорасана. Таким образом, бронзовые предметы с изображениями рыб следует датировать XII—XIV вв.

Не меньший интерес представляет изображение птиц (орла), найденное на поверхности городища. Орел, по всей вероятности, был прикреплен на крышку сосуда или на ручку светильника.

Два предмета, напоминающие шахматные пешки, по всей вероятности, — серьги, так как на них имеются ушки для подвешивания, а на одном сохранилась круглая застежка. Они найдены на поверхности городища и поэтому их затруднительно датировать.

Найдено изображение быка, изготовленное путем отлива. У него четко выраженные глаза и рога. Судя по сохранившейся части, бык был сборным из нескольких соединенных частей. Предмет найден при раскопках общественного здания, и на основе керамического материала его можно датировать XII—XIII вв.

Другой металлический предмет — изображение льва, с четко выявленной головой и хвостом. Это ручка какого-то сосуда, так как у найденных кашинных форм ручки выполнены в виде льва. Такие сосуды датируются XII—XIII вв.

Бубенчики — излюбленный вид украшения. Нижняя часть их имеет резной язычок, а внутри расположены шарики, которые звонят. Найдено несколько бронзовых ложечек, по всей вероятности, инструменты ювелира или кузнеца. Ручка одной из них крученая. Такая миниатюрная ложечка могла быть тиглем для драгоценных металлов — золота или серебра.

Следует отметить наличие бронзовых стрел с длинными черешками, которые нанизывали на камыш или дерево. Заостренный конец имеет сердцевидную или полуовальную форму.

Определенный интерес представляет бронзовый замок в виде стилизованного осла или лошади (?). Судя по сохранившейся части, замок состоял из двух частей. К сожалению, половина его потеряна. На сохранившейся части—рельефный орнамент и эпиграфическая надпись.

¹ Фонд Отдела археологии.

Бронзовые замки в виде различных животных известны из археологических памятников Среднего Поволжья и Прикамья, прежде принадлежавших тюркоязычным народам [8, с. 91].

Помимо вышеописанных, имеются и другие металлические находки, назначение которых пока не установлено.

Стекло. Наряду с керамикой и металлическими изделиями на городище Мисриан нередко находят и стеклянные предметы. Из стекла изготовлены миниатюрные сосуды, так называемые «аптекарские», большие чаши с воронкообразным поддоном, графины, рюмки. Они разнообразны не только по форме, но и по величине, назначению и цвету. Встречаются стекла зеленого, белого, темно-желтого и синего цветов.

Среди стеклянных предметов Мисриана выделяются чаши с утолщенным венчиком. Несколько таких чаш найдено в круглой яме под полом общественного здания, раскопанного на шахристане.

Использование стеклянных чаш в эпоху средневековья подтверждают аналогичные находки из других средневековых городов Туркменистана и за его пределами. В частности, на городище Новая Ниса и ее пригороде [9, с. 373—381].

Судя по фрагментам, среди стеклянных предметов имеются графины, от которых сохранились лишь горлышко и ручка.

При раскопках на поверхности городища обнаружены фрагменты рюмок. Одна из них найдена в 1978 г. у городской стены Мисриана, где было подсобное помещение. Эта тонкостенная рюмка снабжена дисковидным основанием. Аналогичная рюмка найдена на средневековом поселении Дашлыджаде и датируется XI—XII вв. [3, с. 86].

От графинов и бокалов сохранились ручки. Различают два их вида: уплощенная, с вдавленным жгутом, и круглая. Аналогичные ручки широко распространены на Шехр-Исламе, Нисе, Хауз-Хане, в Мерве и других средневековых поселениях Туркменистана.

Среди стеклянных предметов за последние два года при раскопе общественного здания на шахристане найдены миниатюрные сосуды. Они имеют высокое горлышко, раздутое туловище и невысокий утолщенный поддон. Такие сосуды могут быть использованы в качестве аптекарских. Представляет интерес сосуд из желтого стекла восьмигранной формы. Аналогичный найден в средневековом поселении Дашлыджаде вблизи ж. д. ст. Талхатан-баба, датируемый домонгольским временем [3, с. 86].

Распространенный вид стеклянной посуды — бокалы, обломки которых встречаются среди археологических находок

города. Найдены и высокие горлышки от кувшинообразных сосудов.

Таким образом, стеклянные сосуды свидетельствуют о широком применении этого вида ремесла среди населения Мисриана.

Камень. Среди каменных изделий встречаются кухонная посуда, точильный камень и предметы украшения: подвески, бусы и глазки для колец и перстней.

В средневековые широко распространена каменная кухонная посуда. Об этом свидетельствует сажа с наружной ее стороны. Каменная посуда, по всей вероятности, была дорогостоящим предметом, ее неоднократно ремонтировали. Это характерно для всех средневековых городов и сельских поселений.

По данным письменных источников, в Хорасане около иранского средневекового города Нукана изготавливали каменные сосуды и отправляли в другие города для продажи [12, с. 183].

Из камня делали различные подвески. Они были найдены при раскопках караван-сарая и жилых домов. Подвески были из белого кварца обычно с бирюзовой поливой. Среди каменных подвесок встречаются кулаковидные формы. Аналогичные ранее были найдены в Шехр-Исламе.

Предметы из кости. Среди археологических находок Мисриана много предметов из кости. Некоторые найдены при раскопе общественного здания. Найдено несколько костяных предметов с изображением петуха [2, с. 76].

В 1979 г. при расчистке южного коридора обнаружены рогообразные предметы со следами распила. Однако их происхождение не выяснено. Вот некоторые сведения, приведенные ал-Бируни. У Бируни был предмет, называемый «хуту» — рог носорога. Этот предмет имелся у китайцев и восточных тюрков. Хуту, по рассказу ал-Бируни, запотевает при приближении к нему яда [6, с. 195]. Имеются сведения, что один хорезмиец делал из него рукоятки ножей и клинков и в Мекке продавал за большие деньги.

Другой предмет из кости изображает змею. Он был найден в культурном слое XIV в. Очевидно, его использовали в качестве амулета. Наряду с другими предметами встречаются пуговицы с изображением кружочков. В разные годы на Мисриане найдены заготовки костей для изготовления различных поделок, а также каури разных размеров. Выделяются три типа каури: мелкие, в виде змеиной головы, бабочкообразные и крупные. Мелкие встречаются чаще. Туркмены называют их «йылан-келле» и носят как женское и детское украшение. Считается, что они предохраняют от дурного

глаза. При раскопе общественного здания каури находили в полу помещения. Вероятно, их специально клали между кирпичами. На некоторых каури имеются искусственные отверстия для подвешивания. Жители Кызыл-Атрекского района рассказывают, что раковинами каури украшали свадебные ковры.

Интерес людей к каури известен с давних пор. Его находили еще в древнеземледельческих поселениях эпохи неолита и бронзы. Считалось, что царь, который его носит, не подвергается действию яда или болезни [6, с. 469]. Объясняя название «камень змеи», ал-Бируни пишет: «Его название относится к змее по двум причинам: он помогает от укуса змеи, если растереть его с молоком или вином и выпить. В книге о драгоценных камнях говорится, что камень змеи приносит пользу ужаленному, если его подвесить на шею. Вторая причина в том, что он рождается в теле змеи и оттуда извлекается: его хранили в дни Хосроев среди других целебных средств» [6, с. 194]. По рассказу Бекге Геокова (53 года, житель селения Ковшак Кызыл-Такыра в Центральном Каракумах), среди ташаузских номутов до сих пор существует азартная игра «печиз», в которой пользуются раковиной каури.

В 1980 г. при раскопе восточного коридора на полу найдены две средней величины ракушки бабочкообразной формы. Подобные встречаются и сейчас у берега Каспия. При сборе подъемного материала найдены 3 большие раковины.

Ал-Бируни пишет, что индейцы пользуются каури вместо мелких денег и играют на них в азартные игры [6, с. 127]. Такими раковинами украшаются поводья верблюдов и лошадей. К ним относятся раковины величиной с яйцо, поверхность которых покрыта красными точками [6, с. 127]. Раковины с закрученными вправо узорчатыми завитками встречаются редко и ценятся дорого, поэтому их посылали в дар царям [6, с. 127].

По сведениям ал-Бируни, одна из разновидностей раковины называется «вад». Она — небольшая по размеру, белого цвета. У арабов-бедуинов молодые девушки нанизывают их на нитку и носят на руках и ногах. Ал-Бируни пишет, что при отделении жемчужины раковина ломается и остается не больше половины, которая пригодна для инкрустации [6, с. 131]. Раковины каури, как мелкие, так и большие, очень ценились, с ними были связаны различные культовые обряды.

Подводя итоги археологических исследований на Мисриане, следует отметить, что за последние годы получен ценный материал, характеризующий уровень культуры крупного средневекового города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V—XIII вв.). — Автореф. канд. дис. Л., 1977.
2. Атагарриев Е. Раскопки 1972 г. на городище Минриан. — В кн.: Каракумские древности, вып. 6. Ашхабад: Ылым, 1977.
3. Атагарриев Е., Пилипко В. Н. Средневековое поселение Дашлыджа-депе. — КД, 1977, вып. 6, рис. 5, 1.
4. Атагарриев Е. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1965, № 1.
5. Ахмедов Г. Неполивная керамика Орен-кала IX—XII вв. — МИА, 1959, № 67.
6. Бируни Абу-райхан Мухамед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. Большаков О. Г. Поливная керамика Мавереннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. — Канд. дис. Л., 1954.
8. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
9. Давидович Е. А. Стекло из Нисы. — ТЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад: ТФАН СССР, 1949.
10. Курылев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М.: Наука, 1976.
11. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 г. — ТЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад: ТФАН СССР, 1949.
12. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939.
13. Наджафова Н. Художественная керамика Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964.
14. Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
15. Юсупов Х. Керамика со средневековых поселений Узбоя. — В кн.: Материальная культура Туркменистана, вып. 2. Ашхабад: Ылым, 1974.
16. Якобсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала). — МИА, 1959, № 67.
17. Якобсон А. Л. Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г. — В кн.: Средневековые памятники Азербайджана (Орен-калинской) археологической экспедиции. Т. 3. М.—Л.: Наука, 1965.

А. Бабаев

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЖИЛОЙ ДОМ НА ЯРТЫ-ДЕПЕ

Летом 1979 г. археологической экспедицией ТГУ им. А. М. Горького под руководством автора продолжены раскопки на средневековом поселении Ярты-депе у ж. д. станции Душак, начатые в 1978 г. Цель раскопок — выяснение планировки построек верхнего строительного горизонта поселения.

Раскоп в размере 10×10 м заложен на западе поселения к северу от раскопа 1978 г. На глубине 15—17 см оказался

дерновый слой, в котором не сохранилось следов постройки, а обнаружены лишь фрагменты поливной и неполивной керамики.

Дальнейшее углубление раскопа привело к вскрытию жилого дома, состоявшего из нескольких помещений. Дом по форме близкой к прямоугольнику, размеры—около 7×9 м, построен из сырцового кирпича нестандартных размеров (30×30×5; 30×27×6; 29×29×5; 26×24×5; 23×23×5 см) на глиняном растворе. Местами на стенках сохранилась глиняная штукатурка с соломой из нескольких слоев. Сохранившаяся высота стен—25—40 см. На отдельных участках они вовсе разрушены.

Дом состоит из 6 помещений (рис. 1), группировавшихся вокруг узкого коридора. Выход из дома расположен в юго-восточной стене коридора, который ведет на общий двор поселения.

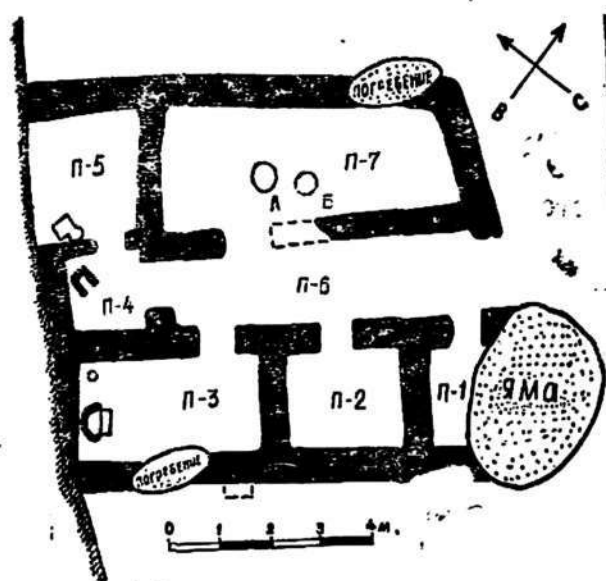

Рис. 1. План-схема раскопа жилого дома на Ярты-депе.

Коридор под номером 6 (рис. 1) имеет неправильную прямоугольную форму. Ширина его на восточном конце—1,5 м, к западу он сужается до 1,2 м. Длина более 6 м. На полу коридора найдены обломки чаш с зеленой, молочной и коричнево-желтой поливой. На дне одной

из них подглазурная роспись геометрического характера. Имеется несколько фрагментов небольших неполивных сосудов кашинной керамики и крупная бронзовая ложка-половник (рис. 3, I, 1).

Коридор — связующее звено, жилого или хозяйственного назначения не имел. Юго-западную сторону его занимают расположенные в один ряд три небольших прямоугольных помещения.

От помещения 1 сохранилась лишь западная половина. Стены и пол восточной его части разрушены большой ямой более позднего времени. Очертания ямы близки к кругу, глубина — 1,2 м. Она заполнена крупными комками обго-

релой до красноты глины. Назначение ямы остается неизвестным. Ширина помещения у сохранившейся северо-западной стены—2 м. На полу найдены фрагменты поливной и неполивной чаш, кашинной керамики и неполивных кувшинов. Особый интерес представляют фрагменты верхней части неполивного кувшина со штампованным орнаментом. Среди находок имеется железный гвоздь с уплощенной головкой (рис. 3, II, 8) и часть железного крючка (рис. 3, II, 19).

Выход в коридор расположен в северо-восточной стене, ширина его—78 см. Неполная сохранность помещения затрудняет определение его характера.

Помещение 2 расположено посередине юго-западного ряда. Оно имеет почти квадратную форму, размеры—2,2×1,9 м. Пол ровный, натоптанный. Находки состоят из венчиков и донцев поливных чаш, черепков кашинного сосуда, поливной и неполивной тагары, а также крупного неполивного сосуда. Здесь также найден венчик бронзовой чаши (рис. 3, I, 7) и ручка бронзовой лопаточки (кепгир), применяемой при приготовлении плова (рис. 3, I, 9). Через проход шириной 70 см в северо-восточной стене помещение сообщается с коридором. Отсутствие очага или другого отопительного сооружения на полу свидетельствует о нежиллом характере помещения. По-видимому, оно использовалось как хозяйственное.

Помещение 3—крайнее в описываемом ряду. В отличие от предыдущих оно имеет продолговатую форму и размеры—1,9—2,0×3,2 м. Северо-западная стена помещения, в том числе и всего дома, прослеживается с внутренней стороны, а местами разрушена полностью, поскольку расположена на краю поселения. Часть юго-западной стены помещения тоже разрушена поздней могильной ямой. На полу, ближе к западному углу, расположен своеобразный очаг в виде круглой ямы, вырытой в земле, которая расширяется книзу. Внутренняя поверхность ямы тщательно выглаживалась, затем обмазывалась глиной толщиной в 1 см. Под воздействием сильного огня обмазка выгорела и образовала твердую корку. Устье очага, выполненное глиняным жгутом диаметром 10—12 см, возвышается над уровнем пола на 10 см. Диаметр устья очага—58, дна—65, глубина—52 см. Он обогревался костром, разведенным на дне. Очаг имеет специальное поддувало из керамических труб, нижний конец которого открывается у основания северной стены очага, а верхний — выходит на поверхность земли на расстояние 50 см от устья. Он заполнен золой, находок нет. Позже круглый очаг был заброшен и на его месте появился прямоугольный наземный очаг из глины. Толщина стенки—8—12 см, сохранившаяся высота—10, ширина—23, длина—36 см.

Аналогичные очаги, врытые в землю или наземной конструкции, с воздуходушными каналами или без них встречались в жилых и хозяйственных комнатах средневековых городищ Чугундор (XIII—XIV вв.) [1], Миссариян (XIII—XIV вв.) [2] и в поселениях Хорезма хорезмшахского периода [3]. Некоторые авторы считают, что круглые очаги служили для выпечки лепешек. Но не исключено и другое их назначение.

Выход в коридор из помещения 3 находился в северо-восточной стене шириной 80 см. На полу обнаружены обломки поливных чаш, неполивных узкогорлых и широкогорлых кувшинов, хума, тагары (рис. 2, 19), крышка крупного сосуда, кварцевая бусина миндалевидно-граненой формы и бронзовая ложка. Резервуар ложки глубокий, ладьевидный, уплощенно-граненая ручка прикреплялась к середине бокового бортика резервуара (рис. 3, I, 14). Помещение было жилым, но одновременно там приготавливалась пища и, может быть, занимались домашним ремеслом.

Помещение 4 расположено в конце коридора. Его планировка ближе к квадратной, размеры — 1,5×1,5 м. По сравнению с другими, северо-восточная стена помещения узкая. Она воздвигнута из одного ряда кирпичей. Пол ровный, натоптанный. На полу, ближе к северному углу, расположен п-образный очаг из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Устье очага ориентировано на юг, его длина—43, ширина—19 см. Сохранившаяся высота стенок—7 см при толщине 5 см. Очаг использовался недолго, свидетельство тому — слабое опаление стенки и пола, а также отсутствие скопления золы вокруг него.

В помещении два прохода. Один, шириной 88 см, ведет в коридор. Другой, шириной 70 см, в северо-восточной стене, соединяет его с соседними помещениями. На полу помещения найден черепок поливной чаши с подглазурной росписью, донце чаши с голубой глазурью, донце поливной тарелки, нижняя часть поливного кувшина. Тагара с зеленой поливой (рис. 2, 20), черепок сосуда со штампованным орнаментом и верхняя половина водоносной фляги. Последняя имеет приземистую форму, тулово выпуклое, плечи крутые. Две петлеобразные ручки горизонтально прикреплены на верхней части тулова. Между ручками на плече сосуда имеется единственное отверстие—круглый водосливной носик. Диаметр носика—4 см, длина—3 см, край оформлен манжетообразным валиком. Верхняя часть фляги украшена прочерченным орнаментом в виде стилизованного колоса. Такие сосуды обычно имеют плоский поддон, они удобны для прикрепления к седлу верховых животных и, вероятно, использовались в качестве до-

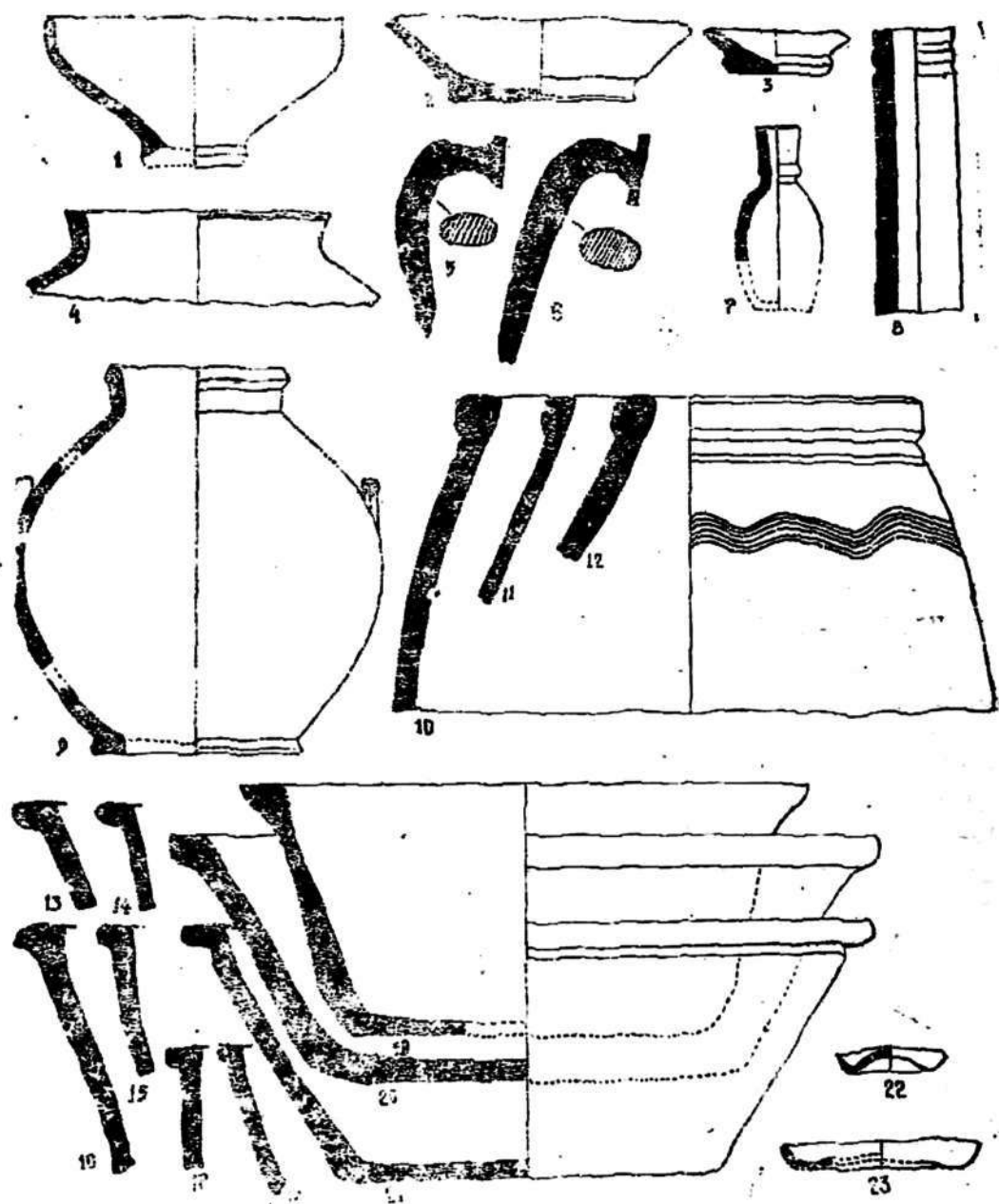

Рис. 2. Керамика.

рожных емкостей. Аналогичные сосуды по форме и орнаментации найдены в левобережном Хорезме на памятниках, датруемых XII—началом XIII в. [4]. Здесь найдены также фрагменты сероглиняного кувшина, верхняя часть футляра чирага (рис. 2, 8) и каменного котла. Последние лежали на дне очага. Среди находок имеются — обломок ручки бронзовой ложки (рис. 3, I, 11), бронзовая ложка с круглым неглубоким резервуаром (рис. 3, I, 16), обломки железных серпов (рис. 3, II, 3—4) и большой полукруглый железный предмет (рис. 3, II, 9); размеры, внутреннее оформление и

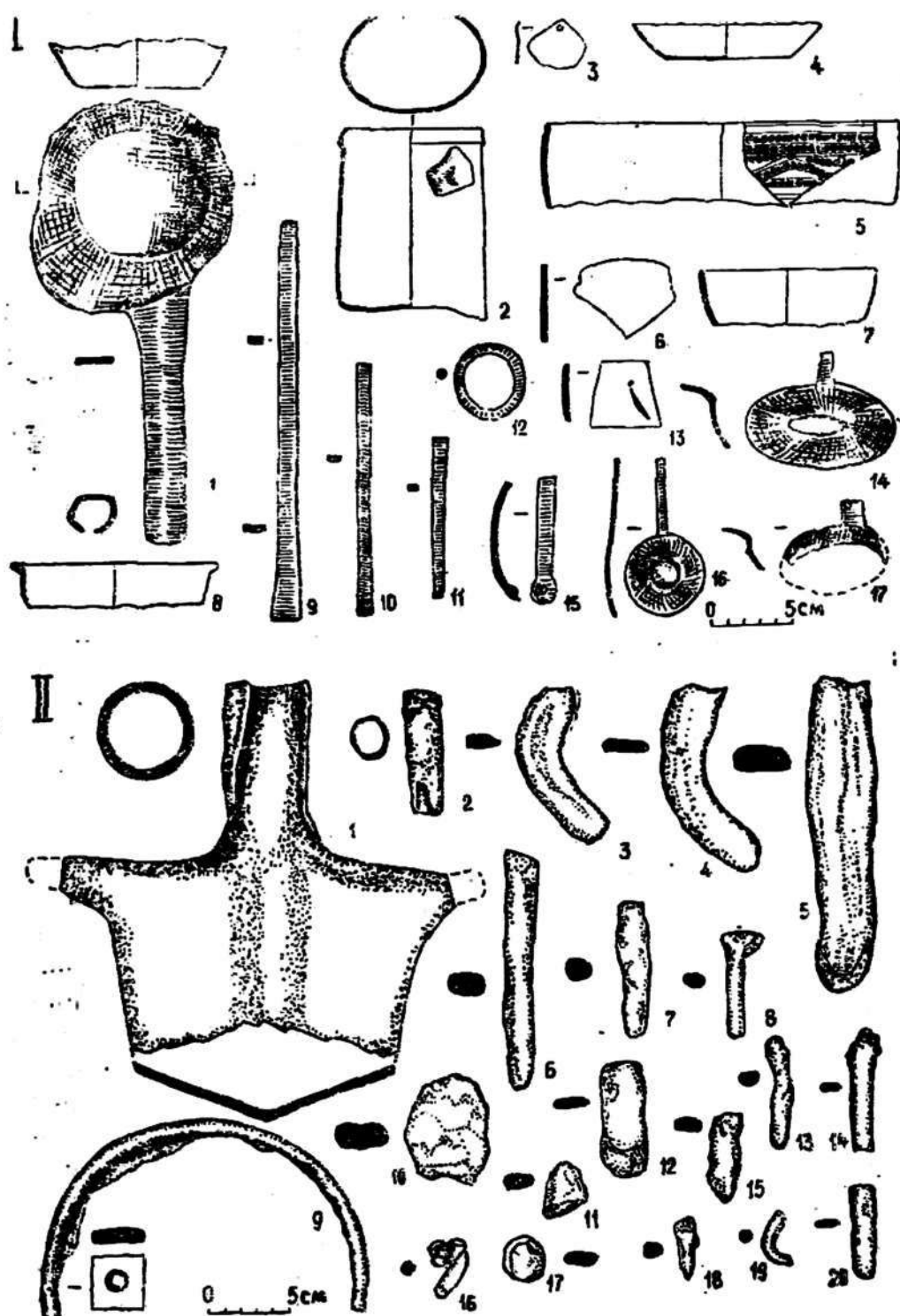

Рис. 3. Металлические изделия.

находки свидетельствуют о хозяйственном назначении помещения.

Помещение 5 занимает северо-западный угол дома.

Оно не сообщается с коридором непосредственно, но из него в коридор можно выйти через помещение 4. Из-за плохой сохранности стенки ее размеры точно не установлены. На полу, у южной стены, своеобразный очаг с круглой топкой диаметром 15 см. Ромбовидная предочажная площадка, играющая роль устья, расположена к северу от топки. Очаг сделан из сырой глины, толщина стенки—12—16 см. Пол предочажной площадки под откосом углубляется к югу и достигает наибольшей глубины у топки (13 см). Стенки очага обожжены до красноты. Он заполнен золой. По-видимому, очаг имел две функции: в круглой топке удобно ставить круглодонный каменный котел для приготовления пищи; предочажную площадку можно наполнить горячей золой для отопления помещения.

Находки состоят из обломков чаш с зеленой, в единичном случае с голубой и коричнево-желтой поливой. Имеются фрагменты поливных чаш с подглазурной росписью. Роспись нанесена темной, а свободное пространство заполнено белой и желтой красками. Характер орнамента геометрический и растительный. Глазурь бесцветная. Встретился черепок кашинного сосуда с растительным орнаментом, нанесенным кофейно-коричневой краской по белому фону. Безглазурную керамику в помещении составляют венчики тагары, верхняя часть широкогорлого кувшина (рис. 2, 4) и донца узкогорлых сосудов. Кроме того, здесь найдены бронзовая ложка с глубоким ладьевидным резервуаром (рис. 3, I, 17), обломок железного ножа (рис. 3, II, 20), железный прут (рис. 3, II, 6) и железный наконечник деревянного пахотного орудия—сошник (рис. 3, II, 1). Описанное помещение—одно из жилых.

Помещение 7 занимает северо-восточную сторону коридора; планировка его ближе к прямоугольной: длина—5,6, ширина у юго-восточной стены—1,95, у северо-западной—2,5 м. Пол ровный, натоптанный, в двух местах обнаружены следы опаления — места для керамических жаровен (рис. 1, П, 7, А, Б). Находки этого помещения богаты и разнообразны. Они состоят из большого количества черепков поливных и неполивных чаш (рис. 2, 1—3), поливных и неполивных тагар (рис. 2, 13—18, 21), венчиков, ручек и донцев широкогорлых и узкогорлых неполивных кувшинов (рис. 2, 5—6) и хумов (рис. 2, 10—12). Среди находок имеются обломки небольшого изящного широкогорлого кувшина с прозрачной зеленой поливой снаружи (рис. 2, 9), черепок сосуда со штампованным орнаментом, неполивной чираг, верхняя часть флакончика из кашинной керамики (рис. 2, 7), донца стеклянных сосудов (рис. 2, 22—23), предметы из бронзы: резервуар крупного половника, кольцо (рис. 3, I, 12),

венчик чаши (рис. 3, I, 5), подвеска (рис. 3, I, 3), обломок железного кинжала (рис. 3, II, 5), втулка (рис. 3, II, 2) и головка гвоздя (рис. 3, II, 17).

Помещение 7 через дверной проем в юго-западной стене сообщается с коридором. Ширина его не установлена в связи с разрушением. Судя по большим размерам, характеру находок, отсутствию очага или тамдыра для приготовления пищи и наличию следов отопительных керамических жаровен можно утверждать о парадном характере помещения. По-видимому, оно служило комнатой для приема гостей.

Подробное описание комплекса керамики этого слоя поселения, найденной в ходе раскопок 1978 г., дано в сборнике «Новые археологические открытия в Туркменистане» за 1981 г.

Таким образом, перед нами дом, принадлежавший состоятельной семье, в котором имеются жилые комнаты (П-3, П-5), гостиная (П-7) и хозяйственные помещения (П-1, П-2, П-4). Жилые дома с аналогичной конструкцией строились в сельских поселениях Хорезма в эпоху хорезмшахов [5]. По монетным находкам и характерной керамике, найденной в ходе раскопок, этот дом датируется XXII—началом XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атагарриев Е. Раскопки на городище Чугундор. — Каракумские древности, 1968, вып. 2, с. 44.
2. Атагарриев Е. Раскопки на городище Шехр-ислам и Миссернан. — Каракумские древности, 1979, вып. 8, с. 81.
3. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XVI вв.). М., 1976, с. 89.
4. Бишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. — Мат-лы Хорезмской экспедиции, 1963, вып. 7, с. 55.
5. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XVI вв.), с. 55.

Н. С. Бяшимова

ЭВОЛЮЦИЯ ОРНАМЕНТА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА IX—XI вв. (по материалам Мерва)

Экономическая основа средневекового прикладного искусства в Средней Азии — развитие ремесел, характерных для города феодальной эпохи. Художественные ремесла имели не только экономическое, но и эстетическое значение: обслуживая различные слои феодального общества, они в зна-

чительной мере формировали и определяли специфику художественной культуры своего времени.

Глазурованная керамика, занимавшая значительное место в материальной культуре средневековой Средней Азии, постоянно привлекает внимание исследователей и нередко является важным датирующим материалом, особенно при недостатке или отсутствии монет или иных точно датирующих находок.

Археологические исследования средневековых городищ Южного и Юго-Западного Туркменистана дали значительные сборы керамики, немалую долю которых составляет глазурованная керамика. Однако в большинстве публикаций ее изучение носит описательный характер, керамика рассматривается как элемент археологических комплексов, а анализ художественного оформления в аспекте специфики и эволюции орнаментики почти отсутствует.

В данной статье предполагается проанализировать приемы декорирования, основные разновидности композиций и их орнаментальные элементы на материалах глазурованной керамики из двух шурфов, заложенных автором в 1979 г. в керамических отвалах рабада Мерва, где в IX—XII вв. располагались керамические мастерские [15, с. 217 и сл.].

Художественное оформление самого массового вида ремесленных изделий — керамики на территории Туркмении внедрялось в IX—XII вв. с возрастающим успехом. Античность, славившаяся здесь высоким искусством коропластики, почти не применяла художественной обработки бытовых керамических изделий, довольствуясь разнообразием и изяществом посудных форм. Последующее же развитие феодального художественного ремесла ознаменовано декоративным обогащением бытовой керамики.

Начиная с IX в. в керамике Хорасана и Хорезма, как повсюду на Среднем Востоке, осуществляется разработка совершенно новых технологических приемов и орнаментальных принципов. С конца IX в. новые творческие искания связаны в странах Востока с открытием глазури.

Первоначально в керамике средневековой Туркмении появляется простейшая поташно-щелочная глазурь. Она не очень прочна, чуть тускловата по цвету, не обладает достаточным блеском и поэтому технические поиски идут по линии разработки иных глазурных составов [21, с. 133].

В X в. наряду с поташными, широкое применение получают глазури свинцовые и оловянные. Последние плотны, но непрозрачны, они успешно используются для однотонных сплошных покрытий, но непригодны для многоцветных расписных изделий. В наибольшей же мере технологическим и

художественным требованиям отвечала свинцовая глазурь — прозрачная, бесцветная, с блестящей поверхностью, которая наилучшим образом может быть употреблена в керамике монокромной и расписной. Прозрачность этой глазури требует нанесения красок не на глиняный черепок, а по белому ангобу. Красками служат различные минеральные земли и металлические окислы.

X столетие ознаменовано блестящим расцветом поливной керамики по всей Средней Азии, где в эту пору возникает ряд крупнейших центров керамического производства, определяющих творческие направления нескольких художественных школ. В Северном Хорасане такими центрами были Мерв, Ниса, Шехр-Ислам, Дехистан. Наиболее подробно изучены мервские и шехр-исламские гончарные печи и глазурованная керамика IX—XII вв. С. Б. Луниной [15, с. 217 и сл.] и Е. Атагарьевым [1; 2, с. 7]. Нисийская поливная керамика IX—X вв. получила отражение в статье М. Е. Массона [16, с. 10 и сл.].

Основная поливная группа X в. — полива, близкая к поташной. Основные виды: 1) грубовато-темно-зеленая; 2) желтовато-коричневая; 3) мраморовидная с желтыми, зелеными и белыми потеками. Преобладающие формы сосудов — чаши, с округляющейся вовнутрь закраиной и плоским поддоном; глубокие тарелки, с аналогичным сечением стенок; кувшины, с крутыми плечиками, широкой горловиной и плоским дном. Орнаментация полихромной керамики — отвлеченные (в радиальном от центра расположении) узоры, или зооморфные мотивы (преимущественно изображения птиц).

В X—XI вв. характерно применение светлых ангобов.

Приемы декорирования глазурованной керамики IX—XI вв.

Глазурованная керамика рассматриваемого периода в основном ангобирована, затем расписана. Ангобом покрывалась внутренняя и частично у венчика внешняя поверхность открытых сосудов, очень редко — с обеих сторон полностью. Закрытые сосуды ангобировались только с внешней стороны. Ангобирование усиливало яркость и чистоту красок росписи. Цвет ангобного покрытия — белый (светло-желтых и розоватых оттенков), красный, серовато-розовый, черный. Белый ангоб — главенствующий. Роспись на него наносилась как одноцветная, так и многоцветная.

По серовато-розовому ангобу — полихромная роспись, по красному — белая, по черному ангобу — только белая.

Введение ангоба способствовало увеличению многообразия полихромной и монокромной росписи, улучшало технические качества изделий.

Процарапанный узор по ангобу

Процарапанный орнамент на ангобированной поверхности—один из ранних типов. Он создавал резкий цветовой контраст, который достигался процарапыванием ангоба до черепка. Во второй половине IX—X вв. основная масса керамики с процарапанным узором без росписи покрывалась зеленой глазурью. Процарапанный по ангобу и покрытый зеленой глазурью орнамент довольно часто встречается во всем Южном Туркменистане.

К этому типу посуды относятся несколько чаш на плоском дне (диаметр — 6—7 см) и чаши с прямыми венчиками (диаметр—15—18 см). Они декорированы процарапанным линейным орнаментом в виде кругов и завитков. Глазурь, попадая в глубину линий, создает впечатление их окрашенности в более темный цвет. Наружная поверхность свободна от декора и глазури (рис. 1, 11).

Позже, в XI—XII вв., этот тип орнаментации более разнообразен как в мотивах, так и в цветовой гамме. Здесь на процарапанный узор по белому ангобу нанесена прозрачная бесцветная полива с зелеными, желтыми и коричневыми потеками глазури.

К этому периоду X—XI вв. относится небольшая чаша на плоском дне (диаметр—5,5 см) с чуть загнутым вовнутрь венчиком (диаметр—12 см). На внутреннюю поверхность ее по белому ангобу нанесен прочерченно-линейный орнамент в виде косой сетки. Полива прозрачная с желтыми и зелеными потеками глазури (рис. 1, 15). Пиала, также относящаяся к этому типу, имеет плоское дно (диаметр—4,8 см), чуть загнутый вовнутрь венчик (диаметр—10 см). Как и чаша, пиала покрыта белым ангобом и прозрачной бесцветной глазурью с зелеными, желтыми и коричневыми потеками. Орнамент процарапанный, делит всю внутреннюю поверхность на четыре неравных сегмента, два из которых заполнены волнистыми линиями, а два других—более свободны и имеют только завиток и волнистую линию. Вся композиция замкнута тремя концентрическими линиями под венчиком. Потеки коричневой, желтой и зеленой полив придают пиале мягкий золотистый колорит (рис. 1, 14).

Фрагмент открытого сосуда (диаметр венчика—28 см) также относится к типу с процарапанным орнаментом под мраморовидной поливой. Здесь орнамент сложнее, чем на предыдущих сосудах, и по технике исполнения, и по мотивам орнаментации. Имитация эпиграфического орнамента и догоса жгутообразного орнамента исполнены процарапыванием ангобной поверхности; между полосами, имитирующими

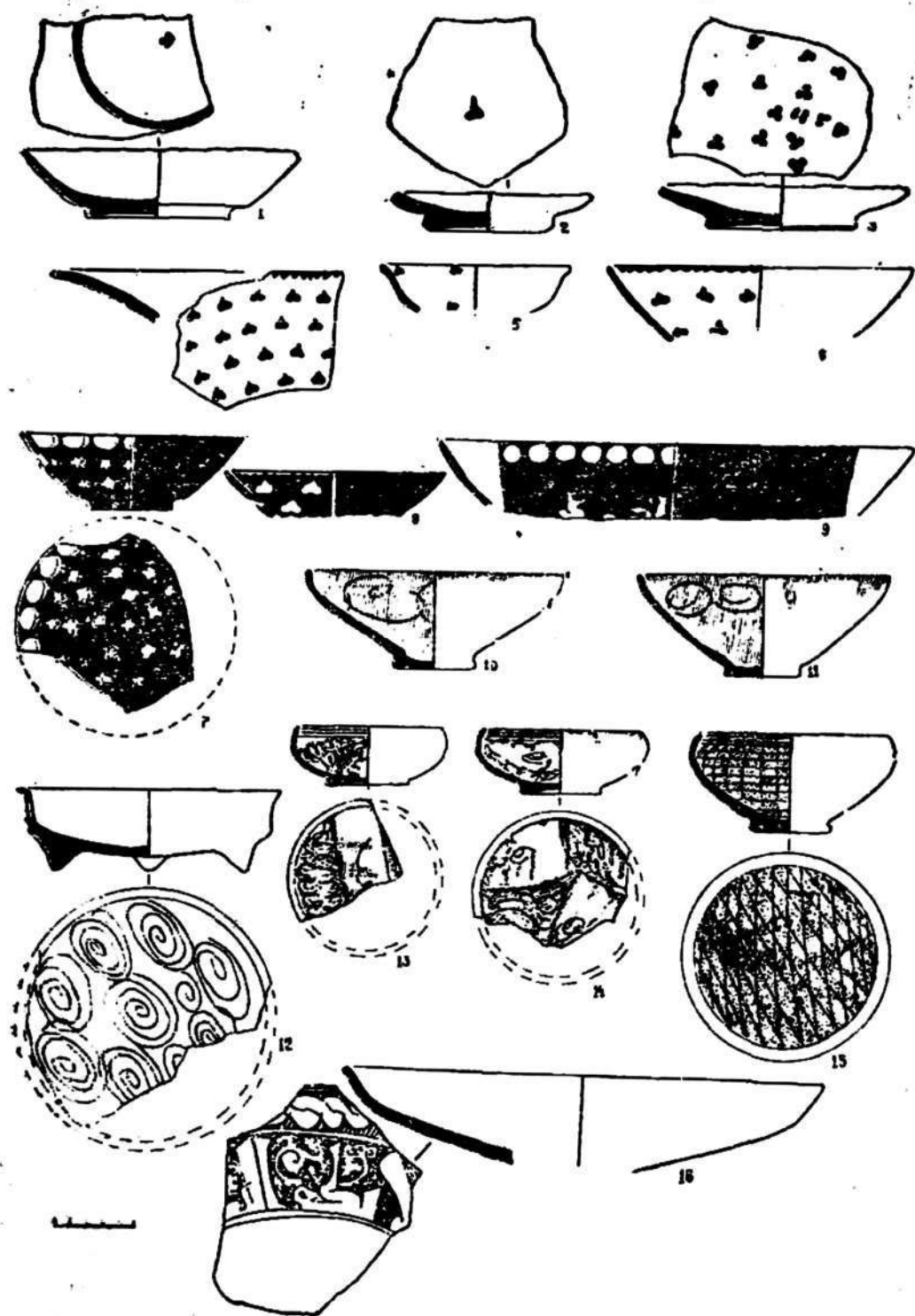

Рис. 1. Глазурованная керамика с процарапанным узором по ангобу.

буквы, и жгутом нанесены косые штрихи и завитки спирали (рис. 1, 16).

Роспись красками по ангобированной поверхности

Чаши, миски и пиалы с плоским дном (диаметр—6—11 см) с закругленными стенками, венчиками, заканчивающимися отогнутым вовнутрь или наружу краем (диаметр—11—19 см), относятся к этой группе. Здесь по черепку наносилась трехцветная роспись желтой, зеленой, черной красками. Орнаментация: 1) отвлеченная—узоры расположены радиально от центра (сетчатый, пятнистый, полосчатый); 2) зооморфные мотивы (преимущественно изображения птиц). Роспись темно-зеленой и лимонно-желтой красками с черными контурами придает сосуду грубоватый вид.

Роспись красками по ангобированной поверхности

Эта группа глазурованной керамики имеет несколько видов ангоба и росписи по нему. Рассматриваемая нами глазурованная керамика из Мерва включает следующие виды:

Светло и темно-коричневая роспись по белому ангобу. Сосуды, ангобированные белым ангобом с различными цветами росписи, — наиболее многочисленны. В Мургабском оазисе, как и во всех пунктах средневекового Южного Туркменистана, часто встречается коричневая роспись по белому ангобу. Роспись состоит из одной крапины в центре дна чаши, эпиграфического орнамента, стилизованной растительной орнаментации, зооморфных мотивов (изображения пернатых).

Черная роспись по белому ангобу. Значительная часть мервской керамики относится к этому виду. Здесь, как и в предыдущей группе, встречаются всевозможные виды орнаментации: пятна-сердечки, треугольники; эпиграфический орнамент; стилизованные растительные и зооморфные мотивы.

Одноцветная роспись с цветными пятнами по белому ангобу. Этот вид росписи довольно распространен. Орнамент выполнен черной, коричневой, болотно-зеленой красками, после чего наносятся зеленые, желтые, коричневые пятна. Если в одних случаях эти пятна дополняют общую композицию, то в других, — нарушают ее.

У среднеазиатских народов распространено применение цветных пятен на законченных керамических росписях. Как

отмечала Е. М. Пещерова, среди оседлого населения Средней Азии чрезвычайно широко распространено представление о том, что пятна оберегают от «сглаза» [19, с. 79]. Очевидно и средневековые художники-керамисты считали, что пятна предохраняли от «сглаза» сосуд и его содержимое.

Полихромная роспись по белому ангобу. Роспись в основном трехцветная: черная, зеленая, желтая; коричневая, зеленая, желтая; болотно-зеленая, коричневая, желтая; черная, коричневая, красная. Орнамент — геометрический (из полос, пересекающихся или переплетающихся между собой); растительный; зооморфный и антропоморфный.

Коричневая роспись по серовато-розовому ангобу. Этот вид росписи немногочислен, но выделяется мягкостью колорита. Орнаментация в основном зооморфная — пернатые.

Полихромная роспись по розоватому ангобу. Как и предыдущий вид, многоцветная роспись по розоватому ангобу встречается не часто. Орнамент в основном растительный, привлекает внимание мягкостью и живописностью колорита, создаваемыми легко нанесенными коричневыми и светло-зелеными мазками.

Белая роспись по красному ангобу. Красным ангобом покрываются внутренняя и внешняя поверхности чаш. Внутренняя поверхность расписывается поверх ангоба белой краской. Орнамент стилизованный растительный.

Белая роспись по черному ангобу. Черным ангобом, как и красным, покрываются обе стороны чаш. Достаточно часто применяется орнамент в виде трех пятнышек или «сердечек», а также эпиграфический орнамент.

Орнамент на глазурованной керамике Мерва IX—XI вв.

Орнаментация на глазурованной керамике Мерва включает несколько групп узоров с различными мотивами: геометрический, стилизовано-растительный, абстрактный, эпиграфический, зооморфный, антропоморфный. Каждая группа орнаментов как в отдельности, так и в комплексе образует композиции. Каждая часть корпуса керамического изделия заполнялась соответствующим орнаментом. В одних случаях вся поверхность расписывалась единым орнаментом, в других — мастер-художник делил поверхность изделия на отдельные площади-отсеки. Края, боковые поверхности и центр зачастую заполнялись различным орнаментом. Мастера-керамисты уделяли внимание украшению центра сосудов открытых форм.

Геометрический орнамент

Простейший и самый распространенный художественный вид геометрического орнамента — линии или полосы. Чаще всего они окрашены в темные цвета, что объясняется функцией линий (полосы) как окаймляющего и подчеркивающего элемента, хотя нередко линии и полосы исполняются в красочной гамме. Кроме окаймляющей они несут и разделяющую функцию.

При помощи линий создаются отдельные композиции, например, деление поверхности чаши на несколько отсеков или сплетение пучков линий. Приведем несколько примеров.

Фрагмент дна чаши. Судя по сохранившейся части, внутренняя поверхность емкости разделена на четыре части пересекающимися параллельными полосами с нанесенными между ними полосками зеленого цвета, проведенными довольно небрежно кисточкой. В каждой из четырех частей имеется орнамент (видимо, спаянные листья). Все линии проведены черной краской, на листья в виде пятен нанесены желтовато-коричневые полосы (рис. 2, 3).

Нередко встречаются композиции, образованные из пучков линий. На фрагменте чаши с плоским дном имеется роспись в виде переплетенных черных линий. Между ними небрежно проведены кисточкой чередующиеся желтые и зеленые полосы. Композиция состоит из переплетенных пучков линий и определенного начала не имеет (рис. 2, 1). На другом фрагменте чаши с плоским дном — также композиция из переплетающихся пучков линий, но в отличие от предыдущей, в этом фрагменте в центре дна черной краской проведен круг с зеленым пятном внутри. Пучки из четырех линий, переплетаясь между собой, отходят от центра к венчику. Здесь, как и на предыдущем фрагменте, между пучками проведены чередующиеся желтые и зеленые полосы (рис. 2, 2). Красочная гамма этих фрагментов одинакова, идентичны также элементы, создающие общую композицию, но различна их трактовка. Такие керамические изделия из Мерва датируются второй половиной X—первой половиной XI в. [15, с. 240—254].

Очень часто прямая полоса у венчика дополняется зубцами-треугольниками. Этот фрагмент был широко распространен в Средней Азии в средневековье. У туркмен этот орнамент известен под названием «туморча» или «догаджик», что означает «талисман», он до сих пор частый элемент вышивки и ковроткачества, имеет магическое значение оберега (рис. 1, 4, 6; 2, 10; 3, 10, 12).

Орнамент «туморча» или «догаджик» обычно у венчика наносится темным цветом сплошной полосой с зубцами-тре-

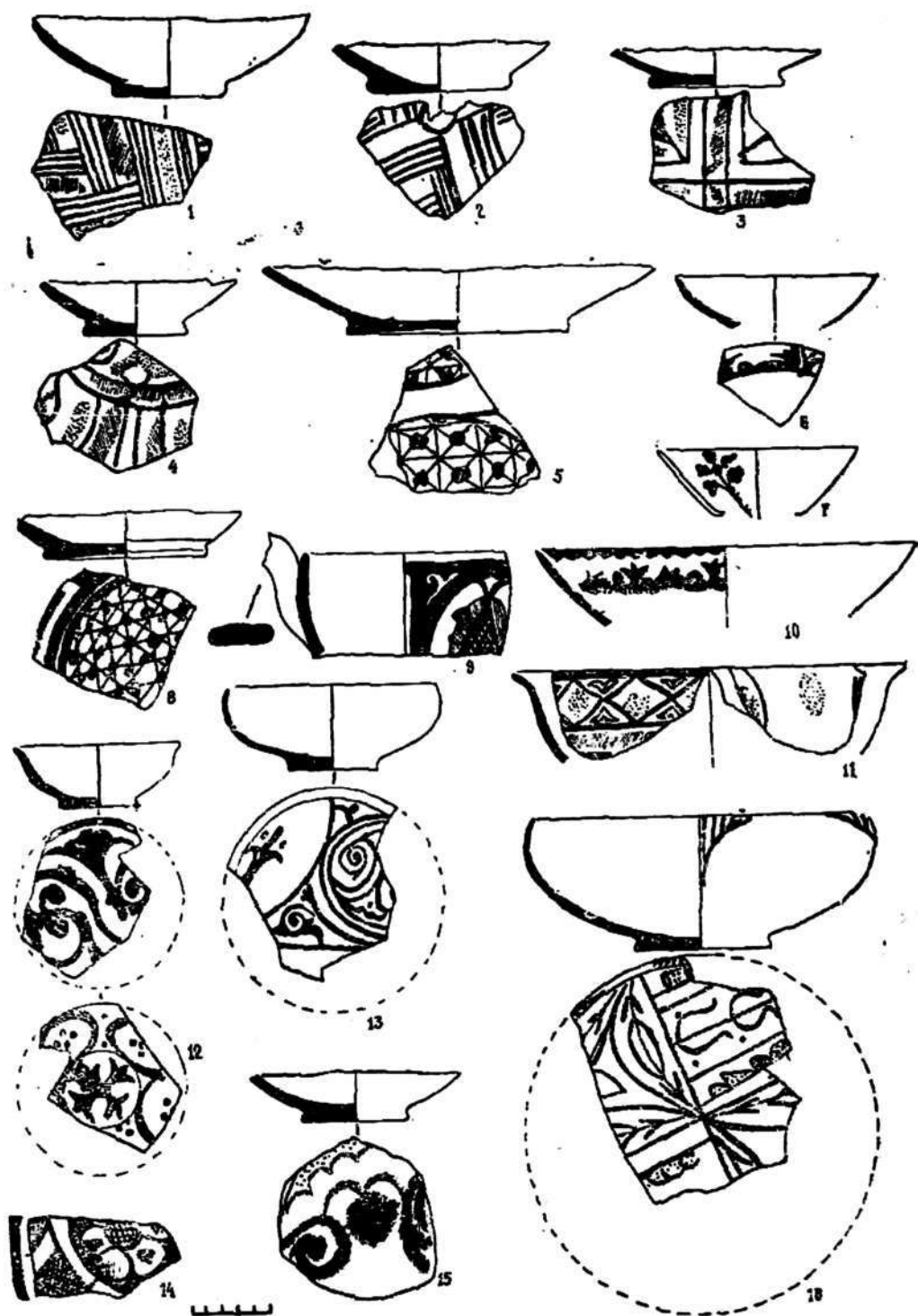

Рис. 2. Керамика с геометрическим орнаментом.

угольниками, иногда венчик этим орнаментом декорируется частично, со свободными промежутками между отрезками орнамента (рис. 3, 6).

В Мервском оазисе, как и в других областях средневеко-

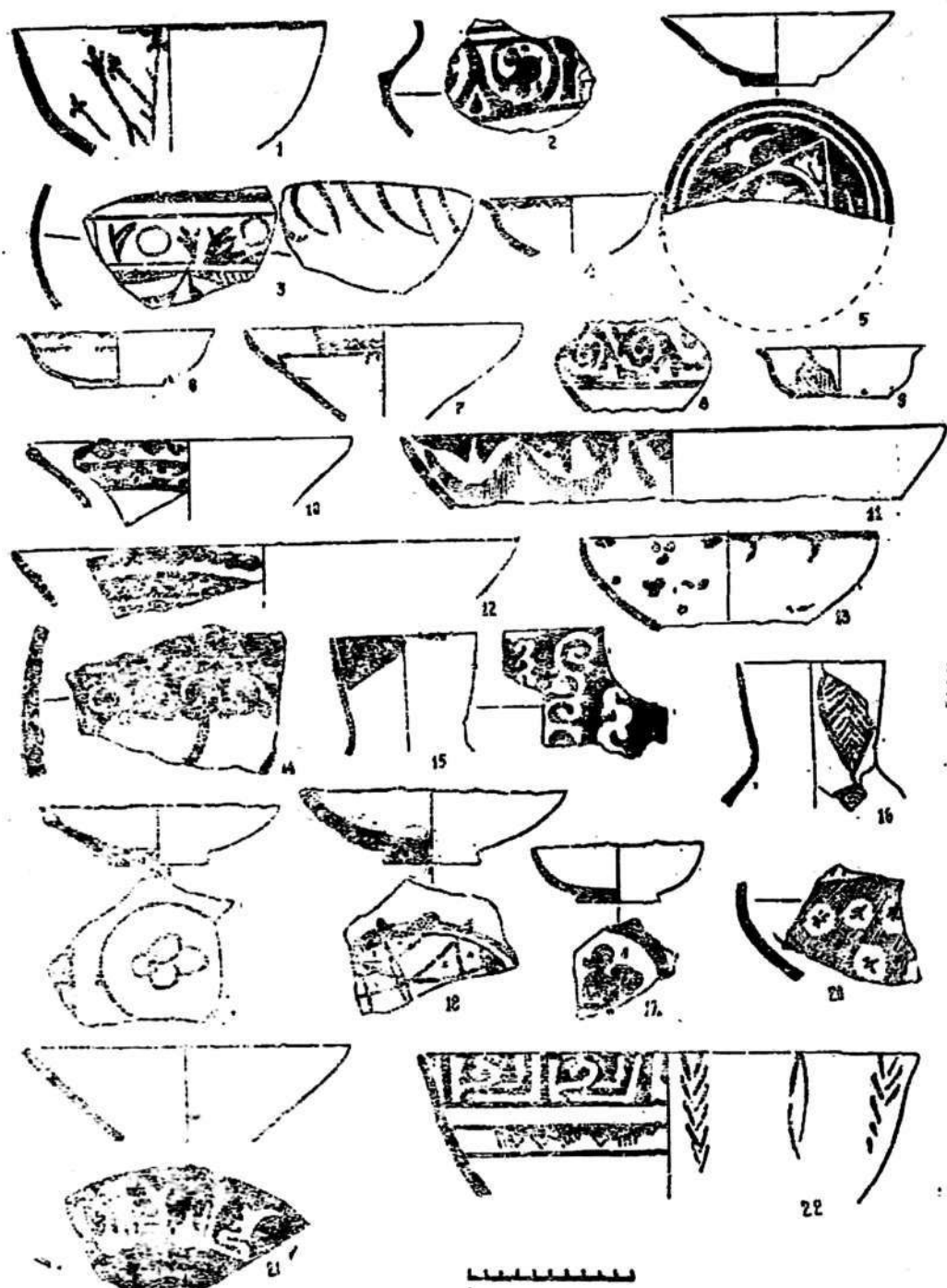

Рис. 3. Керамика со стилизованным растительным орнаментом.

вой Туркмении, бытовали различные композиции, в основе которых лежит ромб (рис. 2, 5, 8). Узор, основанный на такой структуре с шахматным расположением равноячейстой сетки,—типичный неограниченный орнамент, которым декорировалась как вся внутренняя поверхность чаши, так и частично дно или стенка. Таков, например, фрагмент дна, ангобирован-

ного белым с обеих сторон. Внутренняя поверхность расписана. Судя по оставшейся части композиции, двумя широкими черными полосами был выделен круг дна, в нем нанесена сетка, образующая ромбики, на пересечениях линий нанесены пятна. Сохранившаяся часть композиции расписана черной краской и покрыта зеленовато-желтой глазурью (рис. 2, 8).

На другом фрагменте чаши этот орнамент расположен как в круге дна, так и на бортике, также заключенном в круг. В отличие от предыдущего фрагмента, здесь пятна нанесены светло-и темно-коричневой красками (рис. 2, 5).

Композиция с ромбическим орнаментом встречена на фрагменте, где под венчиком на внутренней поверхности проведена широкая полоса с ромбами. Между крупными ромбами — стилизованные спаянные листочки. Этот орнамент напоминает полосу на нижней части тюбетеек туркменских девушек (рис. 2, 11).

Геометрический орнамент иногда представлен довольно сложной композицией, расположенной в центре чаш, пиал, мисок. Образованный переплетением различных фигур, он выделяется общим художественным замыслом и четкостью исполнения. Таков орнамент в виде шестиугольной звезды, образованной пересечением двух треугольников, причем каждая сторона треугольника переходит в другую, давая окруженный изгиб. С шестиугольной звездой по ее краю переплетен еще шестиугольник. В этом орнаменте заметно стремление к более плотному заполнению внутреннего поля: здесь и точки, и вытянутые маленькие овалы, и цветочек в центре. На другом блюде — подобным же образом построенная шестиугольная звезда, переплетенная по краю с шестилепестковой розеткой, а внутри — стилизованная надпись из трех букв. В другом случае, в пространстве, окруженном восьмиконечной звездой, образованной пересечением двух четырехугольников, размещена стилизованная птичка. Встречена в центре дна чаши композиция из двух сложнопереpleтенных овалов. На другой чаше — два наложенных один на другой овала с заостренными концами вписаны в круг, причем и здесь наблюдается стремление к максимальному использованию внутреннего пространства. Такие геометрические орнаменты обнаружены С. Б. Луниной во втором раскопе квартала средневековых керамистов, который относится к X—началу XI в. [15, с. 224].

Мотив в виде двух сплетенных овалов — древнейший, находящийся истоки в изображении на печати эпохи бронзы, где перевиты два змеевидных дракона [22, рис. 7]. Переработанный и утративший изобразительные черты сюжет, видимо, сохранял смысловое содержание, чем и объясняется его

жизнеспособность в течение тысячелетий. Этот орнамент в разных видах встречается и в Самаркандской керамике X—XI вв. [23, с. 58, табл. 20, 25].

Стилизованный растительный орнамент

Особую группу керамики Мерва составляют изделия, украшенные растительным орнаментом. По чистоте линий, нежности красок и композиционной полноте растительный орнамент на художественных керамических изделиях достигает высокого уровня. Растительный орнамент сопровождает изображения животного мира и мира пернатых, но он выступает и как самостоятельный элемент украшения различных сосудов. Мастер-керамист с большим вкусом стилизует растительный мотив, создает орнаментальный вид и различными техническими приемами подчеркивает его выразительность. Усиливающий общую гамму цвет придает торжественность даже простому рисунку. Растительные мотивы на керамических изделиях исполнены в свободной манере. Одна и та же растительная орнаментация на разных сосудах смотрится неповторимой.

Широко распространен орнамент в виде листа с четко выраженными прожилками (рис. 3, 9, 16). Этот орнамент, видимо, имитирует широко распространенный в средневековой Средней Азии узор—древо жизни, который имеет магическое значение. «Представление о древе жизни «дерехте хейат», по-видимому, было связано с зороастризмом, сохранившимся в одной из примет. Считается, что каждый лист «древа жизни» обозначает одного живого человека; лист медленно падает, когда человек умирает. Если при падении он задевает чей-либо лист жизни, то этот человек слышит звон в ушах» [10, с. 5].

Орнамент «древо жизни» мастера-керамисты изображали, по-видимому, как пожелание долголетия как владельцу, так и самому сосуду. Возможно, что полосы орнамента в виде кустиков на внутренней поверхности у венчиков чаш тоже имитируют орнамент «древо жизни». На некоторых фрагментах это — единственное украшение сосуда (рис. 2, 6), а иногда — часть композиции, где наряду с растительными мотивами имеются и геометрические элементы в виде параллельных линий, кругов (рис. 2, 10; 3, 3). Красочная гамма состоит из белой, черной, светло- и темно-коричневой красок, белым обычно бывает фон.

Большое место в декорировании стилизовано-растительной орнаментации занимают цветы-трилистники, состоящие из трех лепестков различной конфигурации.

Довольно выразительно и живописно исполнена роспись на фрагменте чаши, где изображены тянущиеся по стенке к венчику тонкие стебли с трехлепестковым цветком на вершине, с двумя загибающимися крайними лепестками. Цветок очень похож на тюльпан. Роспись нанесена темно-зеленой и коричневой красками на белый фон, который, благодаря растушевке зеленой краски, приобрел зеленоватый оттенок. Прозрачная чистая глазурь и нежно-зеленый колорит делают роспись на фрагменте живописной (рис. 3, 1).

Фрагмент тарелки, ангобированной белым и покрытой зеленовато-белой поливой, также имеет мягкий и живописный колорит (рис. 3, 11). Под венчиком и внутренней поверхностью проведена полоса темно-коричневой краской. Зеленовато-коричневой краской небрежно нанесены мазки, белый орнамент оставлен в виде цветов, напоминающих водяные лилии. Техника декорирования напоминает «резерв», но здесь фон нанесен при помощи кисти, а оставшиеся незакрашенными участки ангоба слагают орнамент.

Цветы изображались во всех композициях по-разному. На фрагменте чаши, ангобированной с обеих сторон красным, нанесены ряды белых круглых пятен, на которые кистью нанесены небрежные мазки, имитирующие цветы (рис. 3, 20).

На фрагменте небольшого кувшина с раздутым туловом нанесена широкая полоса орнамента, где изображены изогнутые в круг стебли, заканчивающиеся в центре круга трехлепестковым цветком с сильно загибающимися крайними листьями. Орнамент выполнен серой краской, у венчика проведена красная полоса (рис. 3, 2).

На фрагменте блюда, покрытого с обеих сторон белым ангобом, также сохранилась часть композиции, где изображен трехлепестковый цветок. Судя по сохранившейся части, композиция состояла из комбинированных геометрических, стилизованно-растительных и эпиграфических узоров, расположенных концентрическими кругами на внутренней поверхности блюда. Композиция исполнена черной краской и расцвечена желтыми и зелеными мазками и полосами (рис. 2, 13).

На фрагменте пилы, ангобированной белым с обеих сторон, на выделенном круге при помощи полосы изображен стилизованный орнамент. Это, видимо, такой же трехлепестковый цветок, как и на предыдущих фрагментах, с двумя сильно загнутыми крайними лепестками, но цветок крайне стилизован и напоминает туркменский орнамент «гочак», применяемый во всех видах вышивки и ткачества. В отличие от орнамента на нашей керамике, прототипом орнамента «гочак» являются бараньи рога (рис. 3, 19).

Цветы изображались и в виде букетов. На одном из наших фрагментов сохранилась часть композиции, где изображен букет из шести цветков. Изображение исполнено красновато-коричневой и темно-коричневой, близкой к черной, красками по белому ангобу (рис. 2, 7). Мотив букета в Согде распространился в конце IX—середине X в. [23, с. 57]. В Мерве эти мотивы, исполненные в иной черно-зелено-желто-коричневой гамме, относятся к X—началу XI в. [15, с. 254].

Среди растительной орнаментации отдельное место занимают изображения плодов и ягод, которые помещались как на дне чаш, так и на стенках кувшинов. На одном фрагменте чаши в центре дна изображены соединенные четыре ягоды. Они оконтурены темно-коричневой и покрыты зеленой и охристой красками. Полива бесцветная, прозрачная, но зеленая и охристая краски, растекаясь, закрыли белый ангоб и создали мягкий, холодный колорит (рис. 3, 17).

На другом фрагменте дна чаши, ангобированной белым, нанесен орнамент в виде плодов, видимо, яблок, которые с обеих сторон соединены волнистой линией стебельков-усиков. Орнамент выполнен темно-коричневой краской, очевидно, по невысохшему ангобу, так как контуры его не четки, что создает впечатление оконтуренности светло-коричневой расплывчатой краской (рис. 2, 15).

По сохранившейся части горла и толстой ручке кувшина можно заключить, что сосуд был крупным. Внешняя поверхность его покрыта белым ангобом, поверх которого нанесен орнамент светло-и темно-коричневой красками. Роспись расцвечена пятнами темно-зеленой краски. Вокруг основания ручки и под венчиком проведена коричневая полоса. На стенке — плод овальной формы, заполненный мелкой сеткой, от которой сверху расходятся две неширокие полосы, имитирующие ветку (рис. 2, 9).

Ввиду чрезвычайного разнообразия растительного орнамента невозможно перечислить все его мотивы. Следует отметить, что, непрерывно развиваясь и обогащаясь, растительный орнамент пополнялся новыми элементами, созданными фантазией мастеров-керамистов.

Мотивы растительно-цветочного узора выражены наиболее полно в группе каём, построенных на волнистой линии выюнка. Здесь широко использованы изящные формы изогнутого листа. Это орнамент ислими — волнообразный побег с поочередно отходящими от него то сверху, то снизу листьями или полупальметтами. Разнообразная по стилистическому и композиционному составу группа ислими включает растительные орнаменты различных форм. В большинстве случаев в классическом варианте ислими орнаменты эти имеют опреде-

ленную форму движения ленточного окаймления. Ислими применялся повсеместно как в декоре керамики, так и в архитектуре. В керамике Мургабского оазиса он встречается в основном на сосудах закрытого типа (рис. 3, 14—15). Аналогичный орнамент отмечается в нисийской средневековой керамике [17, с. 71, рис. 34], на афрасиабских чашах [9, с. 49, рис. 58] и в вышивке почти всех среднеазиатских народов [4, с. 25].

Абстрактный орнамент

Большое место в декоре глазурованной керамики Мерва занимает абстрактный орнамент. Самый распространенный — пятнистый. Он наносился на сосуды открытого типа — чаши, тарелки, блюда. На чашах — одно или несколько соединенных пятен в центре дна (рис. 1, 1, 2). Встречаются сосуды открытого типа, где пятнами в виде клякс заполнена вся внутренняя поверхность (рис. 1, 3—8). Пятна встречаются отдельно или в виде композиций, они могут быть геометрического и растительного характера, выполнены каплями глазури. Орнамент играл роль оберега. К такому типу относится и орнамент в виде полос из черных и белых точек-пятнышек, а также широко распространенные черные ленты, иногда переплетающиеся между собой, на красновато-коричневом фоне, внутри которых идут подряд белые точки (рис. 1, 7, 9; 3, 7). Мотив черных лент с белыми точками на красновато-коричневом фоне представлен на многочисленных фрагментах керамики из Афрасиаба IX—X вв. [23, табл. XIV].

Этот вид орнамента, распространенный в керамике, особенно широко применяется в орнаментике туркменского ковра. Издавна считаясь оберегом от «сглаза», это — один из обязательных элементов в ковротачестве и вышивках различных частей одежды у туркмен под названием «аладжа» — пестренькая.

Темные точки-пятна в мервской керамике применяются в композиции, где нанесены извилистые линии, образующие зигзаги, на перегибах которых имеются точки-пятна (рис. 3, 4, 10, 12). Так, на внутренней стороне фрагмента сосуда открытого типа имеется вышеописанный орнамент. Судя по сохранившейся части композиции, здесь нарушено обычное симметричное расположение групп орнаментов. Если на открытых сосудах декор занимает всю поверхность сплошной непрерывной композицией или в основном проводится линия

Такого типа орнамент часто встречается на коврах и вышивках у туркмен-помудов.

вокруг дна, затем идут параллельные полосы орнаментов, то на нашем фрагменте имеется орнаментированный круг, сторона которого занимает часть площади дна и часть еще одного круга с орнаментом в виде крючков и пятен, занимающем часть дна и часть стенки.

Довольно часто встречается орнамент в виде сгруппированных по три точек-пятен—«сердечек». На нескольких фрагментах он расположен рядами, начиная со дна к венчику, а иногда элементы этого орнамента небрежно разбросаны по поверхности чаш. Орнамент наносился черной краской на белый ангоб или наоборот, белой краской на черный ангоб (рис. 1, 3—8). Подобный вид орнаментации в керамике Мавераннахра датируется IX—X вв. [5, с. 8].

Широко распространены керамика, покрытая зеленой глазурью и так называемая мраморовидная. Только в этой группе керамики под глазурью делалась прочерченно-линейная орнаментация в виде концентрических кругов, завитков, волнистых линий, штрихов и прочих несложных орнаментальных мотивов.

На чашах с зеленой глазурью орнамент в основном состоит из завитков-спиралей (рис. 1, 10, 11). На сосудах с мраморовидной поливой орнамент разнообразней и сложнее. Здесь внутренняя поверхность чаши делится на сегменты, которые заполняются прочерченно-линейным орнаментом—зигзагами, волнистыми линиями, завитками, или по всей поверхности — сеткой из косых линий. Поверх этих несложных орнаментов даны полосы зеленой и желто-коричневой поливой, которые, стекаясь и смешиваясь между собой, создают живописный вид (рис. 1, 12—16).

О. Г. Большаков отмечает, что в Мавераннахре подглазурный гравированный орнамент под мраморовидной росписью не встречается ранее X и позднее XI в. [5, с. 8].

К группе абстрактных относится и точечный орнамент в обрамлении контурных линий, которыми заполняли оставшееся свободным поле сюжетных рисунков или каких-либо других композиций.

Точечный орнамент также имел смысловое значение, символизируя множественность. В таджикском прикладном искусстве точками обозначается орнамент «дети» (бачагон) [4, с. 60].

Довольно часто в керамике встречается извилистая линия с точками по одной или обеим сторонам, обозначающим чешую. Этот абстрактный на первый взгляд орнамент, видимо, перерождение изображения змеи [4, с. 47]. Извилистая линия приобретает растительный характер, причем точки имеют тенденцию срастаться с зигзагом, превращаясь как бы в про-

долговатые точки: название — «змея» уже не отражает образа, послужившего созданию узора (рис. 3, 4, 10, 12).

Древнейшими эмблемами сил природы являлись, несомненно, космические знаки — в первую очередь, солнце, луна, звезды. Эти эмблемы сохраняли постоянное стремление к элементарному соответствию натуре в виде круга, серпа, розетки, точки, а также ромба и креста. С веками они пополнялись новым религиозным содержанием. Древние культы небесных светил в период господства ислама сохраняли чрезвычайную живучесть.

В рассматриваемой керамике часто можно встретить композиции, где в основе лежит космический знак — главным образом солнце. На фрагментах чаш в центре дна наносился круг, от которого лучеобразно отходят такого же цвета линии. Такая композиция часто встречается на Мисрианской кашинной керамике [3, с. 99, рис. 2, 2—3, 6].

На одном из фрагментов мервской чаши в центре расположена розетка-круг, в которой изображены черты лица человека — брови, глаза, нос и кончиком кисти нанесены точки зеленой, охристой и темно-коричневой красками. Розетка в центре дна наводит на мысль о том, что здесь изображено солнце.

Эпиграфический орнамент

В декоре глазурованной керамики Мерва чрезвычайно распространен эпиграфический орнамент. Он довольно часто — самостоятельное украшение сосудов, но встречаются и композиции, где эпиграфический орнамент носит вспомогательный характер, лишь дополняя основную композицию.

Эпиграфический орнамент наносился черной и темно-коричневой красками по белому фону и белой — по черному. Орнамент размещался в основном полосой у венчика и по диагонали по центру всей внутренней поверхности чаш, а также полосой на стенках сосудов закрытого типа.

Основное место в технике письма рассматриваемой нами керамической росписи занимают «керамический курсив», простой и цветущий куфи. Простой куфи характеризуется строгим и стройным начертанием букв. По данным О. Г. Большакова, в керамике Самарканда стволы высоких букв относятся к высоте низких как 4:1, а иногда до соотношения 6:1 [6, с. 27]. Толщина основных линий всех букв одинакова, нажим отсутствует. Буквы иногда снабжены точками. Такие же соотношения размеров букв и на нашей керамике. Большое число надписей на ней выполнено цветущим куфи. Такая же форма у букв с расщепами на утолщенных концах. В более сложных

формах стволы алифов и ламов образуют внизу дугообразный изгиб, расщепы более приближаются к пальметам.

Надписи на керамике простым куфи В. А. Крачковская датировала IX в. [11, с. 4]. Куфи с расщепами О. Г. Большаков относит к X в. [6, с. 26]. В основном здесь стилизованные надписи, превратившиеся в элемент орнамента. Там, где удалось прочесть надписи, оказалось, что это обычные слова-благопожелания, часто встречаемые на керамике.

Нередко для надписей на керамике Мерва и Асадабада Мургабского оазиса [2, с. 133, рис. 12], стилизованное слово **المد** ал-мадд—«продление», в смысле пожелания долголетия владельцу, а также как пожелания долгого срока службы сосуда (рис. 4. 2). Слово ал-мадд имеет также значение снабжение, обеспечение.

Часто на керамике читается слово **بركه** —барака — благословие. Как правило, оно располагается в центре дна небольших чаш. По мнению О. Г. Большакова, это слово — сокращение благопожелания «благословение владельцу сего» [6, с. 35].

Благопожелание **المد** —ал-мадд употреблялось параллельно с барака в X в. и с **اليمن** —ал-йумн в XI—XII вв.; искаженную же форму относят к концу XI—XII вв. [6, с. 35].

На фрагментах рассматриваемой нами керамики, часто встречается сильно искаженное слово **المد** в виде орнамента на дне или на внутренней поверхности стенки чаш, где проследить эпиграфический прообраз изображения не представляется возможным.

Распространена имитация эпиграфического орнамента—псевдоэпиграфика. Эти орнаменты также, в большинстве случаев, располагались полосой по диагонали внутренней поверхности чаш различных размеров.

На фрагменте чаши по белому ангобу черной краской по диагонали нанесена полоса орнамента в виде линии, с одной стороны которой изображены чередующиеся между собой загнутая влево пальметта с группой точек, создающие впечатление надписи цветущим куфи (рис. 4, 8).

На фрагментах в одном случае проведена линия, по одной стороне которой S-образные знаки чередуются с двумя вертикальными линиями; в другом случае такие же вертикальные две линии чередуются с тремя соединенными кругляшками (рис. 4, 4, 9). Внутри маленькой чашечки также проведена линия по диаметру: с одной стороны нанесены кругляшки, внутри и между ними имеются точки (рис. 4, 12).

На фрагменте донца, ангобированного красным с обеих сторон, по диаметру расположена полоса орнамента, напоминающая, как и предыдущие, эпиграфическую надпись—верти-

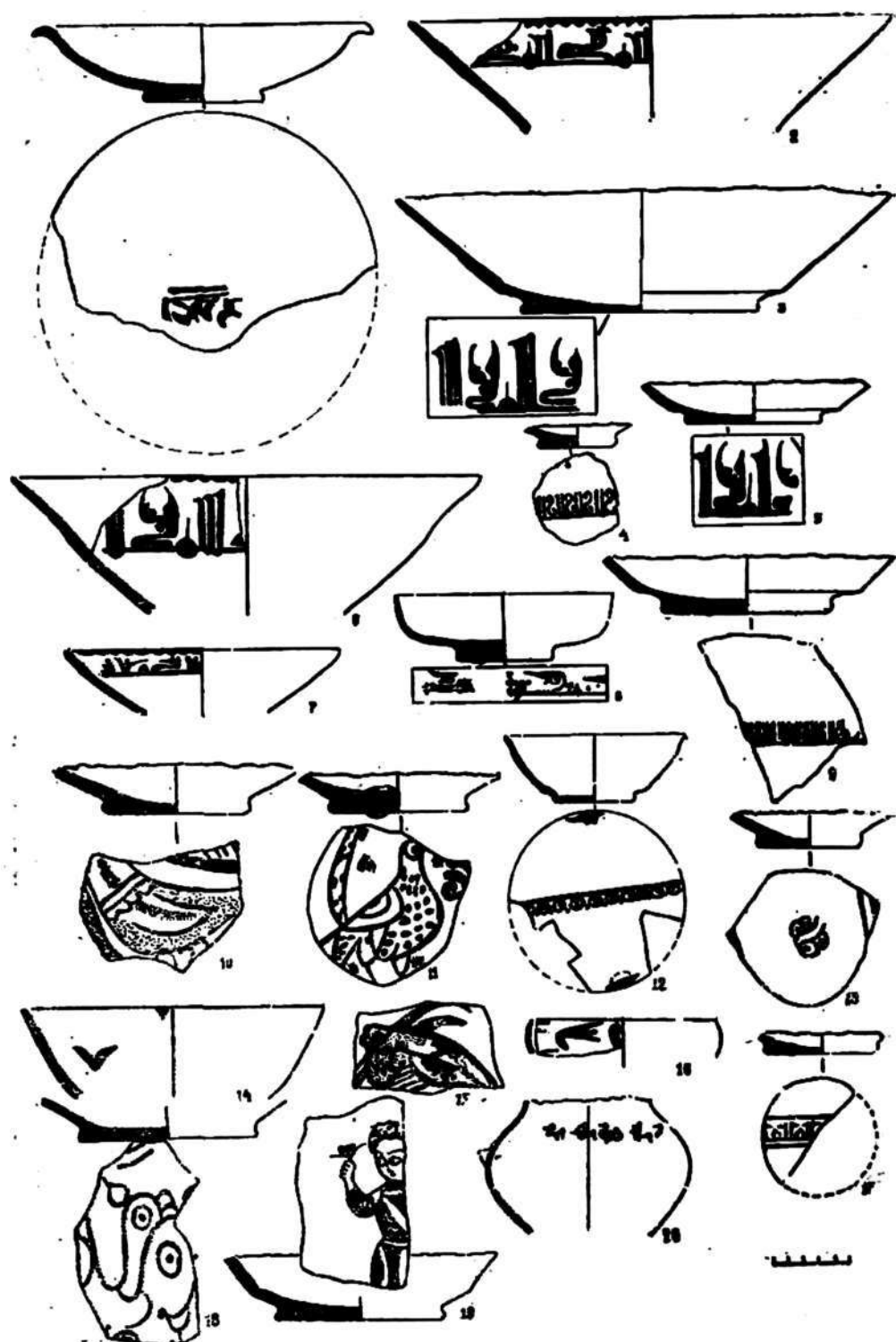

Рис. 4. Керамика с эпиграфическим орнаментом.

кальные парные линии, верх которых—отходящие в разные стороны треугольники, имеющие вид флажков. Между парными линиями-флажками нанесен дугообразный орнамент (рис. 4, 17), выполненный черным по зеленовато-желтой полосе.

Встречаются такие чаши, где на внутренней поверхности дна изображен орнамент в виде завитков, чередующихся с точками. Видимо, это также псевдоэпиграфика (рис. 4, 13).

В одном случае на фрагменте дна небольшой чаши из Мерва изображена птица, под большим клювом которой вертикально нанесена надпись Δ , по всей вероятности, это слово—алла.

Процесс стилизации надписей и превращения их зачастую в псевдоэпиграфический, нечитаемый узор, В. А. Крачковская относит к XI в. [12, с. 53]. Керамика с надписями из Мерва также датируется началом XI в. [15, с. 272—273].

Зооморфный орнамент

Зооморфный сюжет в декоре керамики Мерва занимает большое место. Ведущая роль в зооморфных орнаментальных мотивах принадлежит птицам, помещенным парами и поодиночке в круглые медальоны, среди растительной орнаментации, отдельно на стенках сосудов или изображенными вереницей — плывущими и лежа. Судя по изображениям, наиболее излюбленным был мотив парных и одиночных птиц, вписанных в круг дна. В передаче образа птицы на керамике характерно: туловище в основном оконтурено черной и коричневой красками, крыло изображено отдельно над туловищем и иногда соединено острым концом с хвостом; глаз, как правило, обозначен кольцом с точкой посередине; шея отделена двумя тонкими полосами, перегибающимися в середине по углам.

Так, на фрагменте чаши, ангобированной белым ангобом, изображена стилизованная птица. Она оконтурена черной краской. Глаз обозначен кольцом с точкой в центре; вместо клюва три завитка, а вместо хохолка — пальметтообразный завиток; зоб сильно выражен (рис. 4, 18).

На другом фрагменте дна изображена стилизованная птица, оконтуренная коричневой краской. На туловище и на отдельно торчащем хвосте (?) нанесены точки-пятнышки коричневого цвета (рис. 4, 11).

Интересно изображение попугая на фрагменте чаши. Он нарисован черной краской, легким движением кисти. Попугай передан художником довольно выразительно: тулой клюв, большой глаз, обозначенный кольцом с точкой в центре, но в отличие от предыдущих, от кольца глаза к клюву отходят три полосы также черного цвета. Изображение попугая дополняется красочной гаммой зеленых и желтых пятен (рис. 4, 15).

Довольно часто птица изображалась несколькими маз-

ками легким движением кисти на стенках как открытых, так и закрытых сосудов.

К этому виду относится изображение птицы на лету, которое исполнено на фрагменте стенки чаши буквально двумя мазками кисти, но передано очень живо и выразительно, напоминая чайку на лету. Птица нанесена коричневой краской на серовато-розовый ангоб (рис. 4, 14). На другом фрагменте чаши на краю венчика нарисованы летящие птицы темно-коричневой краской по белому ангобу. Они также переданы несколькими мазками кисти. Здесь можно проследить конфигурацию голубя (рис. 4, 16).

На фрагменте дна чаши сохранилась часть композиции с изображением птицы с большим, чуть вогнутым клювом и с большим круглым глазом со зрачком в центре. Птица окрашена в черный цвет и напоминает ворону.

В Мерве встречаются рисунки птиц, напоминающие павлина [15, с. 249, рис. 17].

Глазурованную керамику с характерным изображением птиц, происходящую из средневекового города Аннау, М. Е. Массон датирует IX—X вв. [18, с. 51]. Птицы здесь трактованы условно и даны черными контурами на серовато-желтом фоне [14, с. 358]. Фрагменты керамики со стилизованными изображениями птиц найдены в значительном количестве в урочище Сардова на Нисе, причем и тут они относятся к IX—X вв. [8, с. 59]. Встречены птицы на кашинной керамике Мисриана [3].

Интересен обнаруженный С. Б. Луниной фрагмент глиняной поливной головки быка с обломком рога. Голова покрыта коричневой поливой. Глаз выпуклый, белый, с темно-коричневым зрачком, нос передан белой полосой, изогнутые брови тоже белые. Рога с обратной стороны красные, а по их боковым частям проведены белые полосы. Они резко расходятся в стороны, придавая сходство с головой яка [15, с. 248].

Антропоморфные изображения

Антропоморфные изображения на керамике Мерва встречаются довольно редко (всего на двух фрагментах). На одном фрагменте дна чаши сохранилась часть фигуры стоящего или идущего человека с цветком в правой руке. Он нарисован на зеленовато-белом фоне коричневой краской. На голове тюрбейка, видимо, вышитая, под тюрбейкой видны волосы, лоб широкий, брови не сросшиеся, глаза большие круглые, нос и рот — маленькие. Человек одет в полосатый халат: полосы широкние — красные и белые, пояс белый. Цветок в руке красного цвета (рис. 4, 19).

На другом фрагменте чаши на дне изображен круг, в котором помещены черты лица — брови, глаза, а вместо носа — две полосы.

Анализируя описанный комплекс глазурованной керамики Мерва, можно заключить, что в X—XI вв. орнаментация разнообразна. Органическое слияние замысла с образным его воплощением в материале, требующее высокоразвитого чувства художественной формы, и составляют, видимо, главное эстетическое свойство орнаментации X—XI вв., часть которой развивалась в последующие века, а часть была утрачена.

Несмотря на определенную устойчивость форм орнамента и его элементов, прошедшую сквозь века, орнамент постоянно изменялся. Изменения происходят в основном внутри элементов, в то время как композиция остается без изменений. Отдельные мотивы теряют первоначальную конфигурацию, приобретая более обобщенный характер.

Язык прикладного искусства средневекового Мерва многообразен и выразителен. Основным содержанием народного искусства был окружающий человека мир. Изобразительные формы орнаментов насыщены многообразными темами, порожденными историко-культурными и эстетическими традициями.

Прикладное искусство здесь сложилось как результат определенных художественных запросов народа. Повсеместно проявляясь в быту, оно было насыщено образами реальной действительности. Магические элементы настолько входили в органическую ткань орнамента, что их эстетический смысл намного превосходил магический. Невозможно провести резкую грань между оберегами и мифологическими образами, порожденными народной фантазией.

В процессе формирования народного искусства действительность подвергалась переосмыслению. Художник черпал из нее то, что считал нужным и интересным, что волновало его.

Орнаментация на рассмотренной нами керамике взаимосвязана с Мервом, с искусством историко-культурных областей. Общность состоит в сходстве множества художественных приемов, идентичности колористического строя, элементов орнамента и целых его комплексов. Здесь прежде всего встречаются аналогии отдельных узоров, общих для народов Средней Азии, — рога, спираль, треугольники, дерево, миндалинка. Существует и композиционное сходство целых групп орнаментов, компанующихся из сходных элементов. Например, изображение одной, а также пары птиц в кругу дна, встречается в Нисе, Мисриане, Самарканде. Почти идентичны

мервским прочерченно-линейным орнаментам нисийские, под зеленой и мраморовидной поливой.

Общность керамического искусства Мерва с искусством других народов не ограничивается территорией Средней Азии. Ряд сходных черт сближает его с искусством средневекового Ирана. Например, композиции с радиально расположенными полюсами, которые разделяют внутреннее поле чаши на несколько секторов, а также композиции с изображениями птиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атагарриев Е. Новые данные по истории Шехр-Ислама.—Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1966, № 3.
2. Атагарриев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам Языр. Автореф. канд. дис. М., 1967.
3. Атагарриев Е., Бяшимова Н. Кашинная керамика Мисриана.—КД, 1979, вып. 8.
4. Белинская Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана. Душанбе, 1965.
5. Большаков О. Г. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1954.
6. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв.—ЭВ, 1958, вып. 12.
7. Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году.—ТЮТАКЭ, 1949, т. 1.
8. Вактурская Н. В. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).—ХАЭЭ, 1959, т. 4.
9. Вяткин В. Л. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927.
10. Демидов С. М. К вопросу о религиозном сенкритизме у туркмен XIX—начала XX в. М., 1964.
11. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии.—КСИИМК, 1949, т. 28.
12. Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья в IX—XI вв.—ЭВ, 1955, т. 10.
13. Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
14. Левина В. А. Позднее городище Анау.—ТЮТАКЭ, 1951, т. 2.
15. Лукина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв.—ТЮТАКЭ, 1962, т. 11.
16. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года.—ТЮТАКЭ, 1949, т. 1.
17. Массон М. Е. Городище Нисы в селении Багир и его изучение.—ТЮТАКЭ, 1949, т. 1.
18. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года.—ТЮТАКЭ, 1953, т. 2.
19. Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.
20. Пилипко В. Н. Керамика Асадабада (Лаукара). Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1979.
21. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
22. Сарияниди В. Н. Печати-амулеты мургабского стиля.—СА, 1976, № 1.
23. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII—XI вв.). Ташкент, 1979.

О НЕКОТОРЫХ СТАНЦИЯХ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ТОРГОВОМ ПУТИ ИЗ ТЕРМЕЗА В БУХАРУ

У автора X столетия Макдиси в сочинении «Наилучшее распределение для познания стран» описывается торговый путь из Бухары в Термез. «От Бухары до Джакама день пути, затем до рабата Атик день пути, затем до Джубб Са'ид (колодец Са'ида) день пути, затем до Безда день пути, затем до рабата Хаваран день пути, затем до селения Бухарийин (бухарцы) день пути, затем до селения Хорезмийин (хорезмийцы) день пути, затем до Балхана день пути, затем до Калифа день пути, затем до становища Ал-Киясин день пути, затем до Термеза день пути» [13, с. 206]. В этой же работе дан перечень переправ через Амударью, из которого следует, что селения Хорезмийин, Бухарийин и, вероятно, рабат Хаваран располагались вблизи одноименных переправ [13, с. 189], из чего можно заключить, что южная часть маршрута проходила по правому берегу Амударьи.

В настоящее время Амударьинской экспедицией Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР и рядом других исследователей [4, с. 30—31; 8], закончено разведывательное обследование побережья Амударьи в пределах Чаршангинского, Керкинского и Ходжамбасского районов, что позволяет рассмотреть вопрос об отождествлении некоторых пунктов, упомянутых Макдиси, с реальными археологическими объектами. Для удобства изложения материала рассмотрим маршрут в обратном направлении, то есть из Термеза в Бухару. Первая станция в пределах Туркменской ССР — Калиф (Келиф), который хорошо локализуется благодаря постоянному нахождению этого пункта у одной из удобнейших переправ через Амударью и сохранению древнего названия (рис. 1). По описанию того же Макдиси, Калиф располагался на обоих берегах Амударьи. На левом берегу — рабат Зу-л-Карнейн, на правом — рабат Зу-л-Кифль [13, с. 188]. Остатки правобережной части Келифа расположены неподалеку от одноименной железнодорожной станции. Постоянное функционирование этого пункта в течение многих веков вплоть до начала XX столетия не позволяет составить четкого представления о Келифе X в., погребенном под более поздними наслоениями. Относительно доступны для изучения лишь руины небольшого укрепления на скалистом мысу, выступающем в реку. Собранные в осыпях вокруг него керамика (рис. 2) свидетельствует

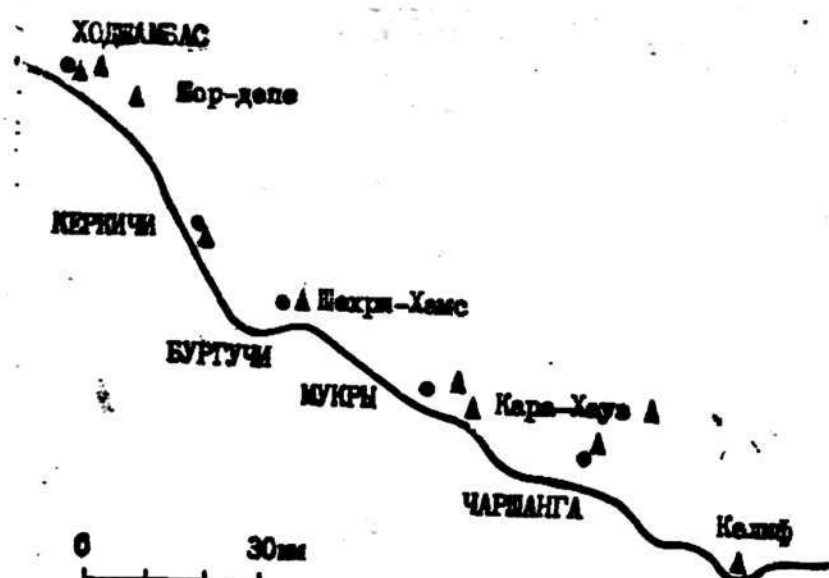

Рис. 1. Схема расположения средневековых памятников на правом берегу Амударьи между Келифом и Ходжамбасом.

о большой древности этого укрепления. Документально подтверждается (керамическими находками и монетой Канншки) его существование в кушанский период.¹

Следующая станция называлась Балхан и отстояла от Келифа на расстоянии дня пути. «День пути» — это условная единица измерения расстояний, величина которой могла значительно колебаться в зависимости от физико-географических условий и расстояний между селениями, служившими местами остановок. Обычно она принимается равной 6 фарсахам, то есть примерно 38 км [11, с. 8], в культурной зоне дневные переходы могли быть короче [11, с. 8—10]. Для рассматриваемого маршрута эта величина может быть условно вычислена на основании ряда данных. Келиф, по сообщению Макдиси, находился на расстоянии двух дней пути от Термеза. Расстояние между этими пунктами составляет около 80 км, таким образом день пути в данном случае равен примерно 40 км. Можно учесть также свидетельство А. Борнса, побывавшего в этих местах в июне 1832 г.: «Мы выезжали около пяти, или шести часов пополудни и ехали до восьми или девяти часов следующего утра. Расстояние между станциями не превышает двадцати пяти миль, ибо верблюды, по

¹ Следует отметить, что историческая традиция упорно связывает Келиф с Александром Македонским. Однако материалов эллинистического периода здесь пока не обнаружено. Возможно, это следствие беглого осмотра памятника. В научно-популярной работе В. Н. Масальского «Туркестанский край», без ссылок на источник, сообщается о находке в Келифе монет греко-бактрийских царей [9, с. 730—731].

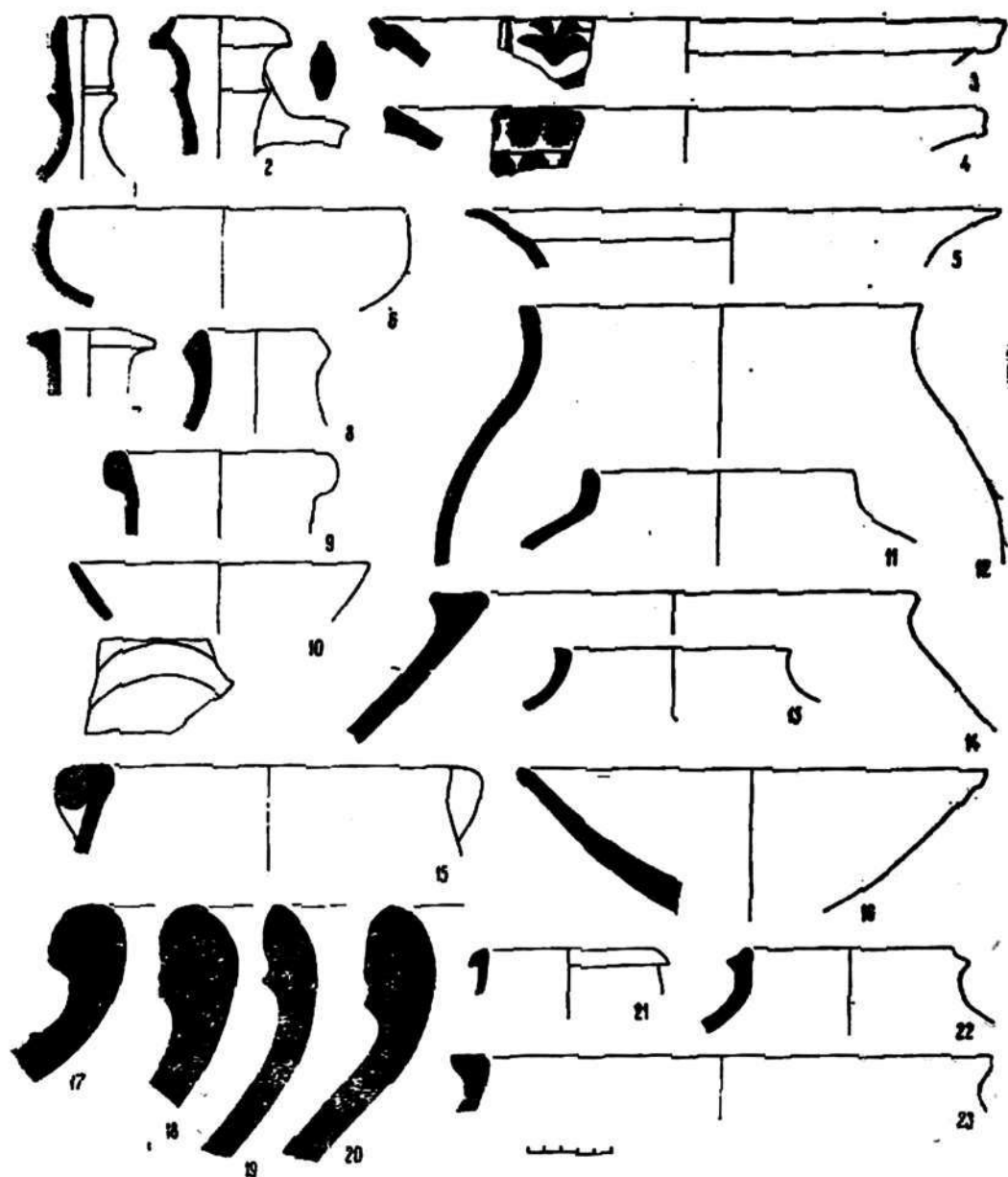

Рис. 2. Келиф. Подъемная керамика.

причине сильного жара, не в состоянии делать больших переходов. Ночью они идут около двух миль в час» [2, с. 361]. В конце XIX в. путь из Келифа в Керки, равный 98 верстам, преодолевался за пять переходов и одним из мест остановок была Чаршанга, расположенная в 26 верстах от Келифа [3, с. 71]. Таким образом, есть основания предполагать, что и в средневековые первая остановка делалась в 25—40 км от Келифа. В указанных пределах в настоящее время остатков крупных средневековых поселений не выявлено. В окрестностях Чаршанги в одной из промоин в 30-х гг. был найден клад

монет XVI в. [12, с. 89]. Северо-восточнее ст. Чаршанга находится возвышенность Юрок-табе, вблизи которой в 1937 г. А. А. Марущенко осмотрены руины сардобы, приписываемой Абдулла-хану, и остатки небольшого караван-сарая¹. На топографических картах вблизи этой возвышенности отмечаются развалины «Рабад»². Не исключено, что одно из этих сооружений (или какое-то другое) — остатки станции X в. Косвенными аргументами в пользу расположения древней станции на возвышенности Юрок-тубе может быть ее название Балхан, которое можно перевести как «строение, расположенное на возвышенности». Следует также отметить, что Макдиси не упоминает переправы, соответствующей этому пункту, вероятно, он был значительно удален от берега реки.

Следующий пункт — селение Хорезмийин — находился на берегу Амударьи рядом с переправой. Расположение его в двух дневных переходах от Келифа указывает на необходимость его поисков в районе современных селений Аккумуля и Мукры.

В этом районе в настоящее время известны два памятника периода развитого средневековья. В 6 км восточнее железнодорожной станции Мукры расположены полузасыпанные песком руины средневекового селения, обследованные А. М. Мандельштамом в 1961 г. [8, с. 24]. Размеры поселения и характер его застройки точно не установлены.

Остатки второго поселения находятся в 9 км юго-восточнее поселка Мукры в местности Карахауз [7]. Они погребены селевыми отложениями, поэтому размеры и характер планировки поселения здесь также неизвестны. Собранные при земляных работах керамика³ датируется IX—XI вв. (рис. 3, 1—15). Большая близость Карахауза к Амударье делает предпочтительным его отождествление с древним селением Хорезмийин. Следует отметить, что расположенная в этом районе переправа по удобствам значительно уступала переправам в Келифе и Керки [3, с. 21], но в конце XIX в. некоторые караваны, следовавшие из Чарджоу в Келиф, переправлялись на правый берег именно здесь, а не в Керки [5, с. 191].

Следующий пункт — селение Бухарийин — уверенно можно отождествлять с поселением Шехри-Хамс или Монджу-клы-депе, расположенным в 2,3 км восточнее железнодорожной станции Бургучи, или в 36—37 км от Кара-Хауза по пря-

¹ ЦГА МВД ТССР, ф. 67, оп. 2, д. № 89, л. 2. (Датировка караван-сарая отсутствует).

² Возвышенность Юрок-тубе Амударьинской экспедицией не обследовалась.

³ Сборы проведены Е. Атагарриевым в 1964 г. Керамика хранится в Отделе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

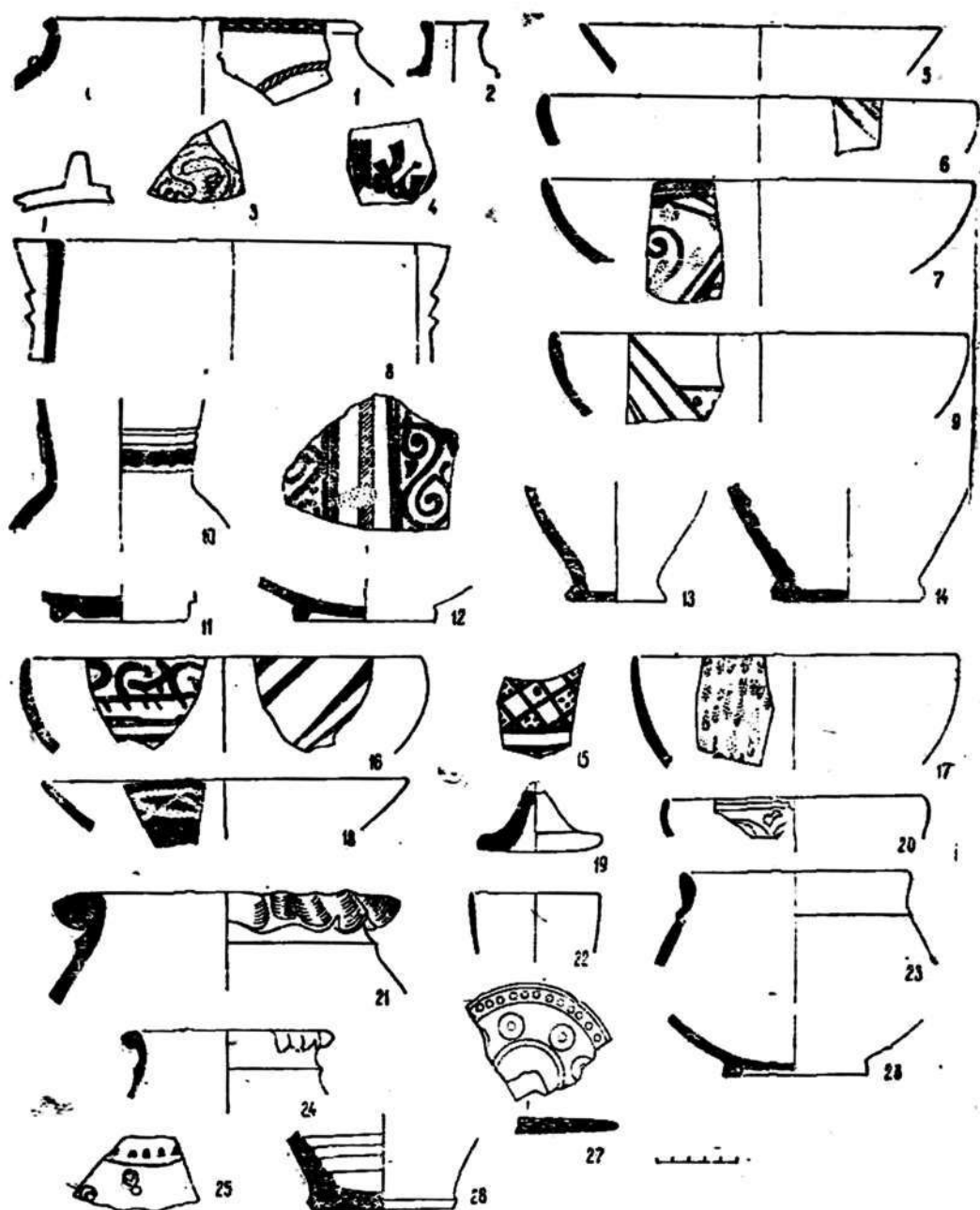

Рис. 3. Керамика Карахауза (1—15) и поселения к югу от Дашлыка (16—28).

мой: 1) в районе селения Хатаб имеется переправа местного значения [3, с. 22; 5, с. 104]; 2) Шехри-Хамс—единственное для этого района крупное поселение IX—XI вв.; 3) застройка поселения указывает на его торгово-ремесленный характер.

Впервые этот памятник обследован в 1960 г. А. М. Мандельштамом, который датировал его IX—XV вв. [8, с. 22]. В 1966 и 1970 гг. поселение обследовалось Амударьинской

экспедицией Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР¹. В 1970 г. проведены дополнительные археолого-топографические работы, заложен стратиграфический шурф и осуществлен ряд зачисток верхнего культурного слоя.

Шехри-Хамс—остатки крупного неукрепленного поселения, не имеющего четких внешних контуров. Площадь его—около 7 га. Рельеф памятника очень сложный (рис. 4). Наиболее возвышенная северная его часть достигает высоты 5 м. Однако заложенный здесь шурф показал, что поселение возникло на естественном песчаном холме, мощность культурных слоев в месте заложения шурфа составляет 2,5 м. Наблюдения в шурфе позволили выявить в истории памятника два периода, датированных IX—XII вв. Следы обживания поселения в послемонгольский период отсутствуют.

Находки из шурфа и зачисток дополняются многочисленным подъемным керамическим материалом². Наиболее выразительна поливная керамика, представленная преимущественно обломками полусферических чаш на вогнутом дисковидном или кольцевом поддоне (рис. 5). Реже встречаются конусовидные чаши с резким изгибом стенки в нижней части резервуара. Орнамент в большинстве случаев выполнен по белому фону красной, коричневой и черной красками. Значительно реже употреблялись желтая и бледно-зеленая. В единичных случаях отмечена роспись белой краской по черному фону. Полива хорошего качества, прозрачная. Изредка встречаются изделия с так называемой «мраморовидной» поливой — расплывчатые пятна зеленой, желтой и желто-коричневой полив. Этого типа полива обычно сочетается с гравированным орнаментом. Имеются также изделия, покрытые монохромной зеленой поливой. Орнаментальные мотивы разнообразные — растительные, геометрические, эпиграфические. Среди последних встречаются изящные надписи, выполненные почерком «цветущий куфи» (рис. 5, 13). Среди геометрических мотивов преобладают сетки [6, 15]. По форме сосудов, поливе и орнаментации описанная керамика находит широкие аналогии в комплексах IX—XII вв.

Вторую группу составляет неполивная керамика без грубых примесей в тесте и с хорошим качеством обжига. Черепок светло-серый, желтый или красно-коричневый. Ангоб

¹ В обследовании памятника помимо автора принимали участие археологи Т. Ходжанязов (1966 г.), К. Качурис (1966 г.) и А. Сапарбердыев (1970 г.).

² При написании настоящей статьи, помимо материалов Амударьинской экспедиции, использована также коллекция керамики, собранная А. М. Мандельштамом и ныне хранящаяся в Отделе археологии Института истории АН ТССР.

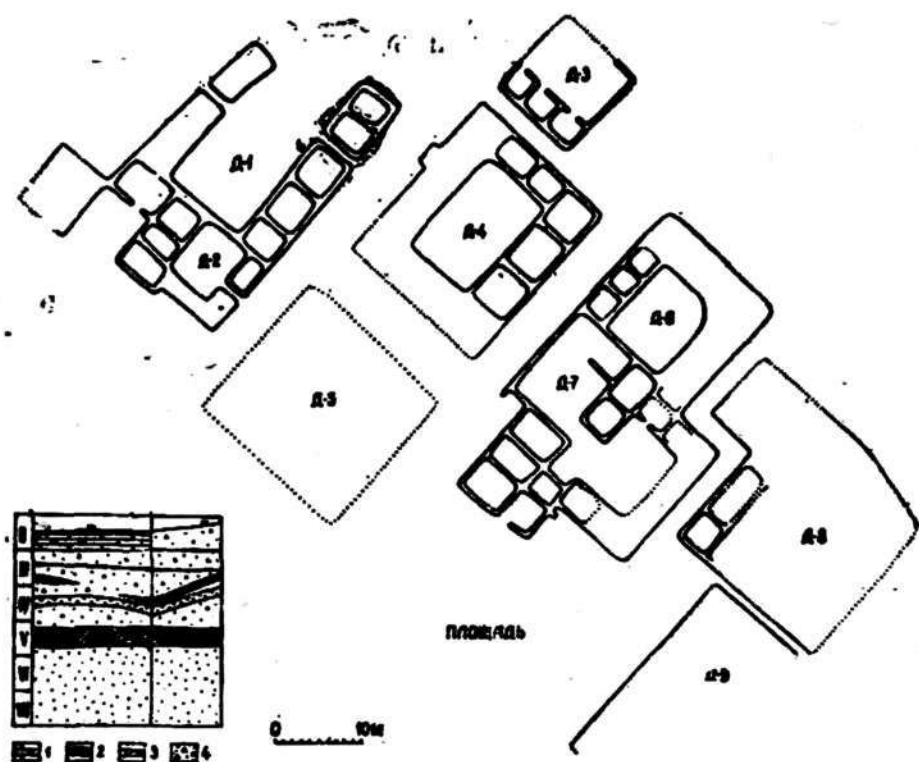

Рис. 4. Шехри-Хамс. Вверху—план поселения; внизу—план застройки в центральной части поселения и развётка шурфа.

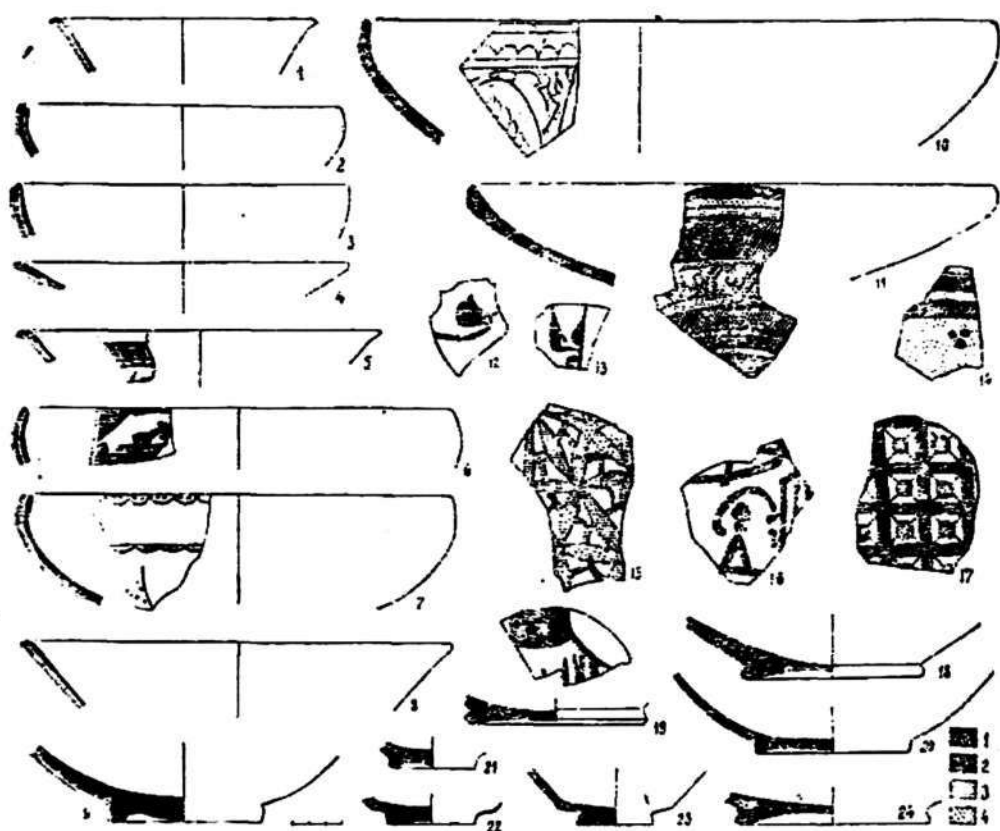

Рис. 5. Шехри-Хамс. Полвная керамика.

обычно светло-серый, реже—цвета теста (у красно-коричневых). Из форм среди этой фактурно-технологической группы встречаются кувшины, горшки, тазы (рис. 6, 1—10). Среди кувшинов имеются как небольшие столовые сосуды, так и крупные водоносные (рис. 6, 5—6, 10). Многие сосуды этой группы орнаментированы. Часто применялась рельефная разработка поверхности валиками и ложбинками. Встречаются зашпы и вмятины. Широко использовался резной орнамент, иногда очень изящный (рис. 6, 1, 7—8). Применялась также обычная для развитого средневековья гребенчатая орнаментация в виде волнистых линий и косых наколок.

Третью группу составляют крупные тарные сосуды, изготовленные как и вся остальная керамика на гончарном круге (рис. 6, 15, 17, 20—23). В тесте встречаются мелкие камешки и другие примеси. Черепок в изломе обычно желтый, но встречается и красно-коричневый. Почти все сосуды орнаментированы зашпыми, штампами, налестями. Особенно богато орнаментирован один из найденных хумов (рис. 6, 23). Ниже манжетовидного венчика у него проходит высокий валик с равномерно расположенными овальными вмятинами. Под валиком между двумя врезанными линиями заключен ряд

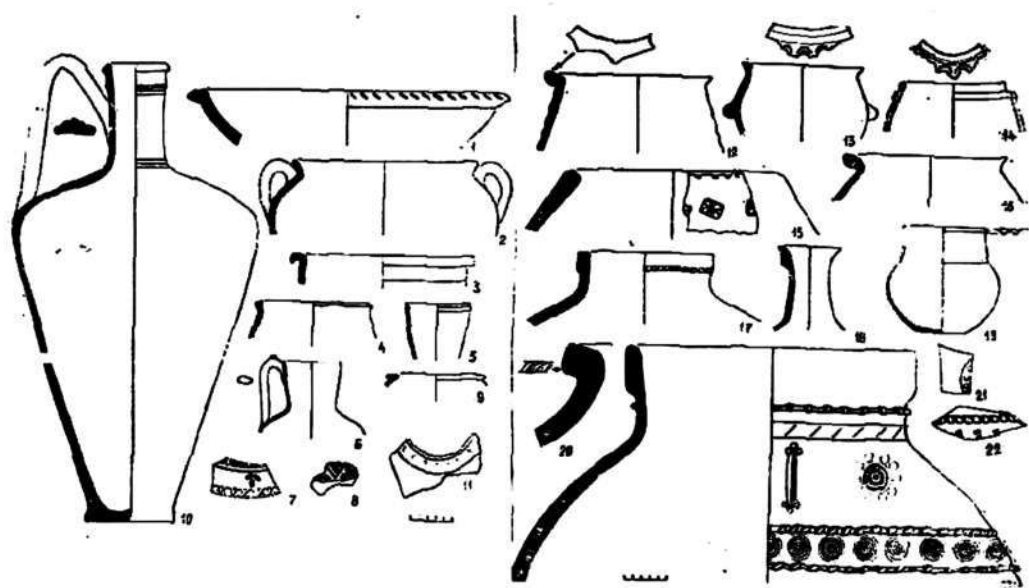

Рис. 6. Шехри-Хамс. Керамика второй (1—11), третьей (15, 17, 20—23) и четвертой (12—14, 16, 18—19) групп.

длинных косых штрихов. В верхней части плечика располагаются сложные наклепные фигуры. Ниже проходит еще один орнаментальный пояс. Между двумя наклепными полосами с вмятинами помещен ряд крупных наклепных дисков с оттисками концентрических колец. Обломки подобных хумов на поселении встречаются часто. Заслуживает упоминания небольшой обломок еще одного хума, на котором частично сохранился оттиск крупного штампа в виде круглой розетки с рельефными «горошинами» по краю. Штампованные розетки с подобным обрамлением в X—XII вв. широко использовались для орнаментации хумов среднего течения Мургаба [14, с. 123—126].

Четвертую группу составляет красноглиняная керамика с грубым пористым черепком, содержащим добавки шамота, мелких камушков и кусочков извести или гипса. В результате некачественного обжига внешняя поверхность черепка и сердцевина нередко черного цвета. Среди форм преобладают небольшие горшки. Для них характерен отогнутый наружу венчик, шаровидное или каплевидное тулово и небольшое плоское дно (рис. 6, 12—14, 16, 18—19). Один целый горшочек имеет конусовидную горловину резко переходящую в шаровидное тулово. На венчике сосуда сбоку наклеплены два небольших спаренных конуса. Диаметр венчика—9,8 см, высота горшка—12,2 см. Очень часто к венчикам горшка прикрепля-

лись горизонтально расположенные наклепные полосы, оформленные по краю мягко очерченными зубцами. Помимо горшков, подобную фактуру теста имеют некоторые кувшины и хумы. На крупных сосудах иногда встречаются потеки ангоба черного цвета. Керамика этого типа IX—XII вв. была широко распространена на среднем течении Амударьи. Она имеется на Шор-депе у Кызыл-Аяка, безымянном средневековом поселении к югу от Дашлыка (рис. 3, 21—24) и Кёшк-кала северозападнее Бурдалыка. Происхождение этой керамики точно не выяснено. Впервые керамика с подобной фактурой черепка на побережье Средней Амударьи и в Бактрии—Тохаристане появляется в IV в. н. э., возможно, в связи с проникновением на эту территорию хонито-эфталитских племен. В дальнейшем технология ее изготовления, вероятно, была усвоена коренным населением этих мест и она продолжала здесь изготавливаться в период развитого средневековья. Вместе с тем не исключено, что появление новых приемов орнаментации (зубчатые налепы) связано с проникновением в долину Амударьи в IX—X вв. новых этнических компонентов.

В целом керамический материал свидетельствует об обживании поселения в IX—XII вв., причем наибольший его расцвет приходится на X—XI столетия.

Заполнение разрушенных построек на поселении преимущественно песчаное и в результате процессов выветривания на некоторых участках хорошо прослеживается былая его планировка. Поселение не имеет четких внешних контуров, но внутренняя его планировка отличается регулярным характером. Основу планировки составляют пересекающиеся под прямым углом улицы и переулки, имеющие диагональное направление по отношению к странам света. Следы улиц хорошо прослеживаются в центральной и юго-западной частях поселения. Ширина этих улиц и переулков 1—6 м. Участки между улицами застроены прямоугольными кварталами из одного или нескольких домов. Можно также предполагать наличие обширных незастроенных площадей. Планировка одного из участков застройки в центральной части поселения показана на рис. 4. Размеры домов составляют 100—500 м², но планировка однотипна. Середину занимает обширный двор, по сторонам которого в один ряд располагаются незначительно разнящиеся по размерам помещения. Иногда они обрамляют двор со всех четырех сторон, но чаще одна, две или даже три стороны двора остаются незастроенными и ограждаются только забором. Постройки возведены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 44×22—23×5,5—6 см. Тесто кирпича комковатое, без примеси самана. Кладки стен, как правило, толщиной в один кирпич (45—50 см). Го-

горизонтальные ряды сырца чередуются с толстыми слоями глиняного раствора (12—13 см). С внутренней стороны помещения тщательно оштукатурены несколькими слоями глиняной обмазки с рубленой соломой. В полностью расчищенном северо-восточном помещении дома № 1 не было обнаружено прохода. Вероятно, помещение имело высокий порог (стены помещения сохранились на высоту 0,25—1 м). Полы его отмечены тонкими глиняными прослойками.

Плотная, регулярная застройка и отсутствие приусадебных участков позволяют предполагать, что несмотря на неукрепленный характер, Шехри-Хамс является остатками поселения городского типа. Основную массу его населения, вероятно, составляли торговцы и ремесленники. Косвенным указанием на участие жителей в торговле является наличие в некоторых домах помещений, открывающихся проходами не во внутренний двор, а на улицу (дома № 2, 7). Заслуживают внимания две крупные изолированные постройки на северо-восточной окраине поселения (рис. 7), которые, возможно, являлись не обычными жилыми домами, а небольшим караван-сараем.

Ниже по течению Амударьи ближайшим к Шехри-Хамсу средневековым пунктом являются остатки поселения на юго-западной оконечности хребта Керкичи-тау. Они обычно отождествляются со средневековым городком Ахсисек [1, с. 131]. Однако этот пункт не упоминается в описании маршрута из Термеза в Бухару. Вероятно, караваны, экономя время, двигались по прямой, оставляя этот городок в стороне. Следующий пункт — рабат Хаваран мы должны искать также вблизи берега Амударьи между Керкичи и Ходжамбасом. В этом районе известно три памятника периода развитого средневековья. В Ходжамбасе имеется Кызылбаш-кала, а в 9 км юго-восточнее ее — Ак-кала. На обоих этих памятниках имеются материалы X—XII вв., однако они находятся на слишком большом расстоянии от Шехри-Хамса (соответственно 56 и 50 км по прямой), поэтому наиболее вероятный претендент на отождествление с рабатом Хавараном — поселение Шордипе 1, расположенное в 24 км от Керкичи по дороге в Ходжамбас или в 42—43 км по прямой от Шехри-Хамса.

Памятник состоит из двух частей. Северо-восточный холм по очертаниям в плане близок к прямоугольнику со сторонами: северо-восточная — 110 м, юго-западная — 130 м. Склоны крутые, вершина плоская. Высота холма — 6—7 м. С юго-запада к нему примыкает второй участок застройки, имеющий высоту около 3 м. Верхняя площадка этого холма также плоская, склоны менее крутые. Поверхность памятника сильно засолена, находок на поверхности мало и они невыразительны.

Незадолго до посещения памятника сотрудниками Амурьинской экспедиции в 1975 г. он был сильно поврежден землеройными механизмами. В глубоких траншеях собран многочисленный материал. Холм сильно засолен, поэтому поливная керамика практически не сохранилась. Имеется лишь донце блюда, украшенное геометрическим орнаментом, выполненным черной и красной красками по белому фону (рис. 8, 8). По форме поддона и характеру орнаментации фрагмент следует датировать X—XI вв. Имеется еще венчик чаши с подглазурным процарапанным орнаментом, полива полностью утрачена.

Неполивная керамика по фактуре черепка разделяется на две группы. Первая из них имеет хорошего качества черепок без грубых примесей. Черепок красно-коричневых тонов, розовый, желтый. Обжиг равномерный. Среди керамики этой группы имеются хумы, по форме и орнаментации (налепные полосы с зашипами, косые насечки) близкие к хумам Шехри-Хамса. Встречены также корчаги, украшенные штампованным орнаментом, горшки, крупные кувшины с высокой цилиндрической горловиной (рис. 8, 20), обломки маслостоек. Орнаментация этой керамики также близка орнаментации сосудов из Шехри-Хамса. Для корчаг, например, характерно разделение венчика на два валика, нижний украшен частыми вмятинами. Обнаруживают сходство также штампы в виде прямоугольников, заполненных сетчатым орнаментом (рис. 6, 4; 8, 9).

Вторую группу неполивной керамики составляют изделия с обильной примесью шамота, реже—дресвы. Изготовлена она преимущественно без применения гончарного круга и плохо обожжена. По фактуре она близка к керамике четвертой группы из Шехри-Хамса, однако следует отметить отсутствие

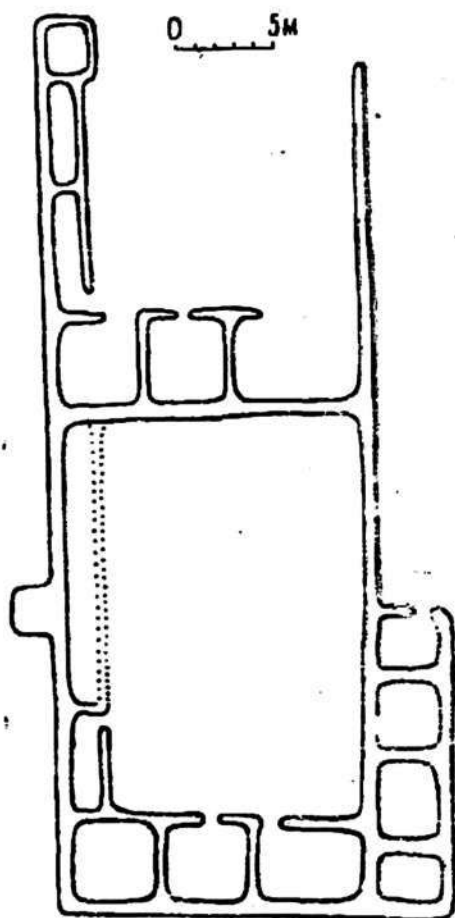

Рис. 7. Шехри-Хамс. Планировка северо-восточной постройки.

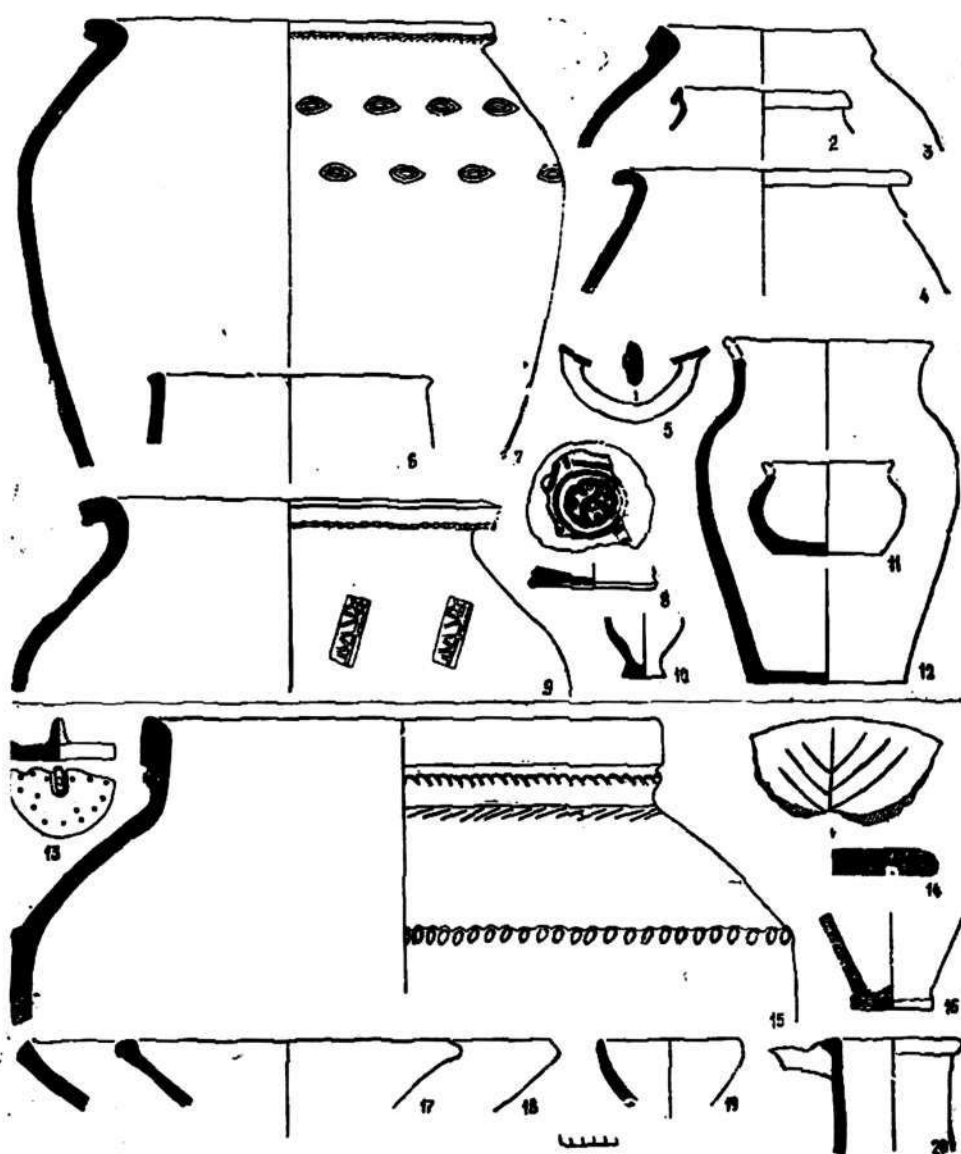

Рис. 8. Шор-депе I. Керамика.

в коллекции с Шор-депе горшков с зубчатыми налечами на венчике.

Следующий пункт Безда или Бездова располагался уже вне пределов Туркменской ССР на юго-западной окраине Каршинского оазиса. По предположению М. Е. Массона, его остатками являются руины Куня Фазли, расположенные в 42 км западнее—юго-западнее г. Карши [10, с. 34—35]. В таком случае расстояние между двумя этими станциями (рабат Хаваран и Безда) составляет не менее 80 км. Эта величина слишком велика для «одного дня пути», поэтому следует по-

лагать, что в текст Макдиси (скорее всего по вине переписчиков) вкралась ошибка и в нем отсутствуют сведения о еще одной станции, расположенной в пустынной местности между побережьем Амударьи (Шор-депе) и Каршинским оазисом (Куня Фазли). На возможность путаницы в дошедших до нас рукописях работы Макдиси указывает, например, сопоставление списка дорожных станций рассматриваемого маршрута с перечнем переправ. При описании маршрута указывается рабат Хаваран, а при описании переправ самостоятельно упоминается переправа ар-Рабат и переправа Хаваран.

Таким образом, современный уровень археологических знаний позволяет для средневекового торгового пути из Термеза в Бухару наметить следующие отождествления с реальными археологическими объектами: Калиф—Келиф, Балхан—Юрок-тюбе, Хорезмийн—Карахауз, Бухарийн—Шехри-Хамс, рабат Хаваран—Шор-депе 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Географический очерк Мавераннахра. Соч., т. 1. М., 1963.
2. Бонс А. Путешествие в Бухару, ч. 3. М., 1948.
3. Быков А. Ф. Очерк переправ через Аму-Дарью. Ташкент, 1879.
4. Ершов С. А. Археология в СССР за 20 лет. — Изв. ТФАН СССР, 1944, № 2—3.
5. Лагофет Д. Н. Бухарское ханство, т. 1, б. г.
6. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII в. — ТЮТАКЭ, 1962, т. 11.
7. Ляпин А. А. Карахауз. — Памятники Туркменистана, 1972, № 1.
8. Мандельштам А. М. Археологическая разведка в Чаршангинском районе. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1967, № 1.
9. Масальский В. Н. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 19. Спб., 1913.
10. Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
11. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). — ТЮТАКЭ, 1966, т. 13.
12. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. — Научная мысль, 1930, № 1.
13. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939.
14. Пилипко В. Н. Керамика Асадабада (Лаукара). — Материальная культура Туркменистана, вып. 2. Ашхабад, 1974.
15. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. А. Белова. Первобытные стоянки «Шагал» у Нефтезаводска	3
Е. Е. Кузьмина, А. А. Ляпин. Новые находки степной керамики на Мургабе	6
Г. Гутлыев. Стратиграфический шурф на Гараой-депе	22
Д. ж. Дурдыев. Канга 2 — поселение эпохи поздней бронзы	31
Э. А. Мурадова. Результаты работ на Бенгуване	38
Х. Юсупов. Новые данные о курганах Шасенем-гыр	52
В. Ю. Вдовин. Хумы Южного Туркменистана парфянского и сасанидского времени (Парфиены и Апаварктикены)	80
А. Губаев. Новые археологические данные о крепости Чильбурдж	95
Е. Атагарриев. Новые археологические данные о Мисриане	106
А. Бабаев. Средневековый жилой дом на Ярты-депе	128
Н. С. Бяшимова. Эволюция орнамента глазурованной керамики Южного Туркменистана IX—XI вв. (по материалам Мерва)	135
В. Н. Пилипко. О некоторых станциях на средневековом торговом пути из Термеза в Бухару.	158

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства Л. А. Татаурова

Художественный редактор О. Агабаев

Технический редактор Г. А. Артыкова

Корректоры Б. Атаева, И. Бондарева

ИБ № 531

Сдано в набор 16.08.83. Подписано в печать 23.05.84. И—01679. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 11,6. Привед. печ. л. 10,75. Тираж 700 экз. Изд. № 90. Заказ № 3548. Цена 1 р. 70 к. Издательство «Ылым» АН ТССР. 744000, Ашхабад, ул. Энгельса, 6. Типография АН ТССР. 744012, Ашхабад, ул. Советских пограничников, 92а.

1 р. 70 к.